

Государии и грамоты: Введение в дипломатику королевского акта в раннесредневековой Англии*

Д. В. СУХИНО–ХОМЕНКО, Т. В. ГИМОН

– Тогда бумажечку позволъ сюда. Бумажечка в дело пойдет. – Румата отдал бумагу.
Смотритель повертел её в руках, разглядывая печати, затем сказал с восхищением:

– Ну и пишут же люди!

А. и Б. Стругацкие. «Трудно быть богом» (1964)

Аннотация: Работа представляет собой введение в дипломатику англо-саксонского королевского акта (до 1066 г.). Она включает терминологическое введение, очерк истории публикации, исследования и важнейших дискуссий, касающихся англо-саксонского акта, с XVI по начало XXI в. (включая вопрос о современном состоянии электронных баз данных по англо-саксонскому акту и очерк о советских и российских исследованиях и публикациях английских раннесредневековых актов), обзоры формы, содержания, истории и важнейших проблем изучения двух категорий англо-

---

* Разделы «Важнейшие термины» и «Жалованные грамоты VII–IX вв.» написаны Т. В. Гимон; раздел «Указные грамоты» написан авторами совместно (с использованием публикации: Гимон 2014. С. 21–31); остальные разделы написаны Д. В. Сухино-Хоменко. Авторы хотели бы выразить благодарность Кэтрин Трассел (Сойер) и Иэну Вуду за содействие в поиске портрета Питера Сойера; Чарльзу Инсли и Алексу Вульффу за возможность ознакомиться с некоторыми редкими изданиями и консультации по частным историографическим вопросам; Альберту Фентону за консультации по отдельным вопросам о грамотах онлайн; Антону Юрьевичу Золотарёву за любезно предоставленную рукопись его диссертации, а также организаторам аспирантской школы «Dynamic Middle Ages II» (НИУ ВШЭ, Москва; Университет Генриха Гейне, Дюссельдорф, 2014–2016 гг.), где была представлена часть материала данной статьи.

саксонских королевских актов: жалованных грамот (*diplomas*) и указных грамот (*writs*) (включая такие сюжеты, как происхождение обеих разновидностей документов, суть бокленда, описания границ владений, списки свидетелей, использование латинского и древнеанглийского языков, потенциал актов как источников по экономике и идеологии, и мн. др.). В заключительном разделе делается попытка обобщить данные о функционировании королевских актов (от производства грамот до их использования на практике).

Ключевые слова: Англия, англо-саксы, акты, грамоты, жалованные грамоты, указные грамоты, средневековые архивы, бокленд, источниковедение, дипломатика

Denis V. Sukhino-Khomenko, Timofey V. Guimon
***Cyningas and cartae: An Introduction in the Diplomatic of Royal Charters
in Early Medieval England***

Abstract: The paper is an introduction in the diplomatic of royal charters in pre-1066 England. The paper comprises a terminological introduction, an overview of the history of the publication, study, and the main scholarly discussions concerning Anglo-Saxon charters from the 16th and up to the early 21st century (including the present situation with electronic databases of Anglo-Saxon charters, and the Soviet and Russian tradition of study and translating of those documents), overviews of the form, content, history, and the main issues of study of the two categories of Anglo-Saxon royal acta: diplomas and writs (including such issues as the origin of both diplomas and writs, the nature of *bookland*, boundary clauses, witnesses lists, the use of languages, the potential of the charters as a source for the history of economy and ideology, and a number of others), and, finally, an attempt to sum up the data on the practical functioning of royal charters (from their composing to their practical uses).

Key words: England, Anglo-Saxons, acts, charters, diplomas, writs, medieval archives, bookland, source studies, diplomatics

For citation: Сухино-Хоменко Д. В., Гимон Т. В. Государи и грамоты: Введение в дипломатику королевского акта в раннесредневековой Англии // Graphosphaera: Письмо и письменные практики. 2022. Т. 2. № 1. С. 25–175. URL: <http://writing.igh.ru/index.php?id=2022-2-1-25-174>

DOI: 10.32608/2782-5272-2022-2-1-25-174

© Д. В. Сухино-Хоменко, Т. В. Гимон 2022.

В ассоциативном с выражением «англо-саксонская Англия» ряду слово «грамота» традиционно уступает первые места таким топосам, как «Беовульф», «Нормандское завоевание», «король Альфред» или «Денло», оставаясь, как правило, средоточием профессионального интереса. Впрочем, возможно, в последнее время количество научных

трудов¹ отчасти перешло в качество, так что англо-саксонская дипломатика перешагнула сугубо академические рамки и только за одно предшествующее десятилетие как минимум дважды попала на телеэкраны. Достоинства этих попаданий, однако, оставляют желать лучшего. В сериале «Vikings»² фигурирует вымышленный эпизод, когда в спешно оставленной двором столице побеждённый уэссекский король Эгберт (прав. 802–839) в стоическом одиночестве скрепляет красной сургучной печатью-оттиском и вручает победоносным предводителям викингов тут же изготовленную безликим монахом грамоту на владение королевством Восточная Англия. Оставляя в стороне художественную составляющую данного фрагмента, историк вынужден признать его совершенную фантастичность: ни одна из известных англо-саксонских грамот не наделяла получателя суверенными политическими правами; написание пожалований было сложным искусством и требовало серьёзной квалификации составителя, порой являвшегося даровитым латинистом; вручение грамоты (всегда публичное и символическое) обязательно сопровождалось одобрением королевскими придворными и сановниками – список со столбцами таких свидетельских подписей, ненадолго мелькающий в объективе камеры, даже был старательно воспроизведён реквизиторами; наконец, авторам многостраничных научных изысканий о подлинности тех или иных документов остаётся только завидовать лёгкой руке сценаристов, ради нескольких секунд кинематографического кадра помещающей на англо-саксонскую жалованную грамоту удостоверяющую её и не существовавшую в действительности монаршую печать. Появление указной грамоты, которой король Альфред (прав. 871–899) повелевает протагонисту в сериале «The Last Kingdom»³ предстать перед коронным судом, выглядит менее анахронично и, в отличие от «Vikings», не играет существенной роли в дальнейшем сюжете. Однако и здесь создатели в нарративных целях несколько дезинформируют свою аудиторию: первые достоверные документы этого типа зафиксированы через почти полтора столетия после описываемой эпохи, и ни один не вызывает отдельного поддан-

---

¹ Библиография «Электронного Сойера» – самого полного цифрового ресурса по соответствующей тематике (см. с. 58–59) – только за XX в. содержит ок. 1075 работ и ещё около полусотни с 2000 по 2007 г.; согласно нашим собственным, едва ли полным подсчётам, на момент написания статьи с 2008 г. в свет вышли не менее (а скорее всего, гораздо более) 60 статей, монографий, диссертаций и глав в сборниках.

² Транслировался в 2013–2020 гг., производство канадского канала «History».

³ Адаптация романов Бернарда Корнуэлла, транслируется с 2015 г. по настоящее время, производство по заказу «BBC».

ного ко двору – напротив, все дошедшие королевские указные грамоты исходят от двора и адресованы местным собраниям графств.

Призыв не черпать исторические знания из художественных произведений не нуждается в дополнительной аргументации. Знакомство с англо-саксонской дипломатикой, однако, сталкивается со сложившейся традицией её разработки в первую очередь в рамках узко специализированных работ, часто предполагающих основательные предварительные знания и владение нюансами соответствующей английской терминологии. Как ёмко выразился Кристофер Чени (1906–1987), англо-саксонские документы «отвечают, лишь когда к ним обращаются, и они не станут говорить с незнакомцами» (Cheney 1973. P. 8). Насколько нам известно, последнее на текущий момент полноценное введение в эту тему на основе трёх лекций в Королевском колледже Лондона от марта 1954 г. принадлежит перу сэра Фрэнка Стентона (1880–1967) (Stenton 1955)⁴. Они, безусловно, стали отличной «отправной точкой» для незнакомых с темой на годы вперёд, однако представляли несколько однобокую картину. Во введении автор открыто указывал, что его интересует чисто исторический, а не дипломатический аспект англо-саксонского делопроизводства. Как и всегда, Стентон демонстрировал непревзойдённое владение источниковой базой и, «как ни один другой учёный, обладал глубокими познаниями об англо-саксонских грамотах» (Bullough 1991. P. 467). Но его интерпретации исходили из представлений об истории как в первую очередь поступательном «конституционном» процессе, что сказывалась и на разборе грамот. Описывая источниковую их ценность, Стентон находил её в первую очередь в том, что без них «политическая история англо-саксов была бы лишь скудным и разрозненным нарративом... Для всех периодов англо-саксонской истории грамоты неоценимы как подкрепление нарративных источников» (Stenton 1955. P. 28–29)⁵. Грамоты как культурный, текстуальный, материальный или символический объект оказались за пределами фокуса внимания Стентона, что, конечно, не умаляет его заслуг, ещё в 1948 г. отмеченных рыцарским титулом (Stenton 2002. P. 277).

---

⁴ Из других предшествующих обзорных работ можно назвать обширное вступление в издании выдающегося английского источниковеда Джона Эрла (Earle 1886. P. xiii–cxii) и отдельную главу в монографии Хьюберта Холла (Hall 1908. P. 163–207). Незадолго до книги Стентона экскурс в историю англо-саксонской грамоты и королевской канцелярии написал Стенли Краймз (Chrimes 1952 [1966]. P. 11–18).

⁵ Эти и подобные взгляды наиболее рельефно представлены в его главном труде, «Anglo-Saxon England» (1943) – их подробный анализ, как и в целом историософии Стентона, см.: Keynes 1994a. На русском языке о Стентоне см.: Сидорова 2018.

Тогда же сжатый обзор (позже обновлённый с учётом новой историографии во втором издании) составила и Дороти Уайтлок (1901–1980) в первом томе хрестоматии «English Historical Documents», удачно дополнившем книгу Стентона переводом 101 англо-саксонского акта (EHD. P. 369–382). Впоследствии также выходило источниковедческое пособие Хироши Хаяши, к сожалению, не представляющее собой законченного произведения и в силу обстоятельств появления («Privately printed», как указано на обложке) остающееся библиографической редкостью (Hayashi 1998). Так, даже с добавлениями с момента первого издания (1974), воспроизводя свою историографическую статью в 2000 г., Николас Брукс (1941–2014) по-прежнему сетовал на отсутствие полноценного учебника по англо-саксонской дипломатике⁶ (Brooks 2000. P. 184; 203). Пожалуй, наиболее актуальным на момент написания настоящей статьи де-факто обзором (во всяком случае, как и у Ф. Стентона, королевских жалованных грамот) можно признать обширную статью Саймона Кейнза (род. 1952), не задуманную, однако, автором в таковом качестве и потому всё-таки предполагающую известное знакомство с темой (Keynes 2013). Насколько нам известно, профессор Кейнз работает над книгой с предварительным заголовком «Diploma, Writ and Seal: A Study in the Documentary Culture of Anglo-Saxon England». Согласно его собственному комментарию, книга родилась из лекции в память об Агнес Робертсон (1882–1968), прочитанной им в Абердинском университете в 2009 г. (Keynes 2015b. P. 131). Судя по опубликованной программе 18-й конференции Международного Общества англо-саксонистов, она также была представлена публике летом 2017 г. (Foys, Irvine 2018. P. 2).

Англо-саксонская дипломатика так и не стала и предметом отдельного историографического интереса. Несомненным подспорьем станет упомянутая большая статья Брукса, но она охватывает работы только с 1952 по 1998 г. (Brooks 2000). Освоение материала русскоязычным читателем к тому же осложняется скромным, по сравнению с англоязычным пространством, количеством попаданий англо-саксонских грамот на страницы научных текстов на этом языке⁷, хотя в последние годы они привлекают всё больше внимания (Гуревич 1953; 1955; 1967; Савело 1969; 1977; Соколова 1971; Фонтхильское письмо 2009; Болдырева 2014; Гимон 2014; Сухино-Хоменко 2015; 2016).

---

⁶ Абрис будущего такого «идеального» пособия см.: Keynes 1980 [2005]. P. xiii–xiv.

⁷ Например, англо-саксонская королевская канцелярия, по вопросу о существовании которой было сломано немало копий (см. с. 51–57, а также: Сухино-Хоменко 2022б), на русском языке, насколько нам известно, обсуждалась лишь несколько раз и очень сжато (Золотарёв 2005. С. 100–101; Калмыкова 2011. С. 217).

В предлагаемой статье авторы, не претендуя на всестороннее освещение англо-саксонской дипломатической проблематики, надеются, насколько возможно в рамках одной публикации, заполнить эту лауну. Наша задача осветить историю англо-саксонской дипломатики как дисциплины, познакомить читателя с основными изданиями документов и их сложной историей публикации, а также с главными особенностями англо-саксонских грамот как исторического источника в динамике его развития.

В настоящей публикации мы ограничимся обзором *королевских* грамот (жалованных и указных). Впрочем, полностью разделить проблематику, связанную с королевскими и некоролевскими актами, невозможно, поэтому мы будем иной раз говорить и о других разновидностях англо-саксонского акта, в частности в историографической части работы⁸.

ВАЖНЕЙШИЕ ТЕРМИНЫ

До разговора об истории конкретных разновидностей актов, и даже до историографического обзора, уместно, на наш взгляд, обсудить и пояснить некоторые важнейшие термины (см. также Приложение). В англо-саксонской Англии *королевские* акты представлены, в основном, двумя разновидностями, которые мы будем называть, в соответствии с традицией русской дипломатики, жалованными и указными грамотами.

Жалованные грамоты (в английской исследовательской традиции – дипломы [*diplomas*] или просто грамоты [*charters*], иногда – «формальные (торжественные) грамоты», *solemn charters*) – документы, фиксирующие пожалование королем церковному институту либо частному лицу земель, доходов или иммунитетных прав. Самое распространённое древнеанглийское название этих документов – *bōc*⁹ (ср. современное

---

⁸ Все цитаты приводятся в орфографии и пунктуации цитируемых изданий (в случае латыни возможна минимальная нормализация в целях удобочитаемости). Латинские номинальные выражения, выделенные из полноценных предложений, приведены к именительному падежу. Древнеанглийские слова, приводимые в нашем авторском тексте (а не цитатах), даются по словарю Bosworth-Toller. При первом упоминании документа в скобках приводится дата его создания, при повторном она, как правило, опускается. Нумерация грамот следует за принятой в каталоге П. Соёера.

⁹ Иногда также *landbōc* или *landes bōc* (букв. ‘книга на землю’, ‘книга земли’). Латинская терминология отличается широкой вариативностью: грамота может называться *liber (hereditarius/ecclesiastici juris)*, *libellus*, (*ruralis*) *c(h)arta/karta*, *c(h)artula/kartula*, *hereditaria karta*, *carta territorii*, *scriptura hereditatis*, *privilegium*, *inscriptio*, *brevicula*, *chirographum* (от греч. χειρόγραφον, досл. ‘рукопись’), *telligraph(i)um/telligraphus/telligraphia*

book), производным от которого является важнейший для истории Англии термин *бокленд* (д.-а. *bōcland*, букв. «земля по грамоте», Williams 2014; см. об этом с. 105–121). Документы этой категории составлялись, в основном, на латыни (хотя могли иметь в своем составе написанное по-древнеанглийски описание границ земельных владений). Они известны почти на всем протяжении письменного англо-саксонского периода – с VII по XI в.

Русское именование этих документов «жалованными грамотами» имеет определённую историографическую традицию (Виноградов 1911. С. 147; Хрестоматия 1961. С. 588; Ривчак 2013. С. 6 и др.) и, на наш взгляд, вполне оправданно. Применительно к источниковедению истории России жалованными грамотами называют документы, издававшиеся от лица суверенных или полусуверенных правителей (а также церковных иерархов) и предоставлявшие получателю грамоты (духовной корпорации, светскому лицу, населению какой-либо местности) земли, иммунитетные привилегии, доходы, либо же регулирующие систему местного управления (см. о разновидностях русских жалованных грамот: Каштанов 1998. С. 150–153). Другие русские именования этих англо-саксонских документов («дипломы», «хартии») приемлемы, но, как нам представляется, способны несколько запутать читателя, ибо имеют в русском контексте другие коннотации. Встречающийся в русской историографии перевод «дарственная грамота» (Гуревич 1953. С. 52; Хрестоматия 1961. С. 636; Савело 1977. С. 33) неудачен, поскольку вряд ли транзакцию, о которой идет речь, корректно назвать «дарением».

Указными грамотами мы будем называть документы, в английской традиции именуемые *writs*¹⁰ (д.-а. *gewrit*, лат. *breve*). Существующие переводы этого слова – «указы» (Виноградов 1911. С. 294, 336, 341, 348), «предписания» (Гипшиус 2004. С. 202; Золотарёв 2005. С. 95; Винокурова 2021. С. 454) и «приказы» (Касатов 2019. С. 48–49, 122, 124, 177–178, 344 [примеч. 166], 458 [указатель]) – вполне удачны, однако, на наш взгляд, более точным (по крайней мере, применительно к документам до 1066 г.) будет перевод «указная грамота». На русском материале С. М. Каштанов определяет указные грамоты как «грамоты, посылаемые от имени государя обычно его местным агентам, а иногда и другим подданным, содержащие определенные предписания». Учёный отмеча-

---

(от лат. *tellus* 'земля', и греч. *γράφειν* 'писать'), *syngrapha* (от греч. *συγγραφή* 'запись') и проч.

¹⁰ Термин *writ* до сих пор существует в англо-саксонском праве и обозначает распорядительное письмо (например, изданное судом; <<https://en.wikipedia.org/wiki/Writ>>). Об историческом значении англо-саксонских *writs*, их влиянии на документальные практики Англии и других стран см.: Barraclough 1954. P. 193–195.

ет при этом, что данный термин в источниках XVI–XVII вв. не встречается, а документы этого типа называются просто «грамота», «посыльная грамота» и т. п. (Каштанов 1998. С. 157). Каштанов относит их к числу «переходных форм от договора к... делопроизводственному документу распорядительного характера». По мнению ученого, «указные грамоты, по содержанию часто близкие к жалованным, принципиально отличаются от них с точки зрения характера отношений между дателем и получателем грамоты. Здесь уже нет элементов договора или сделки, а присутствует только распоряжение высшего органа власти низшему» (Каштанов 1969. С. 138). Англо-саксонские *writs* прекрасно подходят под эту характеристику.

В отличие от жалованных грамот, указные составлялись на древнеанглийском языке. Они сохранились практически только от XI столетия; время зарождения этой разновидности документов – предмет давней дискуссии, о чём пойдет речь в соответствующем разделе.

Отдельно стоит оговорить такое понятие, как *архив*. Мы используем его в соответствии с традицией англо-саксонской дипломатики, в которой архивом (*archive*) именуется та духовная корпорация (монастырь, кафедральный приорат и т. д.), в документации которой сохранился до конца Средневековья тот или иной акт. Здесь надо пояснить три момента:

1. Архив не обязательно тождествен месту происхождения. Жалованная грамота могла быть издана королем в пользу одного монастыря, но впоследствии эта земля оказалась в собственности другого, архив которого и сохранил для нас этот документ (хотя очевидных случаев такого рода сравнительно немного). Грамота могла быть также издана в пользу мирянина, но впоследствии отложилась в архиве монастыря (например, того, которому потомки этого мирянина передали землю).

2. Документ мог сохраниться в разных формах – не обязательно как отдельный лист пергамента, но и (даже намного чаще) как копия в составе картулярия, регистра, монастырской хроники и др. Кроме того, документ мог быть поддельным (т. е. созданным в Средневековье, иногда даже в англо-саксонский период, но не в то время, которое указано в самом тексте, а позже, в угоду каким-то интересам духовной корпорации) – о проблеме *подлинности* см. ниже¹¹.

3. Понятие «архив» относится именно к Средневековью, а к нынешнему местонахождению документов. В эпоху Реформации, когда

---

¹¹ См. особенно с. 51–52, 71, 76.

ликвидировались монастыри, многие архивы были расформированы и, полностью либо частично, погибли.

При том, что понятие «архив» не относится ни к появлению документа, ни к его нынешнему местонахождению, а лишь к «промежуточному» этапу его бытования, оно чрезвычайно важно для английской дипломатики, ибо архивы формировались естественным путем, отражая рост земельных владений духовных корпораций начиная с англосаксонского времени. Для архивов характерны местные особенности и традиции составления документов, создания картуляриев и пр., наконец, подделок. Поэтому и мы в своей работе будем пользоваться этим чрезвычайно удобным и ёмким понятием.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОРИЯ ПУБЛИКАЦИИ АКТОВ

Эпоха «первоначального накопления»: антиквариум и коллекционеры XVI–XVIII вв.

Начало англо-саксонской дипломатики, как и всей англо-саксонистики в принципе, лежит в эпохе Тюдоров, искавших подтверждения своей церковной политики в древнем прошлом (Niles 2015. P. 49–76)¹². К этому времени англо-саксонские грамоты давно осели в церковных архивах (см. с. 32), и после секуляризаций аббатств в 1536–1541 гг. рукописи разошлись по стране и «рынку древностей». Несколько упрощая, всё следующее столетие или даже даже полтора гуманитарная наука в Англии делалась руками «любителей старины», эрудитов-антиквариумов (Roberts 2006; Roebeck 2020¹³), и дипломатика не стала исключением (Hiatt 2009). Ещё в 1535 г. нотариус сэра Джон Прайз (1501/02–1555) собрал тексты некоторых грамот об основании монастырей. Год спустя королевский капеллан Томас Бедилл (ум. 1537) отправился в аббатство Рэмси в поисках документальных исторических подтверждений правоты Генриха VIII в его притязаниях на церковное верховенство. В дальнейшем монастырские грамоты появлялись в учёных дискуссиях на встречах Общества антиквариумов. Некоторые его члены, такие как Джозеф Холланд (ум. 1605) и Фрэнсис Тэйт (1560–1616), владели оригинальными манускриптами. На рубеже XVI–XVII вв. главным собирателем по праву следует признать сэра Роберта Коттона (1571–1631)¹⁴:

---

¹² О становлении английской историографии в это время см.: Паламарчук, Терентьева, Фёдоров 2021.

¹³ Критическое переосмысление понятия «антикварианизм» см.: Williams 2017.

¹⁴ Подробнее о Коттоне и формировании его коллекции см.: Kuhns 2014; Roberts 2006. P. 304–305 (отдельно о библиотеке); Паламарчук, Терентьева, Фёдоров 2021. С. 72–78.

сегодня грамоты из его библиотеки, включавшей более тысячи старинных рукописей (Roberts 2006. Р. 293), в основном составляют коллекцию Augustus ii¹⁵, а всего его собрание англо-саксонских документов, на две трети составленное из кентерберийских манускриптов, насчитывало около сотни экземпляров, из которых до настоящего времени не сохранились только три.

Илл. 1. Копия бюста сэра Роберта Коттона (1570–1631) работы Луи-Франсуа Рубильяка (1757 г.). Выставлена в Британском музее (фото в публичном доступе)

---

¹⁵ Это современное название, как и все в коллекции Коттона, обязано своим появлением бюсту римского императора, венчавшему соответствующий библиотечный шкаф.

Другими первопроходцами были сэры Эдуард Деринг (1598–1644) и Симон д'Юз (1602–1650). К середине века главные коллекции в целом сложились, так что сэр Генри Спеллман (ок. 1562–1641) сетовал, что так и не смог приобрести ни одной оригинальной рукописи (Keynes 1980 [2005]. P. 2). Но и в XVIII в. англо-саксонские документы ещё ходили на рынке антиквариата, например их скупали Питер ле Нев (1661–1729), Томас Мартин (1697–1771), Джеймс Уэст (ум. 1772), Эндрю Дакарел (ум. 1785), Густав Брандер (ум. 1787), Роберт Остен (ум. 1797) и Томас Астл (ум. 1803) (Keynes 2008b. P. 50–55, 58).

Грамоты как элемент религиозной дискуссии снова всплыли в 1626 г., когда члены Английской Бенедиктинской конгрегации (претендующей на каноническую преемственность с распущенными Генрихом VIII общинами) включили некоторые тексты в их издание «*Apostolatus Benedictinorum in Anglia*». Первое научное использование англо-саксонских документов не заставило, впрочем, долго себя ждать. В 1655 г. сэр Уильям Дагдейл (1605–1686) выпустил содержащий хронологический обзор английских монастырей первый том «*Monasticon Anglicanum*», подготовленный ещё в 1638–1640 гг. имевшим доступ к Коттоновской библиотеке Роджером Додсуортом (1585–1654). Второй том, последовавший в 1661 г., был существенно дополнен самим Дагдейлом, а в 1695 г. свет увидела «*Notitia Monastica*» за авторством Томаса Таннера (1674–1735) (Keynes 2008b. P. 50–52). Безусловно, внимание и интерес к древним документам были подстёгнуты выходом в Париже в 1681 г. труда бенедиктинца Жана Мабильона (1632–1707) «*De re diplomatica libri VI*» – именно с него и отсчитывает своё начало современная европейская дипломатика как научная дисциплина (Каштанов 1988. С. 42–44; Keynes 2013. P. 69–70; Snook 2015a. P. 16–17).

Амбиции стать английским Мабильоном питал молодой и талантливый палеограф-самоучка Хамфри Уонли (1672–1726). В ту пору он занимал второстепенный пост в Бодлеанской библиотеке Оксфордского университета¹⁶ и позже внёс огромный вклад в англо-саксонистику, помогая Джорджу Хиксу (1642–1715), находившемуся тогда вне закона из-за неприятия им «Славной революции», в работе над «*Linguarum veterum septentrionalium thesaurus grammatico-criticus et archaeologus*» (1703–1705), где среди прочего были размещены и некоторые грамоты. Третий том, подготовленный Уонли и представлявший перечень всех известных англо-саксонских манускриптов, не был превзойдён до 1957 г. (Niles 2015. P. 147–158). 20 июня 1697 г. датировано письмо Уонли к

---

¹⁶ О Томасе Бодли (1545–1613), чьё имя носит библиотека, и его вкладе в её формирование см.: Roberts 2006. P. 305–307.

хранителю Коттоновской библиотеки Томасу Смигу (1638–1710) с просьбой предоставить ему Augustus ii для задуманного им критического тома «De re Anglorum diplomatica». Уонли указывал, что, проводя, говоря современным языком, почерковедческий анализ, он сможет определить корпус подлинных и подложных документов, потому что грамоты, в отличие от картуляриев, обычно датированы. Но он также понимал ценность этого источникового материала для политической, церковной и культурной истории. Пять лет спустя Уонли выступил с идеей более полной палеографической описи всех английских почерков, очевидным образом по подобию французской «De re diplomatica». Протестант Смит, как и Хикс, предвзято настроенный к католику и монаху Мабильону и подозревавший его в не всегда критическом отношении к подлинности монастырских текстов, по разным соображениям отказал Уонли (Hiatt 2009. P. 359–365). В результате научная публикация англосаксонских грамот задержалась ещё на полтора столетия, а каталогизация почерков, каковых Дональд Скрагг насчитал 1052, – на более чем три века (Scragg 2021).

К сожалению, отнюдь не всем англо-саксонским документам, в своё время пощаждённым средневековыми переписчиками¹⁷, удалось благополучно пережить роспуск монастырей и смену владельцев на протяжении полутора веков¹⁸. Перед королевскими комиссарами была изначально поставлена задача обеспечить сохранность рукописей, но в ходе перераспределения церковных имений грамоты передавались новым собственникам, и дальнейшая судьба рукописей оставалась всецело в их руках. Драматург, антикварий и протестантский церковный деятель Джон Бейл (1495–1563) писал в частном письме 1560 г., что во время его пребывания в Ирландии семью годами ранее он приобретал древние рукописи после «прикорбного разорения библиотек Англии» в лавках с канцелярскими товарами и у книжных переплётчиков, у бакалейщиков и торговцев мылом, портных или с кораблей, отправлявших манускрипты на продажу во Фландрию (Niles 2015. P. 50–51).

Уже в XVI в. какие-то грамоты погибли. Например, известно, что несохранившаяся группа абингдонских грамот принадлежала лекарю Генриха VIII, Джорджу Оуэну (ум. 1558), вероятно, купившему их у по-

---

¹⁷ Можно точно сказать, что за пять веков между Нормандским завоеванием и английской Реформацией фонд грамот пострадал. Один из ярких примеров потерь – гластонберийский картулярий *Liber terrarum*, включавший 134 документа (до нашего времени всего из Гластонбери происходит 61 грамота), составленный, видимо, в XI в. и известный по росписи его содержания 1247/48 г. (BASC XV. P. 87–96, 100–103, 533–553).

¹⁸ Об этом процессе в целом см.: Carley 2006.

следнего управляющего этого аббатства. 12 из них¹⁹ успел переписать каноник собора г. Норидж, Роберт Талбот (ок. 1505–1558), и их текст нам известен. Оригинальная подборка Прайза тоже не дошла до наших дней, но, к счастью, её также успели скопировать – подобными трудами и стараниями последующих энтузиастов были спасены некоторые грамоты (как на отдельных листах, так и в картуляриях), оригиналы которых на сегодняшний момент утрачены.

Следующее столетие оказалось не менее жестоким по отношению к англо-саксонским документам. Так, специалист по древностям Джон Обри (1626–1697) вспоминал, что рукописи аббатства Мальмсбери могли использоваться просто как расходный материал в быту (Keynes 1980 [2005]. Р. 2). В ходе гражданской войны солдаты Парламента дважды, в 1642 и 1646 гг., разгромили винчестерский архив, так что секретарь капитула Джон Чейз собирал уцелевшие бумаги на городских улицах. Примерно в те же годы исчез и картулярий из Эбботсбери (Keynes 1980 [2005]. Р. 9; см. также с. 58). Что говорить, если даже в конце XIX в. свитки с именами послушников бывшего винчестерского приората едва не были пущены на растопку одним из каноников как «бесполезная макулатура» (Crook 2003. Р. 228). К началу XVII в. главными архивами, где ещё хранились неизвестные документы, оставались епархиальные, и яркий пример распада средневекового рукописного собрания даёт архив Вустера. Из известных по записям антиквариетов примерно 140 оставшихся единиц в кафедральной церкви к 1705 г. 3 оказались в библиотеке Коттона, 16 – у лорда Кристофера Хаттона (1605–1670), не менее 24 – у неизвестных владельцев, 4 – у сэра Роберта Харли (1661–1724), 24 – у сэра Джона Сомерса (1651–1716) – за исключением одной, все ныне утрачены, но их успел ввести в научный оборот Уонли, – наконец, 14 были скопированы вустерским каноником Уильямом Хопкинсом (1647–1700), их дальнейшая судьба туманна. В конечном счёте коллекции Коттона, Деринга, д'Юза, Хаттона и Харли так или иначе попали в Британский музей (ныне – Британская библиотека; Keynes 2008b. Р. 57–59), и сегодня их цифровые репродукции доступны широкой публике. Всего в Британской библиотеке хранятся 203 экземпляра англо-саксонских грамот²⁰.

---

¹⁹ S 404 (930 г.), 411 (935×938 гг.), 544 (949 г.), 558 (951 г.), 559 (952 вместо 953 г.?), 605 (955 или 956 г.), 615 (956 г.), 584 (956 г.), 611 (956 г.), 758 (968 г.), 886 (995 г.), 896 (999 г.). Сюзен Келли не исключает, что вся коллекция Оуэна и ограничивалась этой дюжиной (BACS VII. Р. xlvii).

²⁰ См. список: <<https://blogs.bl.uk/files/list-of-anglo-saxon-charters.pdf>>.

Публикаторы и первоиздания: XIX в.

Новую страницу в истории англо-саксонской дипломатики открыл «англо-саксонский метеор», как его назвал один из недоброжелателей (Niles 2015. P. 234), Джон Кембл (1807–1857). Горячий поклонник континентальной германистики, лично знакомый с братьями Гримм, Кембл не только первым научно издал, перевёл и откомментировал «Беовульфа», но и опубликовал (согласно оглавлению в последнем томе) 1369 англо-саксонских латинских и древнеанглийских грамот в шеститомнике «Codex diplomaticus ævi Saxonici» (1839–1848). В последнем томе Кембл также дал указатель идентифицированных им географических названий, что стало огромным подспорьем для будущего изучения топонимики, хотя, впрочем, он сам признавал его небезупречность. Даже по прошествии без малого двух веков этот труд по-прежнему используется, потому что некоторые размещённые в нём тексты до сих пор не переизданы.

Илл. 2. Джон М. Кембл (1807–1857), рисунок С. Мортон (до 1852 г.)

Тем не менее сегодня этим, пожалуй, и ограничивается ценность «Codex diplomaticus», уязвимого для современной критики: вопреки намерению автора, порядок расположения документов в нём хаотичен²¹, орфография часто нормализована, последовательное сравнение списков не проводилось, некоторые грамоты ошибочно определены как подложные, а границы владений, описанные по-древнеанглийски, часто помещены отдельно от латинского текста. Но даже при всём при этом стоит признать грандиозность стоявшей перед Кемблом задачи и отдать должное титаническому труду, выполненному одним человеком менее чем за десятилетие.

Доработать издание Кембла стремился его современник, единомышленник и коллега Бенджамин Торп (1781–1870). Ещё при жизни Кембла они совместно обратились к министру внутренних дел сэру Джеймсу Грэму (1791–1861) с предложением издать расширенный вариант «Codex diplomaticus» и сопроводить каждый документ переводом, но не получили ответа. Тогда Торп попытал счастья у хранителя архивов и председателя апелляционного суда, сэра Джона Ромилли (1802–1874), в 1861 г. принявшего в серию «Rolls Series» подготовленное Торпом издание Англо-Саксонской хроники, но на этот раз отказавшего по финансовым соображениям. Торп предложил ограничить набор текстов только «имеющими прямое или косвенное значение для нашей ранней истории» – и снова не добился успеха. Он не сдался: так до конца и не оправившись от неназванной тяжёлой болезни, обрушившейся на него где-то в первой половине 1864 г. и, возможно, ставшей фатальной шесть лет спустя, в 1865 г. при поддержке ливерпульского ювелира и антиквара Джозефа Мэйера (1803–1886) Торп всё же выпустил урезанную версию под заголовком «Diplomatarium Anglicum ævi Saxonici». Как и в случае с работой Кембла, она по сию пору остаётся единственным изданием некоторых текстов. Помимо источников из «Codex diplomaticus» в неё были включены не только иные пропущенные Кемблом жалованные грамоты, но также частые акты: завещания, отпускные грамоты и уставы гильдий. Не найдя относящимися к теме как минимум 73 прежде не публиковавшихся документа, но сняв с них копии, Торп, к разочарованию потомков, решил исключить их из своей подборки, равно как и факсимиле оригинальных рукописей, которыми он планировал украсить издание, если бы оно вышло в «Rolls Series»²².

---

²¹ В процессе работы над «Codex diplomaticus» был обнаружен картулярный середины XII в. из Олд-Минстера, что вместе с другими обстоятельствами нарушило планы Кембла (Keynes 2013. P. 43).

²² Драматичная история этой публикации описана в её предисловии. Биография Торпа известна лишь в общих чертах (о нём и о Кембле подробнее см.: Niles 2015.

Последний пробел вскоре компенсировали четыре тома с репродукциями англо-саксонских грамот на отдельных листах из Британского музея Эдуарда Бонда (1815–1898) и три тома с фотоцинковыми факсимиле и транслитерацией англо-саксонских манускриптов Уильяма Сандерса (1823–1892) (Facsimiles 1873–1878; Facsimiles 1878–1884). Вместе эти семь фолиантов содержали почти все известные к тому моменту грамоты на отдельных листах и почерковедческое исследование Бонда в предисловии к четвёртому тому, но не всегда воспроизводили приписки на оборотах документов (Keynes 2013. P. 43; Stenton 1955. P. 6–7).

Полным изданием всего корпуса должен был стать труд «Cartularium Saxonicum» сэра Уолтера де Грей Бёрча (1842–1924), работавшего в 1864–1902 гг. в отделе рукописей Британского музея. В отличие от Кембла, Бёрч организовал материал строго по хронологическому принципу, потому что, как и его предшественники и современники, полагал сохранившиеся грамоты принадлежащими одной непрерывной традиции. Бёрч учёл прогресс в дипломатике за прошедшие четыре десятилетия после выхода «Codex diplomaticus», но одновременно с этим включил в своё издание некоторое количество явных подделок. К сожалению, выпускавшийся частями с 1883 по 1893 г. (всего вышли 32 части) амбициозный проект не был до конца осуществлён в соответствии с первоначальным видением составителя и ограничился 1354 актами (считая приложения). После выхода второго тома в 1887 г. бывший публикатор не смог продолжить работу, и сэр Уолтер обратился в издательский дом Чарльза Кларка, предполагая, что третий том, доведённый до 975 г. (смерть короля Эдгара), завершит лишь первую серию. Однако дальнейшее финансирование подписчиками, на которое рассчитывал Бёрч в предисловии к третьему тому, видимо, прекратилось, и вторая серия с документами 976–1066 гг. так и не вышла в свет. Лишь в 1899 г. Бёрч выпустил отдельным добавлением именной указатель (de Gray Birch 1885–1893; 1899).

Кроме упомянутой выше хрестоматии Джона Эрла, видимо, последним значимым изданием первоисточников в XIX в. стала совместная публикация Уильямом Стивенсоном (1858–1924) и Артуром Напье (1853–1916) почти столетие недоступной публике коллекции Остена из 19 грамот, частично или полным составом, возможно, купленных тем у Томаса Мартина (The Crawford Collection 1895 [2012]). Она сформировалась к 1791 г. и позже попала во владение Уильяма Кроуфорда (1812–1888),

---

Р. 220–242), поэтому без обращения к архивам соответствующих ведомств невозможно точно определить этапы подготовки «Diplomatarium» – кроме хронологических диапазонов, когда Грэм занимал министерский пост (с сентября 1841 по июль 1846 гг.), а Ромилли руководил архивами (1851–1873 гг.).

а после его смерти и распродажи имущества 14 марта 1891 г. приобретена кураторами Бодлеанской библиотеки в Оксфорде. Во введении Стивенсон, хорошо знакомый с наработками континентальных коллег (Kleinschmidt 1998)²³, изложил свои методы критического анализа подлинности и подложности грамот, и, оказавшись строгим дипломатом, пенял Бёрчу на излишний «либерализм». Впрочем, не все его собственные строгие определения некоторых документов как поддельных сегодня разделяются в литературе. Годом позже Стивенсон опубликовал важную статью и бросил вызов устоявшемуся мнению, обобщённому на тот момент выдающимся французским дипломатом Артюром Жири (1848–1899), что Нормандское завоевание стало принципиальной вехой в английской дипломатике: напротив, писал Стивенсон, нормандские канцеляристы опирались на уже имевшиеся прецеденты и формы (Stevenson 1896). В мае 1898 г. Стивенсон разовьёт эти наработки в нескольких лекциях имени Самуэля Сандарса в Кембридже, в которых дополнительно контекстуализирует существование англо-саксонской королевской канцелярии, которую он определял как «штат обученных королевских писцов, чьей задачей было составление и написание королевских грамот». Этот вывод был сделан скорее из общих соображений и в полемике с Жири и вообще часто встречавшимся тогда мнением о «цивилизаторском» вкладе нормандцев. К сожалению, эти идеи Стивенсона долгое время оставались практически незамеченными или недоступными. По воспоминаниям, лектор обращался лишь к трём слушателям (Keynes 2015b. P. 118, n. 38), а текст так нигде и не был официально опубликован, хотя в 1900 г. на выступление Стивенсона обратили внимание в «The English Historical Review». В 1937 г. лекции снова были замечены, на этот раз в диссертации Мэри Парсонз (1885–1971), также неопубликованной, но исследовательница, видимо, не имела доступа к тексту и упоминала намерение Остина Пула (1889–1963) издать их ещё в 1935 г. (Kleinschmidt 1998. P. 263 [16]). Рукопись лекций, к счастью, сохранилась в библиотеке оксфордского Сент-Джонз-Колледж (Keynes 1980 [2005]. P. 14), и в 2000-е была оцифрована и размещена на сайте «Электронного Кембла» (о нём см. с. 59).

Несовершенные и неполные, эти издания заложили основополагающую источниковую базу, без которой были бы невозможны дальнейшие исследования английской донормандской истории. Однако в тот момент потенциал древнеанглийских грамот, оценённый уже Кемблом в его «The Saxons in England» (Keynes 1980 [2005]. P. xi), только-

---

²³ Хотя и Кембл был, конечно, осведомлён о серии «Monumenta Germaniae Historica».

только начал раскрываться. Например, Фредерик Мэтланд (1850–1906) (один из трёх слушателей Стивенсона) обращался к ним, обсуждая природу бокленда (Maitland 1897 [1921]. P. 226–244). Несколько позже Генри Чэдвик (1870–1947), судя по всему, одним из первых широко использовал списки свидетелей в грамотах для реконструкции политической, административной и институциональной структур англо-саксонских королевств (Chadwick 1905 [2010] P. 161–197, 202–227, 308–354). Но при господствовавших тогда научных исторических парадигмах (ср., например, выделение Торпом и позже Флоренс Хармер [1890–1967] грамот «первостепенного значения» – см. с. 43) дипломатика оставалась в первую очередь вспомогательной дисциплиной, к тому же по-прежнему страдающей от отсутствия полного и систематического корпуса. Признавая достижения предшественников, черту под полстолетием публикаторской работы одной фразой подвёл Стивенсон: «До сих пор нельзя сказать, что древнеанглийские грамоты изданы» (The Crawford Collection 1895 [2012]. P. viii)²⁴.

Семь десятилетий «кумулятивного роста»: 1890-е – начало 1960-х гг.

На протяжении следующих нескольких десятилетий после лекции Стивенсона фонд исследований, так или иначе касавшихся англо-саксонской дипломатики, год от года пополнялся новыми изысканиями, поэтому мы по необходимости затронем только работы, оставившие наиболее глубокий след в историографии.

Этот период, возможно, уместно отсчитывать от открывающего тома в новой кембриджской серии, замысленной Чэдвиком и претворённой в жизнь его учениками и ученицами²⁵ (Keynes 2015b. P. 130–132). Всего в рамках этого нового «альфредовского проекта»²⁶, по выраже-

---

²⁴ Ту же мысль два года спустя повторил и Мэтланд (Maitland 1897 [1921]. P. 226).

²⁵ По неожиданному совпадению, все четыре тома древнеанглийских документов оказались высокими образцами именно женской академической учёности, что, на наш взгляд, непременно должно стать предметом гендерных историографических исследований. Биографии Уайтлок и Хармер опубликованы в Loyn 2002 и Whitelock 2002 соответственно; биография Робертсон описана Венди Бёрман (Birman 1996); биография Чэдвика доступна в Lapidge 2015 (см. также другие главы в том же сборнике) и de Navarro 2002.

²⁶ Отсылка к просветительской политике короля Альфреда, важнейшей составляющей которой были древнеанглийские переводы выдающихся латинских произведений, полагававшихся монархом «самыми необходимыми всем людям» (*sume bec ða ðe niedbedyrfesta sien eallum monnum to witanne*; Schreiber 2003. P. 195, lines 6–7). Подробнее об «альфредовском проекте» см.: Meaney 1975; Toon 1994. P. 194–198; Jayatilaka 2012; Гимон 2012. С. 108–113; Кейнес 2015а. P. 26–33; Snook 2015а. P. 49–55 (см. также примеч. 47). Следует отметить, однако, что австралийский филолог Дэниэл Анлезарк недавно под-

нию С. Кейнза, вышло почти сорок изданий оригинальных источников и их переводов (Lapidge 2015. Р. 67–70). Первый, совсем небольшой, интересующий нас том появился в 1914 г. под редакцией Ф. Хармер. Он включал в себя 23 древнеанглийские грамоты, по мнению составителя, наиболее важные для IX–X вв. До некоторой степени это издание по своей задумке повторяло «Diplomatarium» Торпа полустолетней давности и было в целом тепло встречено коллегами. До сего момента многие из сделанных Хармер предположений, опиравшихся на критический подход Стивенсона, представляют научный интерес. И хотя иные рецензенты отмечали некоторую амбивалентность выводов (Whitelock 2000. Р. 370), на наш взгляд, предпочитаемая Хармер осторожность лишь демонстрирует понимание молодым учёным сложности темы (Select English Historical Documents 1914 [2011]).

Первая мировая война и последовавший кризис затормозили дальнейшие публикации, и следующий том, в котором Д. Уайтлок поместила, перевела и откомментировала 39 завещаний, вышел в свет лишь спустя полтора десятилетия (Anglo-Saxon Wills 1930 [2011]). Эта книга по большей части выдержала проверку временем в источниковедческой части, но, увы, сегодня нуждается в дополнениях, поскольку исследовательница исключила документы, прежде опубликованные Хармер, Стивенсоном и Напье, а также завещания, известные только в латинской версии. Кроме того, три завещания были обнаружены уже после работы Уайтлок, и одно из них (S 1497) было ею же подготовлено к печати в роскошном издании по заказу Роксбургского клуба (The Will of Æthelgifu 1968).

Девять лет спустя А. Робертсон собрала и опубликовала 120 документов на древнеанглийском языке середины VIII – середины XI в., 6 – нормандского периода и 9 с затруднённой датировкой (Anglo-Saxon Charters 1939 [1956; 2009]). В основной подборке оказались древнеанглийские документы всех известных типов (кроме указных грамот) из примерно 23 архивов: королевские пожалования (18 шт.), частные акты (38 шт.), арендные договоры (32 шт.), завещания и посмертные распоряжения (7 шт.), судебные постановления (14 шт.) и группа «прочих» грамот (11 шт.). Все вместе они стали важнейшим материалом для дальнейших дискуссий о письменных практиках, «прагматичной грамотности» мирян, хозяйственных отношениях, юридических нормах и проч.

верг сомнению традиционное отнесение процитированной фразы к известным альфредовским переводам (независимо от того, кто над ними действительно трудился), полагая, что под «самыми необходимыми всем людям» книгами имелись в виду библейские тексты (Anlezark 2017).

Последним томом в задуманной Чэдвиком серии стало полное собрание указных грамот, подготовленное Ф. Хармер и увидевшее свет в 1952 г. По воспоминаниям Дорис Стентон (1894–1971), Хармер обсуждала это начинание с Фрэнком Стентоном ещё в 1926 г., и следующую четверть века методично собирала материал львиную долю своего оставшегося свободным от преподавания времени (Whitelock 2002. P. 373–374). Том включил в себя 121 тщательно проанализированную, откомментированную и переведённую указную грамоту на древнеанглийском и латыни до 1066 г. Семью годами позже Хармер дополнит первое издание отдельной небольшой статьёй о двух пропущенных ею документах, ставшей, увы, последней в её научном творчестве. Вместе эти две работы, переизданные под одной обложкой в 1989 г., покрывают весь корпус англо-саксонских указных грамот (Harmer 1952 [1989])²⁷.

Плод трудов Хармер наглядно демонстрирует путь, проделанный источниковедением за почти сорок лет с момента выхода её первого сборника. Немалую лепту в этот прогресс внесла и она сама: если в 1914 г. её суждения о подлинности публикуемых источников занимали в комментариях не самое важное место (на что обращали внимание уже тогда), то за прошедшие десятилетия Хармер опубликовала несколько статей, в которых ребром ставила эту проблему. Так, из-под её пера вышел тридцатистраничный методологический очерк с разбором некритического использования актов на древнеанглийском языке Джоном Джолиффом (1891–1964) и сделанных им на этом основании далеко идущих выводов (Harmer 1938). Поэтому, как заметил в развернутой рецензии на том 1952 г. Джеффри Барраклаф (1908–1984), ценность этого издания состояла не только в упрощении труда историков²⁸, но и в убедительном решении вопроса о подлинности конкретных документов (Barraclough 1954. P. 195–196). Высоко отметив огромную работу, проделанную Хармер, Барраклаф, тем не менее, подверг сомнению её выводы об истоках указной грамоты как разновидности документов (см. подробнее в разделе об указных грамотах).

Далеко идущие последствия имела статья Ричарда Дрёгерайта (1908–1977), опубликованная им на основе защищённой в 1932 г. в Гёт-

---

²⁷ Переиздание не включило сводный список номеров документов, присвоенных Хармер, и номеров по каталогу П. Соьера (о нём см. с. 48–49), однако подобный перечень, сильно облегчающий современное обращение с указными грамотами, доступен в: Fenton 2020. P. 197–201.

²⁸ Лишь пять документов в первом издании были опубликованы Хармер впервые, однако отныне отпала утомительная необходимость обращаться к множеству разрозненных публикаций.

тингене диссертации²⁹. Чтобы лучше понять её значение и аргументы, необходимо помнить, что как учёный Дрёгерайт формировался в континентальной немецкой традиции, на которую огромное влияние оказали взгляды позитивиста Теодора фон Зикеля (1826–1908)³⁰. Для него центральное значение имела королевская канцелярия и реконструкция «архетипа»: работая с внешней структурой и языком документов, он определял шаблоны и текстуальные образцы, передававшиеся «поколениями» писцов. Такой «исходный текст» оставался плодом научной реконструкции несохранившегося оригинала, и впоследствии Зикеля критиковали за навязывание источниковому материалу его собственных представлений о том, «как оно было на самом деле» (Merisowsky 2000. Р. 17–18; Keynes 2013. Р. 69; Snook 2015a. Р. 17–19). Как бы то ни было, именно подобные методы и развил Дрёгерайт, проведя скрупулёзный палеографический анализ 82 королевских латинских жалованных грамот 928–969 гг., из которых акты 931–961 гг. сохранились на отдельных листах. До 951 г. он определил последовательные почерки и формуляры трёх писцов³¹ в десяти грамотах на отдельных листах в пользу разных бенефициаров³², из чего следовало, что перед нами королевский секретариат во главе с канцлерами, на роль которых Дрёгерайт предложил лондонского епископа Теодреда (ум. между 951 и 953) и вустерского епископа Эльфхеаха (ум. 951). После их кончины и до примерно конца десятилетия Дрёгерайт постулировал перерыв в работе этого «ведомства», которое ненадолго воскресло в начале 960-х, однако после 963 г. его деятельность заместило производство грамот о пожалованиях самими получателями, что автором объяснялось упадком королевской власти и влиянием «монастырской (или монашеской) реформы» (также называемой «бenedиктинским возрождением») (Drögereit 1935). Выводы Дрёгерайта (их обсуждение см.: Keynes 1980 [2005]. Р. 17–19) в целом продол-

---

²⁹ В 2004–2005 гг. Розмэри Бутикам выполнила перевод статьи Дрёгерайта, сегодня размещённый на сайте «Электронного Кембла» (о нём см. с. 59).

³⁰ О нём и ссылки на его биографию см.: Kleinschmidt 1998. Р. 274–276 [3–5], 261 [18], п. 2. В целом о немецкой дипломатике того времени см. там же.

³¹ Всего Дрёгерайт, не проводя различия между непосредственным писцом и составителем текста, выделил и условно обозначил по именам государей следующих писцов: ‘Æthelstan A’, ‘Æthelstan B’ (реконструирован только по позднейшим картуляриям), ‘Æthelstan C’, ‘Edmund A’ (реконструирован только по позднейшим картуляриям), ‘Edmund B’ (реконструирован только по позднейшим картуляриям), ‘Edmund C’, ‘Eadred A’, ‘Eadred B’ (известен только по S 649 [957 г.] на отдельном листе, остальные его грамоты известны только в поздних списках), ‘Edgar A’ (идентифицирован как абингдонский аббат Этельвольд).

³² S 416 (931 г.), 425 (934 г.), 447 (939 г.); см.: Кабитова, Сухино-Хоменко 2022. № 4), 464 (940 г.), 512 (943 г.), 497 (944 г.), 510 (946 г.), 528 (947 г.), 535 (948 г.), 552 (949 г.).

жали и независимо подтверждали выводы Стивенсона в его лекции 1898 г., долгое время лежавшей «под сукном», а также пересекались с будущей гипотезой Барраклафа, поскольку и он, и Дрёгерайт предполагали для середины X в. существование некоего королевского штата писцов.

Для дальнейшей дискуссии о наличии в распоряжении англо-саксонских королей X столетия постоянного секретариата необходимо упомянуть ещё две работы. Вдохновлённая документальным собранием Санкт-Галленского монастыря, сохранившим видимые следы средневековой архивной организации, американка М. Парсонз³³, работая в начале 1930-х гг. в Вене, вооружилась факсимильными изданиями Бонда и Сандерса и на материале грамот VIII–IX вв. на отдельных листах из кафедрального приората Кентербери (*Christ Church*) пыталась среди прочего в своей диссертации опознать признаки, по которым можно было бы восстановить процесс составления грамот (Parsons 1939)³⁴. Двадцать лет спустя Нил Кер (1908–1982) в своём фундаментальном каталоге рукописей на древнеанглийском языке, заменившем «Thesaurus» Уонли и Хикса, заметил, что несколько королевских грамот середины X в. написаны тем же почерком, что и некоторые погодные статьи в рукописи А Англо-Саксонской хроники (Ker 1957 [1990]. P. lix, 57–59)³⁵.

Наконец, нужно упомянуть ещё три издания первоисточников середины XX в. Во-первых, на континенте вышли третий и четвёртый тома в серии «Chartae Latinae Antiquiores» под редакцией швейцарца Альберта Брукнера (1904–1985) и француза Робера Маришала (1904–1999). В них были повторно изданы факсимильным способом и снабжены научным аппаратом английские грамоты, написанные почерками старше 800 г. (Bruckner, Marichal 1963–1967). Позднее Брукнер развил положения из введения к четвёртому тому и продемонстрировал, как во многих случаях подтверждающие приписки и следы ранних черновых записей, смена почерков или чернил в рамках одного документа за-

---

³³ О ней и некоторых деталях её карьеры см.: Мааск 2005.

³⁴ К сожалению, из всего текста диссертации свет увидела только глава о приписках на оборотах грамот, опубликованная в виде статьи. Не менее глубоко этот же материал тридцатью годами позже подвергнет тщательному анализу Н. Брукс. Его диссертация также не покинула архива Оксфордского университета, но Брукс развил и опубликовал свои наработки позже (см.: Кейнес 2008b. P. 46). Сегодня мнение Парсонз о том, что приписки (*endorsements*) на англо-саксонских грамотах делались до написания основного текста (как в Санкт-Галлене) и, следовательно, демонстрируют процесс их подготовки, в целом не разделяется (Gallagher, Wiles 2021. P. 231, 268).

³⁵ Позднее аналогичный вывод был сделан Д. Дамвиллом относительно статей той же рукописи А за конец IX – начало X в. (Dumville 1997. P. 79–83, 88).

ставляют отбросить сомнения в подлинности отдельных грамот (Bruckner 1965).

Во-вторых, дополнением к собранию текстов указных грамот Хармер стало факсимильное воспроизведение документов этой разновидности на отдельных листах, подготовленное Пьером Шапле (1920–2006) и Теренсом Бишопом (1907–1994) (Facsimiles 1957). Методами дипломатики они показали, что, вопреки своему формату, указные грамоты на самом деле в каких-то случаях писались самими бенефициарами, из чего следовало, что предположение об их производстве исключительно королевской канцелярией неверно. Кроме того, Бишоп и Шапле определили, что у Эдуарда Исповедника (прав. 1042–1066) была только одна печать (прежде называвшаяся второй), остальные оказались подделками, а Вестминстерское аббатство было признано одним из центров производства таких фальсификатов в середине XII в. (Brooks 2000. P. 184–185).

В-третьих, значимой стала заявка Герберта Финберга (1900–1974) и его ученика Сирила Харта (род. 1923) на неортодоксальный подход к современному изданию текстов англо-саксонских грамот – «Лестерская серия» или «The Early Charters Series», вышедшая в 1953–1979 гг. семью томами. В отличие от «Cartularium» Бёрча, Финберг и Харт избрали не хронологический, а территориальный принцип организации текстов. Однако материал сопротивлялся такому обращению. Обозначенные составителями регионы, как, например, «Западный Мидлендс» (второй том, 1961 г.) или «Северная Англия и Северный Мидлендс» (шестой том, 1975 г.), выбирались произвольно и следовали современным административным границам. Полностью был проигнорирован архивный контекст, грамоты из одних и тех же собраний оказывались в разных томах, а архивы Селси, Рочестера и Кентербери так и не получили собственного сборника. Не нашёл сочувствия среди коллег и «оптимизм» Финберга при оценке аутентичности многих документов³⁶. По мнению Бена Снука, субъективизм редакторских решений и анахроничный метод составления поставили крест на этом амбициозном начинании (Snook 2015a. P. 25–26). Однако не стоит и забывать о достижениях, отмеченных Н. Бруксом: «Лестерская серия», помимо публикации некоторых прежде не вводившихся в оборот источников, предоставила историкам массив топографического материала и в принципе стала подспорьем в локальных штудиях. Даже если оценка подлинности каждого конкретного документа требовала уточнений, историки от-

---

³⁶ Как и Кембл в своё время, Финберг и коллеги выставляли грамотам условные «баллы надёжности» в виде того или иного количества звёздочек.

ныне имели списки грамот для каждого графства, за исключением Сассекса и Кента (Brooks 2000. P. 183, 214).

Три революции 1960-х: список Сойера, серия VACS и спор о королевской канцелярии

Если первую половину – середину XX в. в англо-саксонской дипломатике уместно, с известными допущениями, характеризовать как период обобщений, уточнений и наработок, то 1960-е гг. можно с уверенностью назвать водоразделом в этой дисциплине.

Первой революцией (по фундаментальной значимости в долгосрочной перспективе, но не по хронологии) стал полный список всех известных на тот момент англо-саксонских грамот всех типов на латыни и древнеанглийском, составленный Питером Сойером (1928–2018) и вышедший в 1968 г.³⁷

Сойер был, бесспорно, выдающимся учёным с необычайно широким горизонтом академических интересов, простиравшихся от Книги Страшного суда до формирования шведского королевства, и зачастую его оригинальные трактовки порождали оживлённые дискуссии³⁸. И если иные его суждения сегодня могут быть поставлены под сомнение, то подготовленный им перечень, начатый ещё в годы учёбы в Манчестере в 1951–1953 гг., несомненно, не теряет своей актуальности и остаётся обязательным справочником любого дипломатиста, обращающегося к англо-саксонскому материалу. В этом перечне Сойер дал каждому документу номер и краткую справку: датировка, содержание, упомянутые в основном тексте лица; рукопись или несколько рукописей, сохранившие текст; предыдущие публикации; комментарии в историографии. Подобным образом в пятисотстраничном томе были описаны 1602 дошедших до наших дней целиком и ещё 273 неполных или утраченных документа, размещённые в следующем порядке: королевские пожалования, пожалования мирян, пожалования епископов, пожалования иных священнослужителей, «прочие тексты», завещания и посмертные распоряжения, описания границ владений. «Ни одна другая работа не сделала более, чтобы развеять завесу тайны над дипломати-

---

³⁷ Воспоминания Сойера о его работе над списком, написанные им в 2010 г., опубликованы на сайте «Электронного Кембла».

³⁸ Биографию Питера Сойера см.: Lund 2018. Издание «The Bulletin of International Medieval History» также должно было выпустить обширный некролог Сойеру за авторством Иэна Вуда, но текст до сих пор не поступил в печать. В личной переписке профессор Вуд заверил нас, что некролог всё же планируется к публикации после слияния журнала с «Leeds Studies in English» под новым (предварительным?) названием «Leeds Medieval Studies».

кой и сделать этот предмет более доступным для всего мира» (Brooks 2000. P. 203). Признание достижений Сойера отразилось в принятом сегодня формате обозначения англо-саксонских грамот литерой «S» и номерами, присвоенными Сойером (Sawyer 1968). Этой традиции придерживаются в статье и авторы.

Илл. 3. Питер Сойер (1928–2018).

Воспроизводится с любезного разрешения библиотеки Университета Лидса (Leeds University Library, Leeds University Archive, LUA_PHC_001_347)

Вторым большим прорывом в 1964–1965 гг. стали несколько собраний группы членов Британской Академии и Королевского исторического общества³⁹ для обсуждения проекта нового корпусного издания

---

³⁹ Сэр Горонви Эдвардз (вёл встречи), Пьер Шапле (позже предполагалось, что он будет ответственным за архивы юго-запада Англии [Keynes 1980 [2005]. P. xii], однако

грамот. С перевесом в один голос комитет, для краткости обозначаемый BARHS⁴⁰, принимая в расчёт готовившийся список Сойера, решил начать подготовку новой, полной публикации всех известных грамот. Первое официальное заседание датировано 8 июля 1966 г., и вскоре было постановлено организовать серию по *архивному* принципу, т. е. в соответствии с тем, в собрании (картулярии, регистре, хронике и т. д.) какой духовной корпорации (кафедрального собора, монастыря) грамота дошла до Нового времени (обычно до эпохи Реформации – см. с. 32). Как отмечает Кейнз, в тот момент такой выбор был сделан в первую очередь из соображений практичности (Keynes 2008b. P. 46). Архивный подход, противостоявший принятой в континентальной Европе практике разводить в изданиях частные и королевские акты и издавать последние сериями по правлениям, оказался методологически оправданным в силу наличия локальных дипломатических традиций в разных церковных общинах, особенно в ранний англо-саксонский период (Snook 2015a. P. 176). Общим правилом стало размещение каждого документа в «соответствующем архивном контексте, другими словами так, как он отложился и передавался (или фабриковался) в той или иной общине на протяжении Средних веков» (Keynes 2013. P. 48). Это новая серия, получившая аббревиатуру BACS⁴¹, должна включить «весь корпус донормандских грамот, снабдить их критическим аппаратом, детальным анализом дипломатических, палеографических, топографических и языковых особенностей, подробными глоссариями и указателями» (Brooks 2000. P. 181). «Спуск корабля на воду» занял почти семь лет (первым был издан рочестерский архив, 1973 г., 37 документов⁴²) и окончился лёгким конфузом: комитет нашёл недостаточно тщательной работу Алистера Кэмпбелла (1907–1974), ответственного за издание, и принял более строгое руководство для будущих редакторов⁴³, так что следую-

этим планам было не суждено осуществиться), Вивиан Гэлбрейт, Дороти Уайтлок, Фрэнсис Уормальд, Реджинальд Дарлингтон, Флоренс Хармер, Нил Кер, Питер Сойер (стал секретарём и де-факто постоянным редактором до 1982 г.) и Герберт Финберг (по воспоминаниям Сойера, он очень хотел стать главным редактором и был крайне раздосадован, когда не получил места даже обычного члена в комитете – судя по всему, причиной стало его чрезмерно лёгкое отношение к проблеме подлинности грамот).

⁴⁰ По первым буквам названий участвовавших в её планировании организаций: British Academy–Royal Historical Society (<<https://thebritishacademy.ac.uk/publishing/specialist-scholarly-publications/anglo-saxon-charters>>).

⁴¹ British Academy [Anglo-Saxon] Charters Series (Snook 2015a. P. xii).

⁴² В том не вошла грамота S 349 (895 г.) как очевидная подделка, дошедшая в составе этого архива.

⁴³ Воспоминания Сойера несколько отличаются от изложения Брукса. По Сойеру, руководство было утверждено ещё на первом собрании, но Кэмпбелл, вызвавшийся

щий том (архив аббатства Бёртон, 1979 г., 38 документов) готовился П. Сойером ещё шесть лет, но, по оценке Н. Брукса, отвечал самым высоким стандартам (Brooks 2000. P. 203–204).

Третьим «китом», на котором стоит современная англо-саксонская дипломатика, стала длительная дискуссия о существовании королевской канцелярии, завязавшаяся после серии статей П. Шапле. С 1965 по 1969 г. он опубликовал пять работ⁴⁴, и высказанные в них тесно взаимосвязанные тезисы можно обобщить следующим образом:

- Шапле бросил вызов устоявшейся традиции отсчитывать английскую документальную традицию от кентерберийского архиепископата Теодора Тарского (занимал кафедру в 669–690 гг.). Вместо этого на роль зачинателя дипломатической практики среди англо-саксов Шапле выдвинул миссионера Августина (первый архиепископ Кентерберии в 597–604х609 гг.) и его братию.

- Историк привёл ряд аргументов в пользу производства грамот самими бенефициарами «на месте», т. е. церковными общинами (в собственных нуждах или по обращению мирян), в частности:

- Отсутствие единого формуляра англо-саксонской грамоты. В отличие от каролингских и оттоновских грамот, ярко демонстрирующих своё королевское происхождение, англо-саксонские документы по своей сути являются в первую очередь продуктами церковного производства и не содержат ни приписей нотариев, ни печатей. Такое «примитивное» устройство канцелярии было бы среди прочего странным для архиепископа Теодора, в чьём штате присутствовал как минимум один нотариус по имени Титил (упоминается Бедой, HE IV.5). Вместо удостоверяющих знаков авторитет грамоты обеспечивался такими элементами текста, как угроза Страшного суда, религиозные воззвания, духовные санкции и пр.
- Ещё работая над факсимиле указных грамот вместе с Бишопом, Шапле присоединился к мнению Барраклафа и не согласился с Хармер, полагавшей существование этого типа документа уже при короле Альфреде: да, указная формула могла быть гораздо древнее дошедших образцов, но как письменный, а не устный инструмент указы

взять на себя первый том и тем самым добавивший недостающий голос в пользу решения о полном издании, не стал ему следовать.

⁴⁴ Все они были позднее переизданы в 1973 г. (Prisca Munimenta 1973. P. 28–107) и 1981 г. (Charlais 1981. № XV, с дополнениями). Мы обращались именно к этим перепечаткам.

не старше имеющихся оригиналов. С другой стороны, он обращал внимание на подмеченные Хармер три поздние указные грамоты⁴⁵, в которых король разрешал местным церковным властям самим составить документы на сделанные им пожалования. Мотивацией к записи, по мысли Шапле, было не королевское стремление к более эффективному управлению, а желание бенефициара зафиксировать приобретение: именно поэтому самые ранние подлинники написаны на свободных листах в евангелиях в Кентербери и не были копиями.

- Шапле предложил такую градацию степени подлинности грамот:
  - «оригинал» (*original*) – грамота, написанная современным дате почерком на отдельном листе без видимых признаков интерполяций; «оригинал» может быть «настоящим» (*true original*), использовавшимся в церемонии передачи земли, и «вероятным» (*apparent original*), т. е. в отношении которого остаются сомнения;
  - «копия» (*copy*) – то же, что и оригинал, но по палеографическим и дипломатическим данным документ более поздний, чем заявленная в тексте дата;
  - «подделка» (*forgery*) – грамота, в которой можно установить фактологический подлог.

Такая номенклатура позволяла сосредоточиться не на номинальной, а на реальной дате составления документа; она противостояла тенденции многих историков усматривать в подложных грамотах «аутентичный материал», если таковой оказывался «удобным» для исторического построения.

• Шапле показал, что шесть ранних оригиналов на отдельных листах⁴⁶ были написаны в более чем один этап, что заставляет предполагать, что перерыв вызван использованием грамот в церемонии пожалования. Но на основе грамот эксетерского архива X–XI вв. и ссылаясь на М. Парсонз и её работу с ранним материалом из Кентербери, Шапле предположил, что какие-то грамоты в церемонии были представлены лишь символически, пустыми листами, которые позже передавались бенефициару для заполнения постфактум.

• Все эти соображения складывались в одну внутренне непротиворечивую картину, сводившуюся к отрицанию существования какой-либо постоянной королевской канцелярии на протяжении всего до-

---

⁴⁵ S 1105 (1053×1057 гг.), 1067 (1060×1065 гг.), 1115 (1061×1065 гг.).

⁴⁶ S 8 (679 г.), 1171 (685×693 гг.), 89 (736 г.), 155 (799 г.), 163 (808 г.), 293 (843 г.). См. также обсуждение этих грамот и аргументов Шапле в: Keynes 2013. P. 71–72.

нормандского периода. По мере того, как в IX в. угасала грамотность⁴⁷, производство королевских грамот в первой половине X в. вынужденно сконцентрировалось в нескольких церковных центрах, особенно в Винчестере, долгое время практически сохранявшем монополию, и Кентерберии, а после начала «монастырской реформы» к ним прибавились новые скриптории, в первую очередь Гластонбери и Абингдона. Именно так Шапле объяснял наблюдение Кера, что девять грамот на отдельных листах 939–957 гг. выполнены тем же типом почерка, что и текст 925–955 гг. в рукописи А Англо-Саксонской хроники, причём S 636 (956 г.) и погодная статья 951 г. написаны вообще одним почерком. По мысли Шапле, у королей просто не было иного выхода, кроме как обращаться к церковным скрипториям, в данном случае к винчестерскому. Писцы, обнаруженные Дрёгерайтом, таким образом оказывались не королевскими служащими, а членами винчестерской братии.

Элегантность аргументации Шапле снискала ему, по образному сравнению Брукса, «мантию Стивенсона» (Brooks 2000. P. 186)⁴⁸. Вскоре, однако, возможно, не ставя себе такой цели, её оспорил ученик Д. Уайтлок, С. Кейнз⁴⁹. Ещё Ф. Стентон предвидел потенциал грамот короля

⁴⁷ В доказательство этого часто приводятся сетования короля Альфреда из предисловия к «Обязанностям пастыря» (например: Stenton 1955. P. 48), что, когда он занял трон, «такой полный упадок был в роде англов, что лишь очень немногие на этой стороне Хамбера [т. е. южнее Хамбера. – Авт.] понимали свою службу на английском или могли перевести послание с латыни на английский. И я думаю, что и по ту сторону Хамбера их было не много» (*Swa clæne hio wæs oðfeallenu on Angelcynne ðætte swiðe feawe wæron behionan Humbre ðe hiora ðenunge cuden understondan on Englisc, oððe furdum an ærendgewrit of Lædene on Englisc areccan; 7 ic wene ðætte nauht monige begeondan Humbre næren*), и что он «вспоминал, что знание латыни было в упадке среди рода англов, но многие ещё могли читать на английском» (*Ða ic ða gemunde hu sio lar Lædengeðiodes ær ðusum oðfeallen wæs geond Angelcyn, 7 ðeah monege cuden Englisc gewrit arædan*; Schreiber 2003. P. 191, lines 13–16; P. 195, lines 15–17). Современная историография склонна к осторожности в отношении альфредовской категоричности (например: Pratt 2007. P. 115–350; Kelly 1990. P. 53; см. также выше, примеч. 26), но такой выдающийся латинист, как Майкл Лэпидж, скорее осторожно соглашается с монаршей оценкой состояния английской учёности (Lapidge 1996. P. 409–439). Напротив, Майкл Годден приводит указания источников на, в целом, незатронутость нижних слоёв клира латинской образованностью даже в VIII в. (Godden 2012. P. 581–582). С другой стороны, Бен Снук демонстрирует, что в некоторых мерсийских провинциях, в частности в Вустере, на протяжении IX в. хорошо знали и имитировали сложный латинский стиль Альдхельма (аббат Мальмсбери, ум. 709) и, напротив, в Кентерберии его либо понимали плохо, либо знали по глоссариям (Snook 2015a. P. 33–41; см. также ссылки на различные оценки «упадка грамотности»: *ibid.* P. 38, п. 28; см. также: BACS XVII. P. 123–132).

⁴⁸ О Шапле, его взглядах, вкладе в дипломатику и насыщенной биографии см.: Sharpe 2012.

⁴⁹ Подробнее о Кейнзе как учёном см.: Padel 2018.

Этельреда Нерешительного (прав. 978–1016), но в своих лекциях лишь наметил контуры будущего исследования: «Погрузиться полностью в эти любопытные нарративы означало бы написать историю долгого и сложного правления» (Stenton 1955. P. 76). Именно такое погружение и совершил Кейнз в монографии на основе своей докторской диссертации, изучая грамоты Этельреда не изолированно, а как продолжение уже устоявшейся практики (Keynes 1980 [2005]. P. 14–83). В историко-ведческой части книги, детально разобрав аргументы Шапле, Кейнз нашёл более убедительными тезисы Дрёгерайта. В дальнейшем Кейнз методично дополнял, усложнял и развивал их, что позволило Дэвиду Бейтсу охарактеризовать работы своего коллеги как «пронизанные темой поиска соотношения грамот с обстоятельствами их производства и использования их для реконструкции потаённых нарративов, в противном случае оставшихся бы скрытыми» (Bates 2005. P. 5). Вкратце собственные, как и у Шапле, взаимодополняющие выводы раннего Кейнза сводятся к следующему (Keynes 1980 [2005]; 1988; 1990; 1994b):

- Как и Дрёгерайт, Кейнз указывал на неопровержимый факт последовательной и датируемой смены формуляров в грамотах центральных десятилетий X в. При наличии оригиналов грамот на отдельных листах можно видеть, что пожалования разным получателям написаны одними и теми же почерками. Если Шапле и Кер видели за ними команду церковных переписчиков, закреплённую за одним скрипторием, вероятно, Винчестером, то Кейнз считал их людьми на постоянной королевской службе. Бóльшую вариативность после 963 г. Кейнз объяснял не децентрализацией, как Дрёгерайт, а расширением штата писцов и импровизациями с формуляром. Кроме того, Кейнз обращал внимание на поразительную схожесть списков свидетелей в грамотах разных архивов. В частности, сопоставляя такие списки в грамотах 956 г. (абсолютный пик документального производства в течение одного года за весь англо-саксонский период) он выделил четыре группы актов, которые он связал с вероятными королевскими собраниями⁵⁰, или, как они ещё называются в историографии, уитенагемотами

---

⁵⁰ Группа 1: S 589, 594, 597, 608, 614, 627, 629, 631, 637, 666 – собрание в январе; грамоты сохранились в шести архивах, поместья располагались в Гэмпшире, Сомерсете и Уилтшире; группа 2: S 583, 590, 592, 596, 598, 600, 601, 603, 604, 606, 607, 609, 615, 621, 622, 624, 635, 636, 663, 1662 – собрание в феврале; группа подразделяется на несколько серий, поместья располагались в девяти графствах, грамоты сохранились в шести архивах; группа 3: S 584, 617, 618, 623; и S 585, 634, 638 – видимо, два собрания весной-летом; группа менее гомогенная, чем первые две; группа четыре: S 587, 588: 591, 602, 610, 611, 612, 613, 619, 620, 661 – собрание в ноябре; группа более разнообразная, чем первые две.

(*witenagemōt*, букв. «собрание мудрых»⁵¹). Следовательно, в промежутках между ними на протяжении года какая-то команда писцов успевала производить документы и перемещаться вместе с двором, несколько раз собиравшим светских и церковных магнатов в разных местах.

• Из этого следовало, что королевские грамоты были продуктами королевских собраний, члены которых свидетельствовали производимые документы. Эти акты составляло некое «ведомство» при короле, следы которого можно обнаружить уже в уэссекских грамотах IX в. Пройдя сквозь «бутылочное горлышко» при Альфреде и его сыне Эдуарде Старшем (прав. 899–924), грамоты как инструмент королевского управления по не до конца объяснённым причинам исчезают во второй половине правления Эдуарда (см. с. 88–91), но возрождаются при короле Этельстане (прав. 924–939), и далее королевский секретариат существует вплоть до (а в том или ином виде и после) Нормандского завоевания. Это положение шло вразрез не только с мнением Шапле, но и, к примеру, с более умеренным допущением Барраклафа о существовании некоего штата писцов при королевском дворе как «канцелярии лишь в зародыше», окончательно оформившейся только к XIII в. (Barraclough 1954. P. 214–215)⁵², хотя Кейнз и признаёт гибкость процедур и практик этого времени.

Косвенным образом взгляды Кейнза подтверждало и вышедшее позднее палеографическое исследование Дэвида Дамвилла. На основании своего предыдущего обращения к англо-саксонскому квадратному минускулу первой половины X в. Дамвилл проследил динамику развития более позднего английского каролингского минускула и заключил, что движущей силой смены почерков во второй половине века был новый тип королевской документации (Dumville 1993. P. 1–2, 86). Позже другой палеограф, Сьюзен Томпсон, также добавила веса «школе Кейнза»: анализируя латинские грамоты на отдельных листах, она пришла к

---

⁵¹ О королевских собраниях в целом см., например: Reynolds 1997. P. 301–319; *Political Assemblies* 2003 (см. особенно статью Чарльза Инсли об англо-саксонских собраниях и грамотах в этом сборнике); Reuter 2006; и др. На современном уровне впервые к функционированию института уитенагемота подступился, пожалуй, ещё Г. Чэдвик (Chadwick 1905 [2010]. P. 308–366). Классическим исследованием считается работа Oleson 1955, основанная на защищённой автором пятью годами ранее в Университете Торонто диссертации. Из работ последнего десятилетия можно выборочно назвать: Maddicott 2010; Keynes 2013. P. 30–39; Molynieux 2015. P. 54–61; и др. Самым полным исследованием тематики донормандских королевских собраний, знакомым авторам, на текущий момент является Roach 2013a. На русском языке см. комментарии: Золотарёв 2005. С. 102–105; Калмыкова 2011. С. 211–212.

⁵² Об английской канцелярии развитого Средневековья см.: Калмыкова 2011. С. 223–225.

выводу, что если до X в. короли полагались на монастырские скриптории, то к правлению Этельстана они обзавелись собственным писцовым штатом (Thompson 2006; оригинальная диссертационная работа вышла в 1997 г.). На ещё одно косвенное свидетельство позже указали Роберт Галлагер и Кейт Уайлз: они обратили внимание на орфографическую регулярность слова *ierfe* («наследство», «наследственное владение») в приписках на оборотных сторонах королевских жалованных грамот в устойчивой формуле, в полном виде состоящей из следующих элементов: + *bis is bāra* [фискальная оценка] [*land*]*bōc æt* [название местности] *þe* [имя короля] *gebōcade* [получатель] *on ēce yrfe*⁵³. Последнее слово в ней, за двумя исключениями всегда написанное через -y- независимо от места составления грамоты, отражает уэссекский диалект, что, вместе с частым появлением самой этой формулы с 930-х гг.⁵⁴, опосредованно подтверждает централизованное документальное производство. Авторы даже осторожно предполагают, что такие приписки могли служить «ключевыми словами» не для последующего облегчения архивной работы, а для того, чтобы бенефициар по окончании королевского собрания мог легко удостовериться, что получил свою, а не чужую грамоту. Это предположение подтверждается наблюдением, что данная формула не ставилась задним числом на более ранние документы (Gallagher, Wiles 2021. P. 256–259).

Но и «школа Шапле» не сдавала своих позиций. В собственном ответе сам французский дипломатист по-прежнему отвергал существование королевской придворной канцелярии, видя в писцах епископов, присутствовавших на собраниях, но из практических соображений непосредственно бравшихся за перо лишь по их окончании. Что же до четырёх групп 956 г., то Шапле подсчитал, что все грамоты мог успеть произвести один писец за примерно два месяца, так что постулат о необходимости обширного штата он считал излишним (Chaplais 1985)⁵⁵. Ученик Шапле, Чарльз Инсли, на материале эксетерского архива, лежащего в основе его диссертационного исследования⁵⁶, в одной из

⁵³ «Это – грамота о земле на X гайд в месте Y, которую король N пожаловал MN в вечное наследственное владение».

⁵⁴ 40 случаев, когда приписка по палеографическим признакам опознаётся как сделанная в момент составления акта, и 7 более поздних случаев. Это очень большой процент от общего числа приписок на оригинальных документах на отдельных листах за тот же период (63).

⁵⁵ Этот аргумент уязвим: нет надёжного метода хотя бы примерно подсчитать долю потерь грамот и экстраполировать его на подлинное число документов в тот год.

⁵⁶ В настоящий момент доктор Инсли готовит эксетерский том в серии BACS (Insley 2013b. P. 184; под указанным в этой статье 17-м номером в серии вышла первая часть грамот архива кафедрального приората Кентербери, поэтому окончательный

своих ранних статей предложил объединить оба лагеря. Он развёл написание черновиков (*drafting*) и чистовиков (*writing*): черновые записи и перечни свидетелей могли составляться в ходе собраний, как полагал Кейнз, а чистовики – записываться набело уже позже в церковных центрах, как считал Шапле. Например, в S 1003 (1044 г.) некоторые фразы сильно искажены, что заставляет подозревать, что писец не разобрал или не понял вероятный протограф-протокол собрания (Innsley 1998. P. 179–184). Эту идею взяла на вооружение ученица Кейнза, Сьюзен Келли. В своём обширном предисловии к первому из двух абингдонских томов в серии BACS она повторила предположение Инсли о двухэтапном производстве. Для начала 960-х гг. главным писцом она считала ‘Edgar A’, которого Келли вслед за Дрёгерайтом отождествила с видным деятелем «монастырской реформы» Этельвольдом, аббатом Абингдона в 954–963 гг. По-видимому, Эдгар (прав. 957/59–975) даровал ему особую привилегию писать королевские грамоты в пользу собственной общины (BACS VII. P. lxxiv–lxxxii, cxxvii–cxxxii). В дальнейшем Келли дополнительно поставила под сомнение эволюцию формуляров, как её реконструировал Кейнз, вместо неё усмотрев этапы доминирования тех или иных писцов и/или их высокопоставленного церковного начальства при дворе, тем самым подрывая представления о дипломатической традиции от Этельстана до Этельреда (BACS XV. P. 118–124).

Англо-саксонские грамоты онлайн. Пополнение корпуса и переход от бумажного к «Электронному Союеру» и другим ресурсам

Как уже было сказано, каждый современный англо-саксонист обязан Союеру его списком. Но к концу XX в. стало очевидно, что тот нуждается в обновлении. Во-первых, библиография с 1968 г. дополнилась десятками наименований, и их перечень растёт год от года. Во-вторых, корпус обогатился редкими, но от того не менее ценными находками. Одно завещание, найденное в 1939 г., уже упоминалось выше (S 1497). В 1941 г. были обнаружены пять грамот из аббатства Бёртон, бывших в конце своей истории в руках семьи Ландор. Но многие пополнения были сделаны уже после выхода каталога Союера. В 1968 г. в руки Герберту Локвуду попала фотокопия картулярия XVI в. из илфордского госпиталя, в котором нашлись одиннадцать грамот из аббатства Баркинг. В 1983 г. всплыла грамота S 712a (963 г.), сохранившаяся на отдельном листе (Brooks 2000. P. 137–155). С. Кейнз отметил и на этом поприще, на протяжении тринадцати лет почти каждый год радуя кол-

---

номер тома пока не известен, но в личной переписке д-р Инсли подтвердил нам своё продолжающееся участие в проекте).

лег новыми находками. В 1989 г. он реконструировал значительные фрагменты шести королевских грамот в недошедшем картулярии из аббатства Эбботсбери, скрупулёзно сопоставляя выдержки из него, скопированные в XVII в. В 1992 г. в сомерсетском архиве он нашёл недостающую часть копии XVIII в. картулярия из аббатства Этелни и дополнил корпус ещё тремя ныне утраченными в оригинале грамотами. Чуть ранее он работал со свитком Hale 84 из лондонской Линкольнз-Инн и наткнулся на грамоты S 103a и 1788, прежде известные только в списках Нового времени (Kelly 1992. P. 26–28). В 1993 г. Кейнзом была обнаружена копия погибшего картулярия из аббатства Сент-Олбанс в болландистской серии «Acta Sanctorum»: сборник содержал тексты пяти грамот, прежде известных только в выжимках, более полные тексты некоторых других грамот и описания границ владений на древнеанглийском языке из семи документов. В том же году Кейнз нашёл S 367a (903 г.). В 1994 г. ему улыбнулась удача отыскать прежде неизвестные S 676a (958 г.) в архиве графства Глостершир и S 794a (974 г.) в Британской библиотеке. В 1996 г. в Коттоновской рукописи Otho A. i, сильно пострадавшей от пожара в Эшбёрн-Хаус в 1731 г. (Niles 2015. P. 175–176), Кейнз опознал ещё один экземпляр грамоты S 92, прежде известной только из копии Уонли⁵⁷. В 2001 г. он опубликовал обнаруженную в Петуорт-Хауз архивистом Элисон МакКанн грамоту S 705a (962 г.) из аббатства Этелни в считавшемся утерянном картулярии XV в.⁵⁸

В 1991 г. комитет BARHS, на тот момент выпустивший лишь два новых тома⁵⁹ после архива аббатства Бёртон, признал необходимость в обновлении списка Соьера. Судя по указаниям в историографии, предполагается, что он выйдет отдельным томом под редакцией Келли (Brooks 2000. P. 203; Keynes 2008b. P. 49), занимавшейся сверкой с 1994 по 1998 г., но уже тогда стал очевиден потенциал его цифровизации. В начале 1999 г. предварительный список был загружен на сервер кембриджского Тринити-Колледж на сайт «Обновлённого Соьера» (*Revisited Sawyer*). Примерно тогда же англо-саксонист с познаниями в информатике и будущий редактор девятого тома из серии VACS (архив Нью-Минстера, 2001 г.), Шон Миллер, запустил онлайн-страницу *Regesta Regum Anglorum*, на которой были размещены расшифровки текстов

⁵⁷ Что весьма ценно, потому что это первое упоминание будущих *trinoda necessitas* — см. с. 110–112.

⁵⁸ Ссылки на многочисленные статьи, в которых были опубликованы эти открытия, а также подробности последних см.: Brooks 2000. P. 204–206; Keynes 2008b. P. 52–55.

⁵⁹ Грамоты Шерборна (1988 г.) и отдельный том с факсимиле неизвестных или пропущенных Бондом и Сандерсом грамот на отдельных листах (1991 г.).

грамот. Следующим логичным шагом было совмещение текстов *Regesta* с данными «Обновлённого Сойера», что и было осуществлено Миллером на его сайте *England c. 450–1066 in a Nutshell*. Эту «частную инициативу» вскоре «взял под крыло» Кембриджский университет, чьи сотрудники из отдела ASNC (*Department of Anglo-Saxon, Norse, and Celtic*) в 2003 г. продолжили работу по публикации «Обновлённого Сойера», поддержанную Гуманитарным исследовательским советом (*Arts and Humanities Research Council*, AHRC). На текущий момент издание пока не появилось в печати, но Ребекка Рашфорт конвертировала «Обновлённый Сойер» в новую базу данных с полноценным поиском, а в 2006 г. Дэвид Пелтрэ собрал в цифровом виде все вышедшие к тому моменту тексты грамот⁶⁰. В 2007 г. при поддержке Вычислительного центра гуманитарного факультета лондонского Королевского колледжа (*Centre for Computing in the Humanities at King's College London*, CCH) в режиме бета-тестирования был запущен ресурс «Электронный Сойер» (*Electronic Sawyer*), а его полноценное введение в строй завершилось в 2010 г. «Электронный Сойер» по сути вобрал в себя и заместил все предыдущие упомянутые сайты. Он позволяет, зная номер грамоты по списку 1968 г., быстро найти соответствующий документ, выжимку содержания, указания на архив, ссылки на предыдущие публикации и комментарии в историографии, а также в большинстве случаев оригинальный текст и иногда даже английский перевод. Библиография также вынесена в отдельное меню и, видимо, к настоящему времени является самым полным обобщением всей англо-саксонской дипломатики. Сортировка возможна не только по номеру, но и по правителям, категориям актов, архивам и королевствам.

«Электронный Сойер» был не единственным онлайн-порталом этого времени, но, пожалуй, самым фундаментальным. Дополнением к нему стал «Электронный Кембл» (*Electronic Kemble*), названный в память о публикаторе-первопроходце и запущенный ещё в 1997 г. На сайте были представлены материалы, не вписывавшиеся в формат «Электронного Сойера»: карты, репродукции грамот, расшифровка лекции Стивенсона и перевод статьи Дрёгерайта, воспоминания Сойера и проч., но особенно ценна база данных с грамотами на отдельных листах⁶¹. Другим интересным ресурсом является пилотный проект *ASChart*, в котором грамоты до 900 г. размечены в формате XML, что обеспечивает более гибкий поиск. Огромным достижением стал вывод в публичный доступ

---

⁶⁰ В 2000-е работа над BACS заметно ускорилась, и к 2006 г. в серии было уже одиннадцать томов, плюс Пелтрэ учёл готовившиеся публикации архивов Бата и кафедрального приората Кентербери.

⁶¹ Краткий комментарий об «Электронном Кембле» см.: Keynes 2008b. P. 49, n. 25.

THE ELECTRONIC SAWYER
Online catalogue of Anglo-Saxon charters

Home Browse Search Development Instant Sawyer

Browse

- Introduction
- Sawyer Catalogue
- Sawyer Number
- Charter date
- Num. of manuscripts
- Kings
- King date
- Kingdoms
- Archives
- Manuscripts
- Manuscript date
- Bibliography
- Bibliography date
- Translated Charters

Browsable Indexes

The side menu lists the several forms of index which are provided here to facilitate access to the surviving corpus of Anglo-Saxon charters:

- **Sawyer Catalogue** – this page shows the overall structure of Sawyer’s catalogue, for ease of reference. For an explanation of the scope and form of the separate entries, see *About* on the Home page.
- **Sawyer number** – a continuous list of Sawyer numbers, incorporating several charters which have come to light since 1968 and have been inserted at their appropriate points in the series (e.g. → 65a, → 65b, → 103a, → 103b, → 136a, → 342a, → 343a, → 418a, → 517a, → 517b, → 522a, → 676a, → 705a, → 712a, → 794a, → 832a, → 931a, → 931b)
- **Charter date** – lists of dated charters, for each century from the 7th to the 11th, followed by a list of undated texts (this feature requires further development)
- **Number of manuscripts** – the drop-down menu allows the user to see which charters survive in a single manuscript copy, which charters survive in two manuscript copies, and so on (to over 40 manuscript copies), which might serve as a basis for a study of patterns of transmission and dissemination
- **King** – an alphabetical index which provides the user with an easy way to browse through the charters of a particular king (e.g. Offa, Alfred, Edgar, or Harold)
- **King date** – chronological list of royal charters, organized century by century, which enables the user to view, for example, the charters issued by various kings in the ninth century, or by successive kings in the tenth century
- **Kingdoms** – chronological lists of royal charters, organized kingdom by kingdom
- **Archives** – the user may select a particular religious house from the drop-down menu, and see a list in chronological order of all the charters preserved from the archives of that house; the user will also see a list of the manuscripts in which the charters have been preserved.
- **Manuscripts** – allows browsing the contents of manuscripts in a particular repository (including ‘Lost’), or the contents of a particular manuscript, by manuscript classmark
- **Manuscript date** – the user can select a century (from the 7th to the 19th, or ‘unspecified’) from a drop-down menu, and then browse manuscripts (single sheets, as well as cartularies or later transcripts) by the date assigned to them in the database; for further details about single sheets, including facsimiles, see the relevant section of the ‘Kemble’ website
- **Bibliography** – alphabetical list, by author’s name, with ‘See cited charters’ after each item (leading if one clicks the button at the beginning of the item to a list of charters cited in that item)
- **Bibliography date** – chronological list, organized century by century, with publications of each century listed chronologically, also with ‘See cited charters’ after each item
- **Translated charters** – lists all charters which contain translated texts. Eventually all the charters will have translations, but in the meantime this list will allow you to find all the ones that have been translated so far. The charters are grouped by Sawyer number hundreds, so S 1-99, S 100-199 and so on. In many cases, the availability of a published translation, not yet incorporated in the ‘Revised Sawyer’ database (and so not yet visible in the ‘Electronic Sawyer’), is indicated in the catalogue entries for other charters. It is intended that more translations will be added to the ‘Revised Sawyer’, and uploaded to the ‘Electronic Sawyer’ on a regular basis.

Note. All manuscripts appear in the classmark list, and all charters appear in the Sawyer number list. It is the case, however, that certain charters or manuscripts do not appear in certain indexes; they appear only in the indexes to which they are relevant. Some charters have no date and are not roughly datable, and so do not appear in the list by ‘charter date’; some manuscripts, for example antiquarian transcripts, are not associated with any archive.

©2021 Resp. CCH Powered by xMod
©2021 King’s College London, Strand, London WC2R 2LS, England, United Kingdom. Tel +44 (0)20 7836 5454

Илл. 4. Основной интерфейс «Электронного Соьера»

в 2010 г. полной просопографической базы всех зафиксированных англо-саксов, известных по имени, PASE (*Prosopography of Anglo-Saxon England*). Проект стартовал ещё в 2000 г., и в его создании принимали участие среди прочих ASNC, AHRC, CCH, а сам он интегрирован с «Электронным Соьером» в тех разделах, где источниками данных выступают грамоты.

Наконец, следует упомянуть ещё три ресурса. Во-первых, ещё в 1975 г. в Университете Торонто профессор Майкл Джерверс инициировал проект *Documents of Early England Data Set* (DEEDS): «базу данных информации, извлеченной из средневековых [английских] документов об операциях с имуществом, которая может быть интересна историкам, занимающимся социальными и экономическими темами». К марту 2016 г. в базе содержались тексты более 44 тысяч актов, и на момент написания данной статьи она также включает данные по 61 собранию англо-саксонских грамот. Ценность DEEDS по сравнению с «Электронным Соьером» в том, что, в отличие от последнего, сайт предлагает по-

иск по текстам, а в случае с древнеанглийским также учитывает вариативность орфографии. Другое преимущество DEEDS – инкорпорирование географических данных по каждому зарегистрированному документу, так что при просмотре пользователь имеет перед собой не только текст, но и карту с нанесёнными на неё локациями из него. Во-вторых, в 2014 г. Университет Страны Басков запустил проект LEMC (*Languages of Early Medieval Charters*). В его рамках изучалось взаимодействие и соотношение народных языков и латыни в английских и германских раннесредневековых грамотах. Одним из результатов этих изысканий, помимо отдельного сборника (*The Languages 2021*), стала база данных LASC (*Languages of Anglo-Saxon Charters*), поддерживающая поиск по языковым параметрам в основном тексте, описаниях границ, списках свидетелей, приписках и личных именах. В-третьих, в 2003 г. начавшаяся в Оксфордском университете в конце 1980-х оцифровка описаний границ в грамотах была поддержана грантом AHRC, и в 2008 г. «полку англо-саксонских ресурсов прибыло» с появлением *The Language of Landscape (LangScape)*, также интегрированного с «Электронным Сойером». Как и *ASChart*, создатели разметили исходный текст в XML, и после окончания бета-тестирования в 2019 г. пользователи получили возможность гибкого поиска по описаниям границ англо-саксонских имений и нахождения их на карте.

Таким образом, к началу 2020-х годов электронная англо-саксонская дипломатика уверенно заняла своё место в инструментарии историка. При сказанном, однако, её не обошли стороной некоторые проблемы онлайн-пространства, а именно перебои с поддержкой и долгая разработка. После появления «Электронного Сойера» проекты *Regesta Regum Anglorum* и «Обновлённый Сойер» прекратили свою работу. Примерно тогда же поиск по базе данных в *England c. 450–1066 in a Nutshell* был постепенно закрыт⁶², и сегодня сайт во многом исчерпал свой потенциал для дипломатиста. Сайты PASE и «Электронного Сойера» по-прежнему функционируют, но не в полном объёме: в последнем на момент написания данной статьи неисправен инструмент машинного поиска по номерам Сойера, Бёрча и Кембла, что создаёт неудобства, но, конечно, не является непреодолимым препятствием. Кроме того, «Электронный Сойер» пока не обновил списки литературы, включая новейшие издания VACS. Сайт *ASChart* не пересматривался с 2018 г. и так и не пополнился грамотами после 900 г. «Электронный Кембл», согласно логу, в 2016 г. сменил сервер и, видимо, вместе с ним и адрес, так

⁶² С декабря 2009 г. раздел «Charters» сопровождался комментарием: «Временно перенесён, но поиск работает на новом месте», – а в декабре 2016 г. вкладка была удалена с главной страницы.

что иногда портал просто «пропадает с радаров»⁶³. Некоторые его разделы по-прежнему находятся в статусе разработки. Сайт *LangScape* также даёт сбои и либо временами не функционирует вовсе, либо не отражает корректно карты. Несмотря на заявленную оцифровку 53 архивов, не все из них предлагают список зафиксированных грамот в выпадающем меню по нажатию. Другой вызов для исследователя – недостаточная кросс-интеграция многочисленных перечисленных ресурсов⁶⁴ и закрытый статус исходных данных. Как уже было сказано, краеугольным камнем всей цифровой англо-саксонской дипломатики является «Электронный Соьер», ссылки на который содержат *ASChart*, *PASE*, *DEEDS*, *LASC* и *LangScape*, однако между собой упомянутые проекты не пересекаются. С одной стороны, наличие отдельного инструмента под узкую задачу, несомненно, удобно, но с другой, такое дробление приводит к времязатратной необходимости параллельного сопоставления материалов каждого из них между собой при работе с индивидуальными грамотами. Закрытый характер исходных данных несколько урезает потенциал для исследований. Например, ни *LangScape*, ни *DEEDS* не предоставляют ни географических координат, ни возможности экспортировать их карты для удалённой обработки, а, кроме того, не позволяют выбрать собственный набор вхождений в базу данных и вывести их на карту: пользователь ограничен либо одномоментным просмотром индивидуального имени, либо сразу всех в том или ином архиве.

Русскоязычные публикации англо-саксонских грамот

Англо-саксонские документы – сравнительно редкий гость в русскоязычных исследованиях, что для советского периода также усугублялось затруднённым доступом к актуальной литературе. Жаркие историковедческие споры, насколько мы можем судить, в целом обошли их стороной. Тем не менее нельзя не отметить два сборника переводов англо-саксонских грамот на русский язык. В 1961 г. в первом томе «Хрестоматии по истории Средних веков» под общей редакцией Сергея Даниловича Сказкина, «патриарха нашей [медиевистической. – *Авт.*] корпорации» (Уваров 2015. С. 84), была размещена подборка из 24 выбороч-

---

⁶³ Как сообщил нам в личной переписке Рори Нэйсмит, после отхода С. Кейнза от дел руководство порталом принял на себя Дэвид Вудман. На текущий момент проект расположен на сервере кембриджского Робинсон-Колледж в рамках «операции по спасению» всего ресурса, как её охарактеризовал доктор Нэйсмит.

⁶⁴ Иногда не поддающаяся объяснению: так, сайт *LASC* ведёт к сайту *LEMС*, но переход в обратном направлении невозможен, потому что *LEMС* на момент подготовки этой статьи вообще нигде не упоминал *LASC*.

ных переводов отдельных документов⁶⁵, выполненных по изданиям Кембла и Бёрча и разделённых на три категории: «королевские пожалования», «положение зависимого крестьянства» и «иммунитет». Эти тексты дают неплохое общее представление о предмете для незнакомого с ним читателя, но в силу своей фрагментарности лишь общее. Обращаться к этим переводам следует помимо прочего с осторожностью и в сочетании с комментариями в «Электронном Соёере», потому что источниковедческая и дипломатическая критика, видимо, не проводилась, так что в подборку попали как подлинные, так и подложные документы (Хрестоматия 1961. С. 636–649). В 2006 г. Андреем Германовичем Глебовым был выполнен перевод ещё 15 документов⁶⁶ по изданию Бёрча, что стало ценным дополнением к тому 1961 г. Как и в случае с изданием Сказкина, переводчик опускал некоторые элементы грамот, такие как списки свидетелей или описания границ, как несущественные в рамках практической хрестоматии (История 2006. С. 68–79). Некоторым упущением этой публикации можно назвать отсутствие параллельной нумерации по Соёеру, но это скорее неудобство, чем недостаток. Двумя годами позже ученик Глебова, Антон Юрьевич Золотарёв, перевёл «Книжицу епископа Этельвольда» (*Libellus Æthelwoldi episcopi*) – памятник XII в., в основе которого лежат оригинальные поздние англосаксонские акты (Книжица 2008). Её текст дошёл в составе «Книги Или» (*Liber Eliensis*) как дополнение к житию Этельвольда. Особенная ценность этого источника в предоставлении контекста для понимания землевладельческих практик этого времени. Так, именно из «Книжицы...» нам известны многие судебные тяжбы и роль грамот в них. Наконец, Зоей Юрьевной Метлицкой был подготовлен перевод «Фонтхильского письма» начала X в. – уникального памятника эпистолярного жанра и ещё одного ценного свидетельства о документальной культуре англо-саксов (Фонтхильское письмо 2009).

⁶⁵ В порядке размещения в оригинальном издании: S 52 (680 г.), 1169 (*recte* 685 г.), 75 (692 г.), 32 (762 г.), 117 (780 г.), 298 (847 = 846 г.), 373 (904 г.), 376 (909 г.), 1047 (1042×1066 гг.), 242 (701 г.), 1287 (979×908 гг.), 269 (786×794 гг.), 354 (878×899 гг.), 358 (900 г.), 359 (900 г.), 1555 (дата составления не определима, середина X – середина XI в.), 1448 (963 г.?), S 1481e (ок. 1000 г.), 278 (835 г.), 209 (862 г.), 989 (1016×1035 гг.), 1046 (1042×1066 гг.), 1242 (995×1002), 1368 (ок. 984 г.).

⁶⁶ В порядке размещения в оригинальном издании: S 98 (743×745 гг.), 126 (779/789×790 гг.), 1500 (805×832 гг.), 1432 (822×823 гг.), 1437 (825 г.), 1510 (845×853 гг.), 1440 (852 г.), 342 (869×870 гг.), 1275 (871×877 гг.), 1283 (899×904 гг.), 1513 (ок. 900 г.), 1280 (904 г.), 1281 (904 г.), 1287 (879×908 гг.), 385 (909 г.).

Англо-саксонская дипломатика на рубеже веков

Интерес к англо-саксонским грамотам едва ли ослабевает в последние десятилетия, а исследования и публикаторская деятельность удачно дополняют друг друга.

На момент написания статьи в серии BACS за почти полвека вышли двадцать томов. Сегодня полностью изданы и откомментированы грамоты из Рочестера (1973), Бёртона (1979), Шерборна (1988), кентерберийского аббатства св. Августина и Минстера-на-Тэнете (1995), Шафтсбери (1996), Селси (1998), Абингдона (2000–2001), винчестерского Нью-Минстера (2001), лондонского собора св. Павла (2004), Мальмсбери (2006), Сент-Олбанс (2007), Бата и Уэллса (2007), Питерборо (2009), Гластонбери (2012), северных общин (Йорк, Беверли, Райпон, Дарем, замок Лоутер, 2012), кафедрального приората Кентербери (2013) и Чертси (2015), аббатства Баркинг и общины каноников церкви в Уолтеме (2021) – всего 943 документа⁶⁷ из 25 архивов. По состоянию на 2013–2015 гг. ещё от шести до девяти томов находились в работе (Keynes 2013. P. 180–182; Snook 2015a. P. 22). Вслед за Б. Снуком (Snook 2015a. P. 22) мы хотели бы отдельно отметить огромный вклад С. Келли, подготовившей 14 томов к печати, из них два в соавторстве с Н. Бруксом, бессменным председателем BARHS с 1991 по 2013 г. (сегодня комитет возглавляет Николас Винсент). И хотя серия пока ещё не завершена, надежда Мэтланда, что однажды появится «критическое издание англо-саксонских грамот, в котором филолог и палеограф, анналист и формулист смогут отсеять зерно истины от плевел подлога» (Maitland 1897 [1921]. P. 520), всё более сбывается. Сложности и длительность её осуществления ещё раз показывают, насколько большими достижениями в своё время стали издания Кембла и Бёрча, каждое выполненное одним человеком в существенно более сжатые сроки и в доцифровую эпоху.

Ценными дополнениями к серии BACS стали четыре издания. Д. Пелтрэ собрал все известные документы на древнеанглийском языке после Нормандского завоевания и вплоть до 1189 г., каковых набралось 148 (Pelteret 1990). Д. Бейтс составил полное собрание всех актов Вильгельма Завоевателя (прав. 1066–1087), общим числом 353, включая указные грамоты, как документальный тип очевидным образом унаследованные от англо-саксонского периода (Regesta Regum Anglo-Normannorum 1998). Вместе эти два сборника позволяют оценить степень преем-

---

⁶⁷ Включая обозначенные литерами «a», «b», «c» и т. д., но исключая перечисленные в приложениях.

ственности или разрыва в дипломатической практике после 1066 г.⁶⁸. Одновременно с этим ASNC выпустил сводный атлас свидетелей в королевских жалованных грамотах из 78 таблиц, составленных неутомимым Кейнзом (Keynes 1998 [2002]), позже использованный при составлении PASE. В тот момент предполагалось, что он войдёт отдельным томом в BACS (Brooks 2000. P. 212), и мы надеемся, это начинание будет завершено, не в последнюю очередь потому, что атлас в печатном виде сегодня практически недоступен в силу изначально ограниченного тиража. На сайте «Электронного Кембла» можно найти эти таблицы в электронном формате, что, возможно, в каких-то случаях даже удобнее. В 2009–2011 гг. в мягкой обложке вышли переиздания томов древнеанглийских грамот Хармер, Уайтлок и Робертсон – помимо расширения доступности этих первоисточников оно заметно облегчает работу с ними, поскольку снабжает каждый документ номером из списка Сойера и ссылками на соответствующие публикации в BACS.

Спор школ Шапле и Кейнза о (де)централизованном производстве королевских актов, судя по всему, потерял свою прежнюю остроту к 2000-м гг. в связи с усложнившимся представлением о недискретности этого процесса⁶⁹. Как пишет Бейтс, во французской дипломатике понимание этого пришло, видимо, несколько раньше; Бейтс связывает его с переосмыслением границ между королевской и частной канцелярией, выдвинутым Оливье Гийожанненом и коллегами в издании «*La diplomatie médiévale*» (Bates 2005. P. 8). Примерно тогда же итальянский историк Маурицио Лупой (род. 1942), обсуждая англо-саксонские акты в общеевропейском контексте, привёл любопытный континентальный пример, демонстрирующий сложность разделения «королевского» и «церковного» документального производства: после 831 г. монастырь св. Мартина в Туре зачастую самостоятельно составлял документы на пожалования в свою пользу, но затем передавал их в королевскую канцелярию для подтверждения – и такой порядок отнюдь не был уникален (английский перевод: Lupo 2000. P. 148). Н. Брукс, не ссылаясь на континентальные практики и, даже напротив, противопоставляя их англо-саксонским как более строгие, предложил сместить фокус на

---

⁶⁸ Keynes 1988. P. 217–221; 2013. P. 134–135; Timofeeva 2019. P. 68–72. Вопрос также изучался, например, в: Barrow 2008; Doane 2019.

⁶⁹ Например, в работе Скотта Смита проблеме уделена всего одна сноска (Smith 2012. P. 23, п. 5). Показательно также, что Б. Снук завершает своё историко-культурологическое исследование утверждением, что «совершенно очевидно, что серьёзный спор о существовании канцелярии в X в. более невозможен» (Snook 2015a. P. 191), почему, видимо, в монографии Кэтрин МакКанн данный спор вообще не получает освещения как, видимо, преодолённый (McKann 2018. P. 48–85).

королевские собрания как форумы, где мог происходить гибкий обмен кадрами из окружения посещавших их прелатов и королевским двором (Brooks 2000. P. 209). Годом позже Ч. Инсли независимо отметил известную схоластичность предшествовавшей дискуссии и, по-видимому, первым открыто охарактеризовал её как «до некоторой степени анахронистичную»: любой англо-саксонский писец так или иначе был монахом, и его статус зависел от конкретной задачи (Insley 2001. P. 112). Со ссылками на «*La diplomatie médiévale*» подробнее эту мысль развил Ливай Роуч. Во-первых, проводя параллели с посткаролингскими дипломатическими практиками, подобными тем, что отметил Лупой, он замечает, что, как бы ни определять тех, кто лично трудился над королевскими актами, они были «королевскими» писцами в том смысле, что составляли акты от имени государя, но это не мешало им одновременно брать и другие «подряды»⁷⁰. Например, если ‘Edgar A’ действительно был Этельвольдом, как считает С. Келли, или кем-то из его абингдонских монахов, он выступал сразу в двух ипостасях: и «местного» писца, осуществляя привилегию составлять грамоты в пользу Абингдона, и «королевского» писца, оформляя пожалования другим бенефициарам. Во-вторых, Роуч подверг деконструкции само представление о «королевском писце» как индивиде исключительно на службе при особе монарха. Так, ‘Æthelstan A’, как считается, написал все акты Этельстана 928–935 гг. (сам факт, что один индивид мог быть «человеком-канцелярией», говорит о её простом устройстве), но для этого ему вовсе не обязательно было находиться при дворе весь год, он мог присутствовать только на собраниях (Roach 2013a. P. 87–89; Snook 2015a. P. 60). Мы не знаем, чем он занимался в промежутках между ними, но если косвенные аргументы в пользу отождествления ‘Æthelstan A’ с личфилдским епископом Эльфвине (занимал кафедру в 903×905–935×941 гг.) верны (Snook 2015a. P. 105–110)⁷¹, то он явно был занят делами в своей епархии, и в этом смысле его статус «королевского» писца был сопоставим со статусом Этельвольда. Б. Снук также аргументировал мысль, что высокопоставленные прелаты брали в свои руки написание грамот в 940–960-е гг., как это отмечала С. Келли, именно в силу своей близости ко двору и монарху, и в этом смысле их можно условно называть канцлерами (Snook 2015a. P. 188, 191). Само понятие «королевской канцелярии» также подверглось уточнению: так, Ольга Тимофеева определяет её в широком смысле как «скорее сообщество писцов, связанных с королевским двором и задействованных для исполнения

---

⁷⁰ Схожую идею кратко высказывал ранее Инсли (Insley 1998. P. 196–197) и позже повторили Хофманн (Hofmann 2008. P. 19) и Снук (Snook 2015a. P. 171).

⁷¹ См. альтернативную идентификацию: Smith 2012. P. 38, n. 58.

определённого набора бюрократических задач, нежели постоянное ведомство, известное в позднейшие периоды» (Timofeeva 2019. P. 62; ср. мнения Стивенсона и Барраклафа, приведённые на с. 46).

Последнее слово пока что, видимо, остаётся за «централистами», хотя Кейнз всё же частично согласился с Шапле и его единомышленниками, так что в его последнем к моменту написания данной статьи большом труде по этому вопросу предстаёт сложная картина. По Кейнзу, в ранний период документальное производство действительно было локальным, как и считал Шапле, но уже в IX в. в Мерсии и особенно в Уэссексе, начиная с правления короля Этельвульфа (прав. 839–858), появился королевский секретариат, и одновременно с этим во второй половине X – первой половине XI в. государи по разным причинам и критериям действительно могли делегировать полномочия и ответственность за написание от своего лица каких-то документов тем или иным прелатам (Keynes 2013. P. 92–102; см. также и иные разделы его статьи). Отнюдь не следует полагать, что прочие наработки Шапле были отброшены. Так, его тезис, что жалованная грамота не нуждалась в знаках аутентификации (в подписях нотариев, печатях) в силу своего церковно-религиозного характера⁷², сегодня не вызывает возражений (Keynes 2013. P. 137–139; Insley 2001. P. 110; Smith 2012. P. 27–28; McCann 2018. P. 48). Наоборот, по-прежнему дебатировалось предположение Шапле о миссионерах Августина как о зачинателях английской дипломатической традиции (Kelly 1990. P. 40–43; Brooks 2000. P. 187; Wormald 1984 [2006]. P. 147–149; Hough 2001 [2014]. P. 15⁷³; McCann 2018. P. 75, п. 10 скорее склонны согласиться с Шапле; Keynes 2013. P. 18–20; Snook 2015a. P. 3; 2015b; Woodman 2015. P. 37 в той или иной степени сомневаются; см. также с. 78–82).

* * *

Подытоживая историографический раздел, мы видим длительную и сложную историю англо-саксонской дипломатики, находившейся также во взаимодействии с континентальной наукой. На всём своём протяжении дисциплина сталкивалась с необходимостью создания всестороннего и полноценного корпуса исходного источникового материала. Эта задача решалась за последние два века очень по-разному: издатели пробовали хронологический, языковой, жанровый и географический подход. Каждый из них получил воплощение в собственной серии

---

⁷² См. противопоставление санкционных формул в континентальных документах (всегда мирские) и английских (всегда духовные): Lupo 2000. P. 157, 161–162; см. также: Hofmann 2008; Castle 2016 (подробнее об этих работах см. с. 128).

⁷³ Ссылки на эту и предшествующую работу приводятся по их позднейшим переизданиям.

изданий, до сих пор в чём-то имеющих преимущества и потому не теряющих актуальности. Шеститомник Кембла и трёхтомник Бёрча остаются самыми доступными, поскольку, выйдя из-под ограничений авторского права, оказались в публичном пространстве в Интернете. Тома из серии, вдохновлённой Чэдвиком, содержат исключительно древнеанглийский материал в удобном формате, к тому же недавно переизданный и сверенный со списком Сойера. При всех своих недостатках при оценке подлинности источников, «Лестерская серия» предлагает удобные дайджесты грамот по географическому принципу. Но всё же в конечном счёте победил архивный подход к изданию документов в виде серии VACS, которая в сочетании со списком Сойера – бумажным и электронным – должна к моменту своего завершения стать тем самым исчерпывающим корпусом.

Одновременно эволюционировало и понимание историками процесса написания королевских жалованных грамот как самой крупной категории в нашей выборке. За последние полтора столетия англосаксонская дипломатика прошла путь от представлений о единой и непрерывной серии документов к постулату о наличии королевской канцелярии, затем к отрицанию её существования в принципе и, наконец, к сложному синтезу этих идей, допускающему и централизованное, и локальное производство. Налицо заметный прогресс по сравнению с «плачевным» или «отсталым» состоянием английской дипломатики, как в 1937 и 1956 гг. её характеризовали Юлиус Гёббель и Кристофер Чени соответственно (цит. по: Oleson 1955. P. 35; Cheney 1973. P. 8).

Представляется, что следующим качественно новым шагом вперёд стало бы создание некоего общего онлайн-портала, агрегировавшего бы все уже имеющиеся ресурсы онлайн по англо-саксонской дипломатике⁷⁴. Как своё время издание Хармер разом решило проблему разрозненности прежних публикаций указных грамот и сэкономило усилия последующим поколениям историков, так и подобный объединённый проект позволил бы исследователям получать *все* обобщённые накопленные данные по каждому англо-саксонскому документу в несколько нажатий кнопки компьютерной мыши. Естественно, с учётом отмеченных выше проблем, было бы опрометчивым одновременно прекратить поддержку и разработку уже имеющихся баз данных. По той же причине ни в коем случае не следует пренебрегать и физическим носителем VACS, что по-своему несколько символично пересека-

---

⁷⁴ В теории подобный ресурс под названием «Anglo-Saxon Cluster», разработанный при поддержке ССН, уже существует. Портал объединяет материалы из *ASChart*, «Электронного Сойера», *LangScape*, PASE. Однако с 2018 г., согласно сообщению на странице поиска, проект был заморожен, и поиск в настоящий момент не работает.

ется с повторяющейся темой вечности письма в противоположность преходящей человеческой памяти в преамбулах тех самых королевских жалованных грамот, что публикуются в томах VACS.

ЖАЛОВАННЫЕ ГРАМОТЫ (*DIPLOMAS*)

Как уже говорилось, жалованной грамотой называется документ, в котором правитель жалуется лицу либо церковному институту земли, доходы и/или привилегии. О самой сути пожалования пойдет речь ниже, в разделе «Жалованные грамоты и землевладение: бокленд и фолкленд». Здесь же охарактеризуем форму англо-саксонской жалованной грамоты.

Жалованные грамоты (за редкими исключениями, о которых ниже) написаны на латыни. Основными компонентами их формуляра⁷⁵ были:

- инвокация;
- преамбула;
- интитуляция;
- инскрипция;
- диспозиция (включая описание границ владений, которое с определенного момента стало составляться, в отличие от остального текста грамоты, по-древнеанглийски, см. с. 121–124);
- санкция;
- дата (многие из даже самых ранних грамот содержат точную дату: годовую – по году правления, индикту, году от Рождества Христова, – а часто и дневную);
- список свидетелей.

Списки свидетелей являются, пожалуй, наиболее заметной особенностью англо-саксонских жалованных грамот. Это перечисление лиц, присутствовавших при сделке/оглашении королевского пожалования – самого короля, его родственников, церковных иерархов, светских магнатов и т. п. (обычно имена пишутся столбцами и перед каждым из них стоит крестик). В грамотах, дошедших в оригинале, списки свидетелей написаны одной рукой, той же, что и вся грамота, и даже про крестики нет оснований полагать, что свидетели ставили их собственноручно (Kelly 1990. P. 42). В грамоте S 19 (697 или 712 г.) кентский

---

⁷⁵ Систематического обзора формуляра англо-саксонских жалованных грамот не существует; его только предстоит написать. Сводку данных о формуляре наиболее ранних грамот см.: Snook 2015b. P. 265–269 ff. См. также: Stenton 1955. P. 55.

король Вихтред прямо указывает, что ставит крест потому, что не умеет писать (*pro ignorantia litterarum signum sancte crucis expressi*). С. Келли отмечает, что списки свидетелей англо-саксонских жалованных грамот имитируют итальянские прототипы по форме, но не соответствуют им по сути, т. к. не состоят из автографов (Kelly 1990. Р. 43). В некоторых грамотах (например, в древнейшей S 8) основной текст и список свидетелей написаны в разное время. Вероятно, сама грамота составлялась заранее, тогда как во время торжественного акта пожалования в неё вписывался список свидетелей (Parsons 1939. Р. 15, 19; Kelly 1990. Р. 44). Всё это говорит о том, что жалованные грамоты имели весомое символическое значение. Важнее были ритуал и наличие грамоты как материального объекта, нежели текст грамоты (Kelly 1990. Р. 43–44)⁷⁶.

Помимо списка свидетелей, жалованные грамоты не имеют никаких удостоверяющих знаков, представляя собой просто листы пергамента с текстом. На обороте иногда могут находиться более поздние приписки, например подтверждения последующими королями. В силу такого документального формата, равно как и в силу того, что большинство грамот сохранились в позднейших копиях, определение подлинности каждой конкретной грамоты остаётся в некотором смысле скорее искусством, а не точной наукой, поскольку требует одновременного учёта множества индивидуальных факторов, от почерка до орфографии личных имён. Нередки случаи, когда один документ сочетает в себе и подложные, и достоверные элементы: например, сама суть пожалования может быть вымышлена составителем, но при этом список свидетелей скопирован с подлинной грамоты; явно анахронистичные формулы могут обрамлять достоверное пожалование, и т. д.

С текстами и комментированным русским переводом ряда англо-саксонских жалованных грамот читатель может познакомиться в разделе «Публикации» настоящего выпуска; там же приведены фотокопии некоторых грамот (Кабитова, Сухино-Хоменко 2022).

Жалованные грамоты VII–IX вв.

Общая характеристика корпуса. В «Электронном Сойере» учтены 368 жалованных грамот англо-саксонских королей VII–IX вв. Из них практически наверняка подложными являются 77 документов; относительно подлинности еще 163 грамот мнения ученых расходятся⁷⁷, т. е.

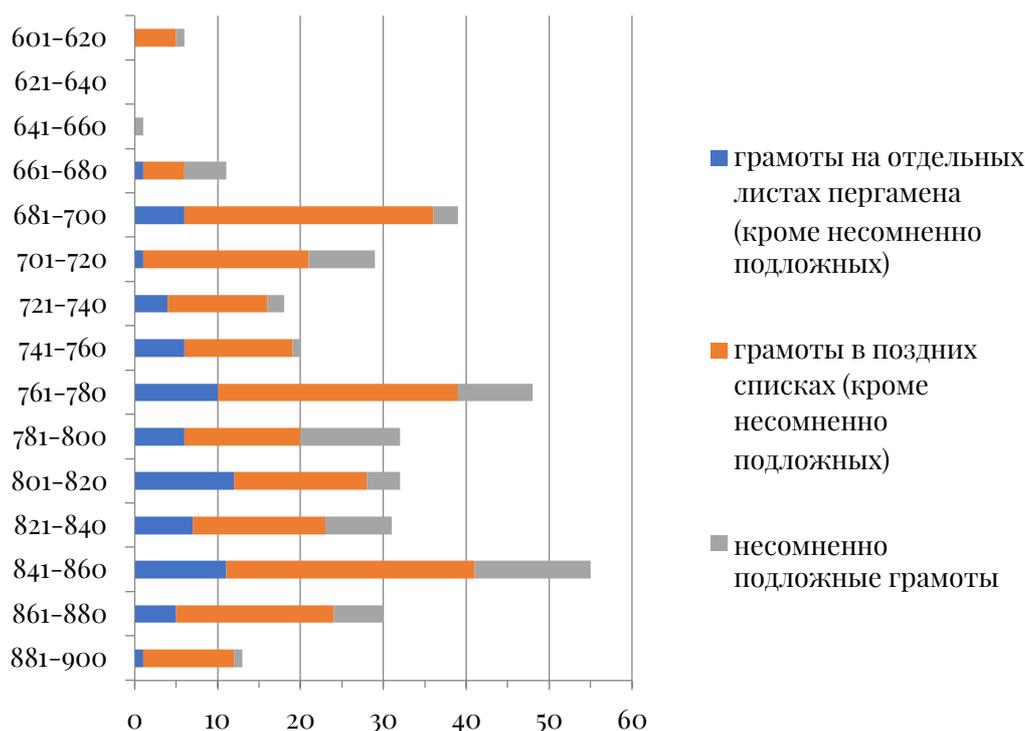
---

⁷⁶ О списках свидетелей и роли грамоты в церемонии см. с. 125–126, 146–149.

⁷⁷ Подсчёт выполнен на основании «Электронного Сойера», где приводятся библиографические ссылки с пометками относительно того, что думал тот или иной исследователь по поводу подлинности документа. Разумеется, этот подсчёт не может быть строгим и точным.

более половины всего корпуса – это не вполне надежные документы. В виде грамот на отдельных листах пергамена до нас дошли 78 документов (но из них 4 – списки младше XI в., а 5 – дошедшие в списках X–XI вв. несомненно подложные грамоты; о документах на отдельных листах см. с. 74–76)⁷⁸.

На Илл. 5 представлено распределение жалованных грамот VII–IX вв. по двадцатилетиям⁷⁹. Для времени до 670-х гг. несомненно подлинные грамоты отсутствуют (см. с. 78–82). В дальнейшем же видны три пика (конец VII в., 760–770-х и 840–850-х гг.) и резкий спад конца IX в. Последний, скорее всего, вызван обстоятельствами войн с викингами. Что касается пиков, то второй и третий обязаны своим происхождением обилием грамот конкретных государей: короля Мерсии Оффы (прав. 757–796); короля Уэссекса Этельвульфа (прав. 839–858) и короля Мерсии Берхтвульфа (прав. 840–ок. 852), причем из грамот Этельвульфа 13 датируются одним годом: 854 (правда, подлинность большинства спорна).

Илл. 5. Распределение жалованных грамот VII–IX вв. по двадцатилетиям

⁷⁸ И еще для 10 документов VIII–IX вв. в «Электронном Сойере» указано, что их оригинал сохранялся еще в Новое время, но ныне утрачен.

⁷⁹ В случае широкой даты (например, 716×737) грамоты учтены в соответствии с начальной датой интервала. Оговоримся, что единицей подсчета был документ, имеющий номер в каталоге Сойера, хотя две экземпляра одного документа могут оказаться в каталоге как под одним, так и под разными номерами (ср. ниже, примеч. 84).

Первый пик наиболее интересен. Если добавить к 39 грамотам 681–700 гг. документы, отнесенные на диаграмме к предыдущему двадцатилетию (661–680 гг. – из 11 грамот 9 относятся к 670-м гг.), у нас получится пик выпуска жалованных грамот, приходящийся на последнюю треть VII в. Из 48 грамот 670–690-х гг. 16 изданы королями Кента, 15 – Уэссекса, 10 – Мерсии, 3 – Хвикке, 2 – Эссекса, по одной – Сассекса и Нортумбрии (это общие цифры, включая спорные и подложные грамоты). Таким образом, речь идет не о деятельности какого-то конкретного правителя, а о тенденции, охватившей одновременно как минимум часть англо-саксонских королевств (несомненно, Кент, Уэссекс и Мерсию). Хотя можно предположить, что и позднейшие фальсификаторы стремились фабриковать грамоты этого, так сказать, начального периода англо-саксонской дипломатики, всё же кажется более вероятным, что перед нами отражение реального распространения практики издания жалованных грамот в это время.

Сделаем и одно общее наблюдение над Илл. 5. Колебания диаграммы для документов, сохранившихся на отдельных листах, и для остальных документов совпадают (пусть и не идеально): где больше грамот в целом, там больше и грамот на отдельных листах. А это с высокой вероятностью означает, что диаграмма передает действительные тенденции выпуска жалованных грамот королями VII–IX вв., а не (только) тенденции, относящиеся к сохранности/подделке документов в средневековых духовных корпорациях.

Поскольку англо-саксонская Англия в VII–IX вв. – это конгломерат королевств, границы которых и гегемоны неоднократно менялись, имеет смысл представить цифры по векам и королевствам (в нижеследующей таблице для наглядности приведены общие цифры, включая поддельные грамоты; в скобках – число грамот на отдельных листах пергамента, если они есть):

<i>королевство</i>	<i>век грамоты</i>		
	<i>VII в.</i>	<i>VIII в.</i>	<i>IX в.</i>
Кент	22 (5)	16 (4)	4 (3)
Сассекс	1	8 (1)	–
Эссекс	2	1 (1)	–
Уэссекс	16 (2)	26 (3)	92 (17)
Мерсия	12	78 (16)	66 (15)
Хвикке	3	15 (2)	–
Нортумбрия	1	–	–
Восточная Англия	–	–	–

Таблица 1. Распределение жалованных грамот VII–IX вв. по векам и королевствам

Мы видим преобладание в основном трёх королевств: Кента (лидер в VII в.), Мерсии (её пик приходится на VIII в.) и Уэссекса (пик в IX в.). Эти показатели вполне отражают политическую историю Англии (периоды гегемонии Мерсии и Уэссекса, а также тот факт, что Kent раньше других принял христианство, и там, очевидно, быстрее развивались любые письменные практики).

Отметим сразу полное отсутствие грамот Восточной Англии и наличие в корпусе всего одной (скорее всего, неподлинной: S 66 [685 г.]) грамоты из Нортумбрии. Отсутствие дошедших до нас документов, однако, не означает, что короли там грамот не издавали. Более вероятно, что они просто не пережили викингских нашествий конца VIII – IX в. По крайней мере, применительно к Нортумбрии данных об институте жалованной грамоты довольно много.

Так, целый ряд свидетельств содержится в нортумбрийских литературных памятниках начала VIII в. Беда Достопочтенный в письме архиепископу Эгберту (занимал йоркскую кафедру в 732–766 гг.) критикует практику получения королевских грамот под основание монастыря⁸⁰. В «Истории аббатов Веармута-Ярроу» тот же Беда неоднократно упоминает папские грамоты с привилегиями этому монастырю (Ненарокова 2010. С. 545–546, 551, 555, 556, гл. 6, 11, 15, 16), причем дважды упоминается подтверждение этих грамот нортумбрийскими королями (Там же. Гл. 6, 15). Ричард Шо показывает, что целый ряд пассажей «Церковной истории народа англоv» и «Истории аббатов» Беды, а также анонимного жития св. Кеолфрида, содержащих указания на размеры земельных участков в *familiae* (латинский эквивалент древнеанглийского термина *gaida*), могут восходить к утраченным жалованным грамотам. Шо отмечает целый ряд параллелей на уровне содержания и фразеологии между пассажами Беды и жалованными грамотами из других королевств (Shaw 2016. P. 413–425). Наконец, в житии св. Вилфрида, написанном Стефаном Райпонским, имеются пассажи, которые могут восходить к жалованным грамотам либо отсылать к таковым (Stenton 1955. P. 32; Chaplais 1965. P. 52; 1973b. P. 107; Shaw 2016. P. 413, 424; Woodman 2018. P. 54, 67–69).

Косвенные свидетельства существования в Нортумбрии второй половины VII – VIII в. традиции составлять жалованные грамоты обнаруживаются исследователями и в некоторых других источниках: в автобиографической заметке англо-саксонского миссионера св. Виллиб-

---

⁸⁰ См. об этом: Wormald 2006. P. 153–154; Wood 2010. P. 92–93 ff.; русский перевод этого пассажа см.: Беда 2001. С. 202–203.

рорда (ум. 739)⁸¹; в постановлениях церковного собора 786 г., подробно изложенных в донесении Георгия, епископа г. Остия, папе Адриану I, отправленного вместе с Теофилактом из Тоди и аббатом Вигбодом (см.: Story 2003. P. 64–78). Использование в уже упомянутой поддельной грамоте S 66 формулы, не характерной для англо-саксонских документов, но характерной для грамот итальянского монастыря Сан-Колумбано, основанного ирландцем св. Колумбаном (543–615), может говорить об отражении утраченной нортумбрийской дипломатической традиции, в свою очередь возникшей под влиянием кельтской (Chaplais 1973b. P. 101–102; ср.: Woodman 2018. P. 70). Наконец, предположительно нортумбрийцем была написана одна из древнейших дошедших в оригинале грамот с юга Англии, S 19 (697 или 712 г., см.: Chaplais 1973b. P. 102; Kelly 2006. P. 107–108). Пример Нортумбрии показывает, насколько драматичными могут быть утраты: у нас нет ни одной грамоты из обширного королевства, в котором, как явствует из множества прямых и косвенных данных, практика их выдачи существовала.

Грамоты на отдельных листах пергамента. На отдельных листах до нас дошли 78 документов VII–IX вв. (включая, как уже говорилось, 4 списка младше XI в. и 5 подложных грамот в списках X–XI вв.). Для оставшихся 69 грамот надо различать дату самого документа и палеографическую дату дошедшей до нас грамоты – они не обязательно совпадают. На основе «Электронного Сойера» мы составили таблицу соотношения даты документа и даты списка (для 69 грамот, т. е. исключая несомненно поддельные и сохранившиеся в списках позднее XI в.).

век документа	век списка				
	VII в.	VIII в.	IX в.	X в.	XI в.
VII в.	2	1	1	2	1
VIII в.	–	18	2	3	4
IX в.	–	–	29	2	4

Таблица 2. Жалованные грамоты VII–IX вв. на отдельных листах

Чрезвычайно важно, что из этих 69 грамот 48 были сохранены для нас *одним архивом* – кафедральным приоратом Кентербери. Еще 7 грамот происходят из архива Рочестера и 7 – Вустера, остальные архивы (Бедвин, Ившем, Эксетер, Гластонбери, Мальмсбери, Селси, Винчестер) представлены каждый одним документом. Таким образом, с одной стороны, выборка документов на отдельных листах чрезвычайно нерепрезентативна (ибо в основном мы имеем дело с теми документа-

⁸¹ См.: Pelteret 2011. P. 3–11; впрочем, автор допускает, что на Виллиборда могли повлиять не только нортумбрийские, но и континентальные грамоты.

ми, которым посчастливилось оказаться в одном единственном архиве). Но, с другой стороны, материал, сохраненный этим архивом, сам по себе достаточно велик, чтобы рассматриваться как неплохая выборка. Кентербери (как и Рочестер) находится на территории исторического королевства Кент, однако среди грамот, сохранённых здесь, есть изданные правителями ряда королевств (в т. ч. в периоды их доминирования над Кентом).

Теперь о том, что представляют собой документы на отдельных листах пергамента. В действительности возможны несколько вариантов, причем они не всегда однозначно определяются, иногда мнения ученых расходятся⁸².

1) *Оригинал*. Скорее всего, оригиналом является древнейшая сохранившаяся грамота, S 8 (679 г.)⁸³. Об этом говорит тот факт, что в этой грамоте список свидетелей написан хотя и тем же почерком, что и основная часть документа, но другими чернилами и, видимо, спустя какое-то время (Wormald 2006. P. 139). Среди других ранних примеров дошедших до нас оригиналов – S 19 (жалованная грамота кентского короля Вихтрета монастырю Лайминдж 697 или 712 г., см.: Kelly 2006. P. 106–108).

2) *Копия*. Имеется целый ряд документов на отдельных листах, палеографическая дата которых существенно младше даты самого документа, но которые при этом нет оснований считать подделками (S 20, 88, 90 и др.).

3) *Копия, содержащая в тексте интерполяции*. Здесь ярким примером является грамота S 21 (конец VIII или начало IX в.?) – очень точная (вплоть до имитации почерка) копия уже упомянутой грамоты S 19. Между ними, однако, имеются два разночтения. Если одно из них (другой номер индикта в датировочной формуле), вероятно, является следствием описки, то второе – не что иное, как содержательная интерполяция: в S 21 добавлена фраза, говорящая о пожаловании монастырю ещё одного участка земли, пастбища для 300 овец. Вероятно, именно ради этой интерполяции и был создан новый экземпляр документа (Kelly 2006. P. 108–109). Аналогичный случай – S 168 (811 г., грамота в пользу архиепископа Кентерберийского) – документ, дошедший в оригинале и интерполированной копии (Stevenson 1914. P. 696, n. 35)⁸⁴.

---

⁸² Ср. выше градацию степени подлинности грамот, предложенную П. Шапле (с. 51–52).

⁸³ Текст, перевод и комментарий см.: Кабитова, Сухино-Хоменко 2022. № 1.

⁸⁴ В отличие от предыдущего случая, здесь в каталоге Сойера два экземпляра грамоты значатся под одним номером.

4) *Подделка*. Поддельными, с высокой вероятностью, являются грамоты S 132 (X в., выдаёт себя за грамоту 790-х гг.), S 67 (XI в., выдаёт себя за грамоту VII в.) и др.

Не будем здесь затрагивать вопроса о еще одном, в принципе возможном, варианте – *черновике*. В свое время М. Парсонз полагала, что пометы на некоторых грамотах или прикрепленные к ним небольшие куски пергамена могут быть не позднейшими приписками, а, наоборот, подготовительными записями (Parsons 1939). Эта гипотеза вызвала неоднозначное отношение в историографии, о чем говорилось выше (см. примеч. 34).

Некоторые из древнейших грамот, дошедших в оригинале, написаны унциалом – парадным книжным письмом, – а не минускулом, как большинство более поздних. Унциалом написаны рекальверская грамота S 8 (679 г.), грамота S 89 (736 г.) мерсийского короля Этельбальда (прав. 716–757), а также документ S 1171 (687 г.?), исходящий не от короля, а от некоего родственника короля Сассекса. Позднейший фальсификатор, работавший в монастыре св. Августина в Кентербери, создавая свои подделки, исходил из представления, что древнейшие англосаксонские грамоты писались унциалом (Charlais 1965. P. 53). Использование унциала не было характерно для континентальных грамот того времени (Emms 2006. P. 21). Возможно, унциал – письмо на престольных евангелий – был одним из средств показать значимость и даже сакральность документа (ср.: Thacker 2005. P. 485). Впрочем, большинство жалованных грамот всё же написаны минускульным письмом. Древнейшая из них – S 19, о которой уже говорилось выше. Тот факт, что данная грамота написана островным минускулом, является одним из оснований предполагать нортумбрийское происхождение писца (Charlais 1973b. P. 102).

Адресаты и адресанты грамот. Некоторые специфические случаи. Получателем грамоты может быть монастырь (часто в лице аббата), церковь, епископ и, наконец, светское лицо (оно может быть названо только по имени, а может быть обозначено как *minister*, *praefectus*, *comes*, *princeps*, *dux*, *dux et minister* и т. п. – см. об этих терминах: Thacker 1981). Грамоты мирянам (не считая с высокой вероятностью поддельных) известны с рубежа VII–VIII вв. В наиболее ранних примерах указывается, что земля жалуется королем для того, чтобы основать на ней монастырь: например, *ad construendum monasterium* («для строительства монастыря») в S 46 (733×747 × ок. 765 гг.) или *terram ad construendum in ea monasterium* («[жалует] землю для строительства на ней монастыря») в S 48 (762 вместо 765 г.; см. более полный список в: Abels 1988. P. 224, n. 22). Примечательно, что в самих грамотах тип владения землёй

«по грамоте» часто называется *jus ecclesiasticum* («церковное право»; впервые достоверно появляется в S 109, датируемой 775×777 гг.). Выше уже упоминались сетования Беды Достопочтенного в письме Эгберту на мирян, получающих от короля грамоты для основания монастыря, но не ведущих подобающего монахам образа жизни. Всего за VIII в. мы насчитали 30 вероятных пожалований мирянам (примерно четверть всех жалованных грамот за столетие), но для многих из них сохраняется вопрос подлинности. В какой-то момент, очевидно, жалованные грамоты стали выдаваться мирянам уже безотносительно к последующему основанию монастыря на этой земле; когда это произошло, вопрос не совсем ясный. Видимо, первый такой надежный пример – S 58 (768 г.). Другие кандидаты: S 63 (757×774 гг., вероятно, подлинная) и S 57 (756 вместо 777×779 гг.; статус не совсем понятен, грамота из коллекции Сомерса, ныне утеряна). Первый неоспоримый случай чёткого указания на полностью светский характер бокленда – S 114 (779 г.), который, согласно тексту, даже если кто-то из наследников исконного получателя совершит преступление (*delictum*), не будет конфискован (ср. примеч. 184 и 206), – иными словами, конечным бенефициаром предполагалась именно семья мирянина, а не церковь (Stenton 1955. P. 59–60; EHD. P. 377; Abels 1988. P. 47; Smith 2012. P. 29–30).

Адресантом грамот выступает король. Однако есть некоторые специфические случаи. Так, ряд грамот VIII в. из королевства Хвикке издан местными правителями, именуемыми *subregulus* или *regulus*, с согласия (*consentiente, cum licentia et permissione, cum consilio et licentia* и т. п.) королей Мерсии⁸⁵. Это отражает автономный статус Хвикке в составе Мерсии: здесь сохранялась местная династия, признававшая верховную власть мерсийских правителей⁸⁶. Есть примеры грамот, где адресантами выступают король и королева⁸⁷. Есть также грамоты, фактически соединяющие разные пожалования (в продолжение одной грамоты записана другая, от другого лица)⁸⁸.

Уникальный в своем роде случай – грамота S 298 (846 г., сохранилась в подлиннике, см. о ней: Keynes 1994b. P. 116–118). Этот документ

⁸⁵ S 54 (706 г.), 56 (759 г., сохранилась в оригинале), 57 (756 вместо 777×779 гг.), 58 (767 г.), 59 (770 г.), 63 (757×774 гг.) и др.

⁸⁶ Есть и грамоты, где король Мерсии и *subregulus* Хвикке жалуют совместно (S 141), и где жалователем выступает король Мерсии, а получателем – правитель Хвикке (S 113), – впрочем, в этих случаях подлинность небесспорна.

⁸⁷ S 156 (799 г.), 210 (864 г.), 214 (869 г.).

⁸⁸ S 44 (не ранее 705 г.: см. текст, перевод и комментарий: Кабитова, Сухино-Хоменко 2022. № 2), 153 (798 г.), 223 (884×901 гг.) и др.

король Уэссекса Этельвульф издал в пользу самого себя, пожаловав себе земельное владение в Девоне.

Целая группа грамот упоминает, что земля жалуется в обмен на что-либо (золото, серебро, другие земли), т. е. перед нами нечто среднее между жалованной и купчей грамотой. По фразеологии эти документы схожи с другими жалованными грамотами и, наряду с упоминанием платежа, могут декларировать религиозные мотивы пожалования. В некоторых сравнительно поздних документах говорится, что платёж осуществляется не в обмен на землю, но в знак лояльности и любезности по отношению к королю. Как пишет Р. Нэйсмит, ситуация с этими платежами настолько тонка и многофакторна, что нет возможности разграничить дарение и куплю/продажу (Naismith 2012a. P. 269–270; 2012b).

Ещё в нескольких случаях земля жалуется на какой-то ограниченный срок: от одной жизни (грантополучателя) до четырёх (поколений его потомков) с последующей передачей конкретной церковной институции⁸⁹.

Есть группа грамот, адресованных не конкретной церкви или монастырю, и не мирянину, а сразу многим церквам какой-то области. Наиболее древний пример – изданная королем Вихтредом грамота, подтверждающая освобождение от податей церквей и монастырей Кента (S 20 [699 г.]). Документ известен в копии на отдельном листе пергамента предположительно IX в. и ещё в шести списках XIII–XVII вв. Как логично отмечает С. Кейнз, подобный документ и должен был существовать во многих копиях, а анализ его списков в картуляриях привел ученого к мысли, что, как минимум, ещё один ранний экземпляр этой грамоты хранился в монастыре св. Августина в Кентербери (Facsimiles 1991. P. 3, № 1). Известны схожие документы из Мерсии (S 92 [749 г.], тоже в нескольких копиях, включая одну VIII в.⁹⁰; S 134 [792 г.]) и Уэссекса (S 245 [704 г.], подлинность спорна)⁹¹.

Возникновение института жалованной грамоты и его истоки.

Древнейшая дошедшая до нас в пергаменном подлиннике жалованная грамота – это грамота кентского короля Хлотхере аббатству Рекальвер 679 г. (S 8). Она же – древнейшая из бесспорно подлинных. Как уже го-

---

⁸⁹ S 62 (777×780 гг.), 109 (702 вместо 775 или 777 г.), 279 (836 г.), 356 (871×899 гг.).

⁹⁰ Текст, перевод и комментарий см.: Кабитова, Сухино-Хоменко 2022. № 3.

⁹¹ Ср. также документы так называемых «первой» и «второй» децимаций Этельвульфа 844 и 854 гг. [S 294a–b, 302–305, 307, 308] – выделения десятой доли королевских земель и их освобождения от податей – целый клубок проблем связан с интерпретацией этих акций, а также с вопросами подлинности документов, ни один из которых не дошёл в раннем списке; см.: Кеупес 1994b. P. 115–116, 119–112).

ворилось, к 670–690-м гг. относится пик издания жалованных грамот, причем сразу в нескольких королевствах. Однако следует ли считать 670-е гг. временем возникновения у англо-саксов института жалованной грамоты, или он появился существенно раньше?

Несколько актов, сохранившихся в копиях не ранее XII в., формально имеют более раннюю дату, начиная с 604 г. (S 1–7), но их подлинность сомнительна⁹². Не исключено также, что в каких-то случаях могла иметь место переработка подлинных актов позднейшими составителями картуляриев, что мы видим, кстати, и на примере грамоты S 8, дошедшей как в подлиннике, так и в позднейшей редакции, довольно сильно отличающейся от оригинала (Chaplais 1965. P. 51–52).

В историографии в основном предлагались два варианта ответа на вопрос о времени возникновения института жалованной грамоты. Во-первых, он мог возникнуть непосредственно после начала христианизации Кента, и тогда с высокой вероятностью инициатива могла исходить от первого архиепископа Кентербери, св. Августина (занимал кафедру в 597–604×609 гг.). Беда Достопочтенный в своей «Церковной истории» (HE I.23; II.3) сообщает о пожалованиях первого крещёного кентского короля Этельберта (ум. 616) церкви, впрочем, не утверждая, что они были оформлены в виде грамот. Во-вторых, на роль инициатора появления у англо-саксов жалованных грамот предлагался архиепископ Теодор (занимал кентерберийскую кафедру в 669–690 гг.), ко времени деятельности которого относятся древнейшие несомненно подлинные жалованные грамоты. В XIX – начале XXI в. одни ученые высказывались в пользу (условного) Августина, другие – в пользу (условного) Теодора, третьи занимали в чем-то промежуточную позицию (см. обзор историографии: Snook 2015b. P. 258–260; см. также выше в нашей статье, с. 51).

Точка зрения о том, что институт жалованной грамоты зародился на рубеже VI–VII вв., при Августине, наиболее полно аргументирована П. Шапле. Учёный считал, что жалованные грамоты последней трети VII в. настолько разнообразны по своему формуляру, что невозможно представить себе, что они были нововведением Теодора, быстро распространённым на всю Англию. Некоторое родство формуляра, которое они обнаруживают, скорее, указывает на более раннее появление этой разновидности документов. Многие соображения, связанные с историческим контекстом деятельности Августина, также косвенно подтверждают эту гипотезу (Chaplais 1973b). Точку зрения Шапле поддержали

---

⁹² О грамотах S 1–6 см. отсылки: Snook 2015b. P. 259, п. 11; о грамоте S 7 (675 г.): Emms 2006. P. 22.

Патрик Уормальд (1947–2004) (Wormald 2006. P. 147–148) и С. Келли (Kelly 2006. P. 107).

Б. Снук привел аргументы в пользу того, что институт жалованных грамот был централизованно введен архиепископом Теодором в 670-х гг. (мнение, ранее высказывавшееся, например, Ф. Стентоном и Д. Уайтлок). Снук предельно заострил вопрос: если в ранних англосаксонских жалованных грамотах, происходящих из разных королевств, наблюдается единство формуляра, то значит, они введены централизованно и единовременно, когда все королевства уже были христианизированы (т. е., скорее всего, Теодором). Если же такого единства проследить нельзя, то это аргумент в пользу постепенного, стихийного развития данной практики, а значит – её более раннего зарождения. Снук анализирует черты сходства ранних грамот (до 700 г.), каковые он обнаруживает в общей компоновке документа (состав компонентов формуляра, который достаточно стабилен), в использовании определённых выражений и слов (как считает Снук, во многих случаях латынь позволяла бы альтернативные формулировки, но используются одни и те же), наконец, в том, что каждый из нескольких вариантов санкции засвидетельствован сразу в двух или более регионах Англии. Дополнительный аргумент для Снука – близость формул постановлений церковного собора в 672 г. в Хартфорде, включенных Бедой в его «Церковную историю» (HE IV.5), и ранних жалованных грамот: Снук предполагает, что Теодор намеренно создал формуляр жалованных грамот по образцу постановлений церковных соборов (Snook 2015b).

На наш взгляд, эта аргументация не достигает цели. Не убедительна сама предложенная альтернатива: акты либо демонстрируют единство формуляра, либо не демонстрируют такового. Ситуация, прекрасно и очень детально описанная Снуком, как раз-таки занимает промежуточное положение между двумя предложенными им вариантами: черты сходства между ранними грамотами есть, и они демонстрируют их несомненное родство, но различий так много, что трудно говорить о единстве формуляра. Нам представляется, что эта ситуация была более точно (хотя менее подробно) охарактеризована Шапле: родство есть, но оно такого свойства, что необходимо предположить несколько десятилетий предшествующего развития. Если бы институт жалованной грамоты был введен Теодором, следовало бы ожидать большего единства формуляра древнейших актов – каковое, однако, прослеживается лишь пунктирно. Вопрос о родстве формуляра постановлений Хартфордского собора и ранних жалованных грамот нуждается, на наш взгляд, в дальнейшем рассмотрении. Опять же, параллелей прослеживается много, но они разные для разных грамот, что, как ка-

жется, говорит о разветвлённой традиции, одним из ответвлений которой являются постановления Хартфордского собора, а не о единовременной инновации 670-х гг. Умозрительным является, на наш взгляд, аргумент Снука о том, что опытный администратор, реформатор англо-саксонской церкви Теодор, формулируя постановления собора, вряд ли стал бы следовать уже существовавшей местной традиции составления документов (а значит, сходство должно объясняться противоположным образом, через влияние постановлений собора на жалованные грамоты [Snook 2015b. P. 282]).

Другой важный вопрос, который всегда обсуждается вместе с вопросом о времени зарождения жалованных грамот, – это вопрос об их иностранных образцах. В целом, исследователи сходятся во мнении, что эти образцы следует искать в Италии. Формуляр англо-саксонских жалованных грамот находит себе ряд параллелей в итальянском частном акте VII в. и более раннего времени – в большей мере, нежели во франкских документах того же периода (Chaplais 1965. P. 49; Wormald 2006. P. 145–147). Впрочем, отдельные параллели могут быть проведены с франкским и кельтским материалом, что может говорить о множественности влияний на ранний англо-саксонский акт (см.: Wormald 2006. P. 150–153). Наконец, Б. Снук настаивает на том, что, наряду с итальянским частным актом, образцом для жалованных грамот стали постановления церковных соборов (Snook 2015b. P. 274–283).

Определенную популярность в историографии приобрела идея о том, что ранние англо-саксонские грамоты (до 670-х гг.) могли составляться не на пергамене (как все дошедшие до нас документы), а на папирусе, и именно поэтому не имели шансов сохраниться в английском климате. Аргумент в пользу этой гипотезы – использование папируса для написания актов в Италии (включая папскую канцелярию) и Франкии (причём канцелярия Меровингов перешла от папируса к пергамену между 673 и 677 гг., что соотносится с датой древнейшей кентской грамоты на пергамене, S 8 [679 г.]). Другой аргумент – форма грамоты S 8 – вертикальный столбец, напоминающий документы на папирусе. Впервые «папирусная» гипотеза была высказана У. Стивенсоном (Stevenson 1914. P. 696, n. 35; из наиболее новых работ см.: Kelly 1990. P. 41–42; Emms 2006. P. 22). Данная гипотеза была поддержана не всеми (см.: Snook 2015b. P. 260, с отсылками; Insley 2013a. P. 343, n. 21); на наш взгляд, она вряд ли проверяема.

Альтернативой «папирусной» гипотезе является предположение о том, что древнейшие жалованные грамоты писались не на отдельных листах пергамена, но помещались на свободных листах напрестольных евангелий. Высказавший эту гипотезу П. Шапле отмечал, что, во-

первых, в англо-саксонских жалованных грамотах, в отличие от итальянских прототипов, не приводится имя писца/составителя, а во-вторых, используется книжное письмо (Charlais 1973b. P. 105–106; ср.: Charlais 1965. P. 53–54). Более поздние примеры записи актов в церковных книгах хорошо известны (см., например, ниже об указных грамотах), но применительно к древнейшему периоду эта гипотеза столь же непроверяема, сколь и «папирусная».

Составители грамот и вопрос о канцеляриях. Поскольку этот вопрос является одним из самых дискуссионных в англо-саксонской дипломатике, его уместнее было подробно разобрать выше, в историографическом обзоре. Здесь сделаем лишь несколько замечаний.

В целом в науке установился консенсус, что в VII–IX вв. ещё не сформировались королевские канцелярии. Жалованные грамоты с высокой вероятностью писались силами бенефициара (если таковым была духовная корпорация), и в любом случае клириками. Как замечает С. Келли, обобщая этот консенсус, ранние англо-саксонские жалованные грамоты, по сравнению с их итальянскими прототипами, были «любовительским подражанием, писавшимся книжным (а не официальным, канцелярским) почерком», в них были «перемешаны юридические формулы из разных моделей, к тому же сильно приправленные церковным колоритом», у них не было никаких знаков аутентификации. Как минимум в начальный период инициатива издания грамот исходила от бенефициаров, а не от королей (Kelly 2006. P. 107).

Более конкретные данные на этот счёт может дать палеография (установление сходства либо тождества почерков разных документов), анализ формуляра (который может выявить единую традицию составления документов в каком-либо центре), а также некоторые другие наблюдения. Иногда можно говорить о роли конкретных церковных институтов или иерархов в составлении грамот. Так, П. Уормальд пишет о том, что сходство формуляра грамот, составленных в разных королевствах, но к которым имел некоторое отношение лондонский епископ Эоркенвальд, говорит о роли последнего в написании грамот (Wormald 2006. P. 142–145). Н. Брукс предполагает в писце грамот S 186 (822 г.) и 187 (823 г.), содержащих королевское пожалование архиепископу, самого архиепископа⁹³.

Впрочем, С. Кейнз привёл данные о том, что нечто вроде королевской канцелярии всё-таки существовало в Уэссексе в IX в. Грамоты короля Этельвульфа (прав. 839–858) и его сыновей (до восшествия на престол Альфреда Великого в 871 г.), изданные на королевских собрани-

---

⁹³ Цит. по: The Electronic Sawyer. S 186–187.

ях, проводившихся в разных местах и адресованные разным бенефициарам (включая многих мирян), имеют черты сходства, говорящие о единой традиции их составления. Хотя носителем этой традиции в принципе могло быть окружение одного из двух епископов Уэссекса – винчестерского либо шерборнского, – более простым и непротиворечивым объяснением будет то, что документы составлялись силами священников, постоянно находившихся при короле. Отчасти эта традиция прослеживается и в конце IX – начале X в., хотя материал этого времени несколько менее однозначен (Keenes 1994b).

Язык грамот. Жалованные грамоты на протяжении всего англосаксонского периода составлялись на латыни (в отличие от ряда других разновидностей актов, таких как завещания или указные грамоты). Есть несколько примеров жалованных грамот VII–IX вв. на древнеанглийском языке⁹⁴, сохранившихся в составе картуляриев и, если это не подделки, то перед нами, с высокой вероятностью, поздние переводы или переложения изначально латиноязычных документов. Есть и примеры жалованных грамот, дошедших до нас (в разных картуляриях) как на латыни, так и на древнеанглийском языке⁹⁵; подлинность во всех трёх случаях под сомнением. И только в одном случае до нас дошла жалованная грамота на древнеанглийском языке на отдельном листе пергамена. Это мерсийский документ S 204 (844×845 гг.). Данной аномалии предлагались разные объяснения – предполагалось, что это: осколок более распространенной в Мерсии этого времени практики; следствие упадка латинской образованности; черновая памятка о содержании сделки, составленная перед церемонией, а не официальный документ; попытка учредить новую практику, впрочем, не прижившуюся; наконец, следствие франкского влияния (см.: Gallagher 2018. P. 227–228, 234–235). Ещё один подобный пример, грамота S 313 (854 г.), дошедшая в списке XI в. на отдельном листе пергамена, – скорее всего, подделка.

Тем не менее даже в латиноязычных жалованных грамотах древнеанглийский язык присутствовал. Уже в древнейший период составители грамот столкнулись с необходимостью записи латиницей англосаксонских имен и названий – и в этом смысле акты оказываются одним из ранних источников по древнеанглийской орфографии (см., например: Shaw 2013). При этом зачастую имена собственные не латинизировались (т. е. не получали латинских окончаний и т. п.), что делалось, очевидно, для большей ясности документа. В актах VII–IX вв. присутствуют также отдельные термины (например, *fæstingmen* – одна из

⁹⁴ S 98 (743×745 гг.), 136a (793 г.), 223 (884×901 гг.), 325 (854 г.), 333 (864 г.), 342 (869 или 870 г.).

⁹⁵ S 72 (680 г.), 126 (786 или 589 вместо 779 или 789×790 гг.), 357 (871×877 гг.).

должностей королевских людей), не переводившиеся на латынь (см.: Gallagher 2018. P. 208–209).

В IX в. возникает – и существует вплоть до XI в. – традиция внутри латинского текста грамоты помещать описание границ земельных владений, написанное по-древнеанглийски⁹⁶. По мнению С. Келли, древнеанглийский язык стал использоваться для описания границ владений тогда, когда эти описания стали иметь реальное значение. До этого, как думает исследовательница, границы определялись ритуалом (Kelly 1990. P. 46). Древнейший совершенно уверенный пример древнеанглийского описания границ в составе латинского документа – грамота уэссекского короля Этельвульфа самому себе (S 298 [846 г.]). Обращалось внимание на синхронность этого примера упомянутой выше уникальной мерсийской грамоте, написанной целиком на древнеанглийском (S 204), что может говорить о поиске новых форм документации в 840-х гг. (Gallagher 2018. P. 230)⁹⁷.

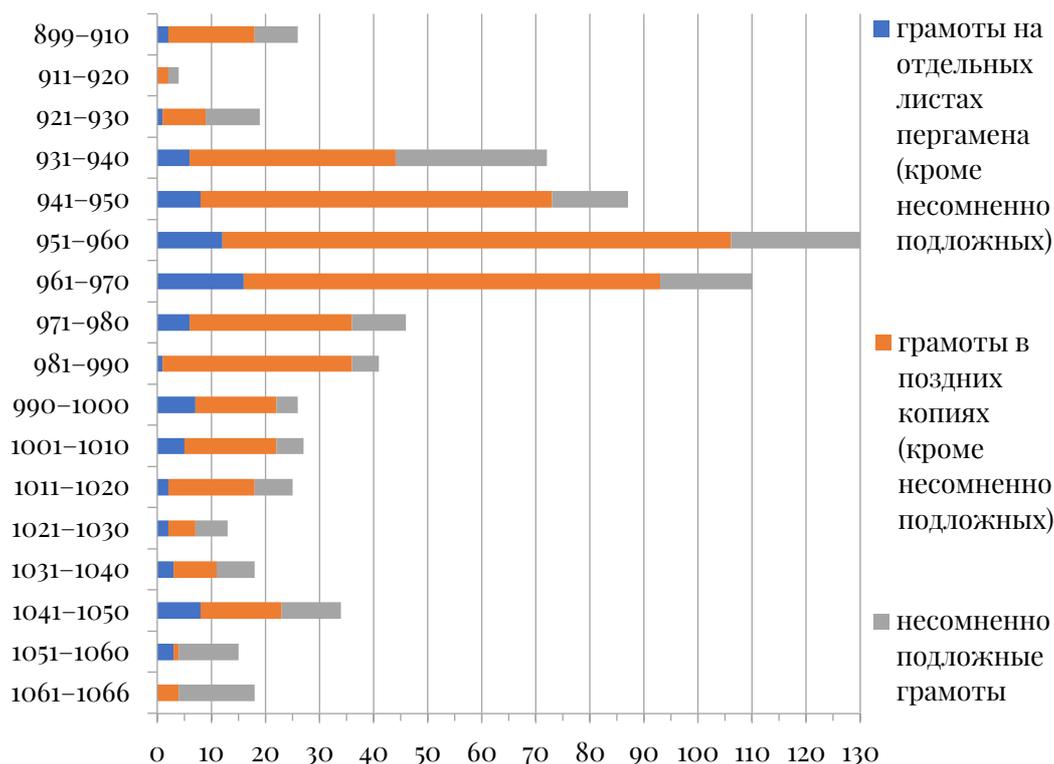
Жалованные грамоты X–XI вв.

Жалованные грамоты X–XI вв. (до 1066 г.) представляют собой довольно обширный корпус документов: всего известно 713 грамот, 102 из них на отдельных листах пергамена до 1100 г. (оба числа – включая поддельные документы; точный, научно обоснованный подсчёт числа подлинных документов, как и в случае с более ранними актами невозможен). Это почти двукратное умножение числа грамот, видимо, отражает действительный рост документального производства. Высказывалось и предположение, что оно может частично быть следствием умножения числа монастырей с непрерывной историей до роспуска при Генрихе VIII и/или реформированием деятелями «бенедиктинского возрождения» в конце 940-х – конце 980-х гг. уже имевшихся, а также, возможно, с большей напористостью этих деятелей в вопросах земельной собственности, что видно, например, по «Книжице епископа Этельвольда» (Insley 2013a. P. 343–344). Однако это объяснение представляется спорным: по нашим подсчётам, на долю таких монастырей приходится 497 документов всех типов подлинности, и 222 сохранились в до-реформенных монастырях. Из крупных монастырей предположение Инсли подтверждается только для Абингдона (28 грамот до переоснования в 954 г. и 98 – после), который, впрочем, вместе с Олд-Минстером

---

⁹⁶ Краткий их обзор как самостоятельного источника представлен в: Нооке 1998. P. 62–67.

⁹⁷ Ср. также приходящийся на это время пик выпуска грамот в Уэссексе и Мерсии на Илл. 5.

Илл. 6. Распределение жалованных грамот X–XI вв. по десятилетиям. Грамоты, чья датировка определяется лишь условно, размещены равномерно по предлагаемому интервалу. Неверные датировки учтены и исправлены

(80 грамот до переоснования в 964 г. и 66 – после) сохранили почти две трети всех пореформенных королевских грамот. Из более мелких оно также выдерживается в той или иной степени для Питерборо (6 королевских пожалований до переоснования в 972 г., 7 – после), Торни (3 документа до переоснования ок. 970 г., 7 – после), Или (2 грамоты до переоснования в 970 г., 9 – после) и Кроуланда (ни одного документа до переоснования в 948 г., 4 – после). Не вело и основание новых монастырей к резкому количественному увеличению объёмов накапливаемой документации: Вестминстер (основан ок. 960–970 гг.) сохранил лишь 15 королевских пожалований (3 – до основания), Рэмси (основан в 969 г.) – лишь 2, Тависток (основан в 974 г.) и Уэруэлл (основан ок. 986 г.) – только 1 каждый, а Керн Аббас (основан в 987 г.) – и вовсе ни одного; к ним можно добавить Хортон, сохранивший 5 документов и, видимо, (пере)основанный где-то в 970-е годы, но его ранняя история туманна (BACS III. P. Iviii–Ix). Учитывая в целом корреляцию между ростом/падением числа грамот на отдельных листах (Илл. 6), в поздних копиях и подделках по почти каждому десятилетию (за исключением 980-х), имеющие пики и провалы скорее должны отражать реальное положение дел (не только, например, королевскую щедрость, но и одновременное задействование большего числа письмоводительских «ведомств» – см.

ниже), на численный аспект которого «монастырская реформа» повлияла не значительно⁹⁸.

Оформление единой традиции. Проблема цезуры. Английский X в. опережает календарную смену столетий на два года и открывается в 899 г. с началом правления Эдуарда Старшего. Дипломатически грамоты этого государя продолжают заметное уже при Альфреде привнесение в уэссекскую традицию мерсийских черт, таких как сочетание благословения с анафемой и пассажи о значении письма для обеспечения неизменности пожалования. Другая отличительная особенность мерсийского стиля – подражание языку первого мальмсберийского аббата Альдхельма (ум. 709/10)⁹⁹. Шесть грамот 900–901 гг. содержат те или иные мерсийские дипломатические или стилистические черты¹⁰⁰. Любопытен случай S 364 (901 г.), в преамбуле очень близко повторяющей S 197 (844 вместо 848 г.). Несомненно, какие-то акты Эдуарда производились одной и той же командой, что отражается в повторении одних и тех же элементов в грамотах разных получателей, разных лет и из разных архивов, и что в свете прений по поводу королевской канцелярии решительно склоняет чашу весов в пользу её существования (Keupen 1994b. P. 1137, 1141–1145; Snook 2015a. P. 42–49).

С актов Эдуарда начинается заметный рост числа грамот в год. В IX в. максимальная цифра приходится на правление уэссекского короля Этельвульфа (прав. 839–858), которому приписываются 42 документа, считая подлинные, спорные и поддельные (впрочем, как говорилось выше, почти треть от них приходится на 854 г.). Схожая статистика – несколько грамот за год – отмечена и для мерсийского короля Берхтвульфа (прав. 840–ок. 852), однако эти две группы скорее аномальны. Видимо, их неординарность должна объясняться каким-то политическими или иными событиями (как в случае с «децимациями» Этельвульфа), поскольку пики синхронны в обоих королевствах¹⁰¹. Во второй половине столетия количество грамот (всех типов подлинности) снижается, так что от почти тридцатилетней деятельности Альфреда дошли лишь 17 жалованных грамот, из которых не более 10 можно признать с высокой степенью вероятности подлинными¹⁰². Канцелярия Эдуарда переламывает этот тренд: из 29 актов за четверть века правле-

---

⁹⁸ О проблеме репрезентативности корпуса см.: Сухино-Хоменко 2022а.

⁹⁹ О нём см.: BACS XI. P. 1–10.

¹⁰⁰ S 359, 362, 363, 364, 366, 1205.

¹⁰¹ См. также выше, с. 70–74 и Илл. 5.

¹⁰² S 344 (873 г.), 352 (979 вместо 878 г.), 345 (882 г.), 346 (889 г.), 347 (891 г.), 348 (892 г.), 350 (898 г.), 356 (871×899 гг.), 354 (878×899 гг.), 355 (892×899 гг.). К их числу также можно отнести S 1628 (898 или 899 г.), не сохранившую списка свидетелей (Roach 2013a. P. 97).

ления 16 в целом заслуживают доверия¹⁰³, и в дальнейшем тенденция к росту достигает пика в 956 г. Но подлинные королевские грамоты загадочным образом пропадают после 909 г. и появляются только в 924 г., уже при Этельстане¹⁰⁴. Имеющийся корпус далёк от полноты, но такое исчезновение документов конкретного правителя на полтора десятка лет беспрецедентно, поэтому не раз причины искались за пределами дипломатики как таковой.

Завещание Альфреда, S 1507 (между 873 и 888 гг.), рисует крайне сложную схему распределения земельных владений между представителями династии во второй половине IX в.¹⁰⁵. Распутывая этот клубок, П. Уормальд небезосновательно заключил, что уэссекские государи старались не выпускать фамильное имущество из рук. Возможно, Эдуард следовал той же практике и не отчуждал бокленд за пределы семьи (Keynes 2001. P. 56) или, по меньшей мере, обеспечивал его возврат (Wormald 2001. P. 275). В таком случае в 910–924 гг. грамоты могли писаться, но, не попадая в церкви и монастыри, просто не отложились в архивах. Но тогда выходит, что, за вычетом перераспределений старых боклендов, все новые королевские пожалования делались едва ли не целиком из личного земельного состояния монархов. Действительно, из 63 известных по завещанию Альфреда имений 26 в дальнейшем фигурируют в грамотах (Wormald 2001. P. 272–273). Однако лишь три из них были пожалованы в бокленд самим Альфредом, и ни одно – Эдуардом. Если только не предполагать, что новые пожалования 899–909 гг. делались из неизвестного по иным источникам королевского семейного фонда, следует думать, что Эдуард раздавал не только собственные земли, и поиск объяснений должен продолжиться¹⁰⁶. Другое возможное

¹⁰³ S 359 (900 г.), 361 (900 вместо 904 г.?), 362 (901 г.), 363 (901 г.), 364 (901 г.), 365 (901 г.), 366 (901 г.), 367 (903 г.), 367a (903 г.), 368 (903 г.), 369 (903 г.), 372 (904 г.), 373 (904 г.), 374 (974 г.), 380 (899×909 гг.), 385 (909 г.) (Roach 2013a. P. 97).

¹⁰⁴ Данное утверждение не учитывает грамоты «госпожи мерсийцев» Этельфлед (ум. 918) S 224 (800 вместо 914 г.?) и 225 (915 г.). Также и S 379 (921 г.), видимо, подлинная, не могла быть написана 11 января 921 г., как она себя презентует, потому что формуляр позаимствован из грамот Этельстана 933 г. (BACS IX. P. 47–48).

¹⁰⁵ На русском языке разбирается в: Золотарёв 2005. С. 176–178.

¹⁰⁶ О королевском землевладении в IX–XI вв. см.: Lavelle 2007. В частности, заключение к монографии предлагает уточнить разделение владений короля на имения «по должности» (*regales terrae*), имения королевской семьи (*regii pueri*), в чём-то аналогичные позднему апанажу во Франции, и имения королей как частных лиц (*propria hereditas*) (Maitland 1897 [1921]. P. 254–255). Во-первых, автор добавляет к ним четвёртую категорию, земли мелких королевских министериалов; во-вторых, он отмечает, что члены королевской семьи могли пользоваться землями из трёх категорий Мэтланда одновременно (Lavelle 2007. P. 124).

толкование предполагает, что после 909 г. король не делал новых пожалований, но перераспределял уже имеющиеся. Известно, например, что в предыдущее правление уилтширский элдормен Вульфхере между 871 и 877 гг. нарушил данную Альфреду клятву, за что у него и его жены было отнято владение в десять гайд, отданное в 901 г. Эдуардом некоему Этельвульффу (S 362)¹⁰⁷. При таком сценарии грамоты действительно не выпускались, хотя светский патронат Эдуарда продолжался, а S 362 была либо исключением, либо следствием отсутствия прежней грамоты. Это тем более вероятно, что из всех достоверных пожалований Эдуарда лишь пять¹⁰⁸ не имели предыстории, а оставшиеся одиннадцать были на деле обменом или перевыпуском грамоты взамен утраченной или повреждённой (Roach 2013a. P. 97, n. 72). Ещё одним предполагаемым способом вознаграждения королевских сторонников называются гипотетические раздачи владений в недавно отвоёванном южном Денло. «Книжица епископа Этельвольда» (гл. 35) содержит рассказ о тяжбе за хантингдонширское имение Блантишем вскоре после 975 г. (Книжица 2008. С. 186–187), из которого можно вывести, что землевладельцы на занимаемых уэссекскими войсками территориях были поставлены перед выбором: подчиниться Эдуарду и получить подтверждение своих имущественных прав или отказаться и потерять их. Следовательно, можно было бы ожидать серию грамот из южного Денло, подтверждающих прежние владения или перераспределяющих конфискованные. Но в отсутствие здесь крупных церковных архивов, в которых могли бы отложиться соответствующие грамоты, эта гипотетическая серия пропала (Dumville 1992. P. 151–153). Косвенным подтверждением смены владельцев может быть топонимика. Так, пять имений, соседствовавших с Чеселуортом (Саффолк), судя по их названиям в описаниях границ в S 703 (962 г.), были в англо-саксонских руках полстолетия спустя, однако в отсутствие полного ономастического исследования подобного материала авторы этого наблюдения склонны допускать массовое присутствие скандинавских землевладельцев в присоединённом Денло (Hart, Syme 1987. P. 169). Предполагалось также, что тамошние владения превращались в «земли по грамоте» лишь в отдельных случаях. Причиной, по которой Эдуард мог воздерживаться от создания новых боклендов во второй половине правления, могло быть стремление к максимальному сбережению ресурсной базы, необходимой для успешных

---

¹⁰⁷ См. подробное обсуждение этого случая: Hough 2014. P. 18–21. Обязанность держать данную клятву подчёркивается в судебных актах Альфреда (Af 1) и Эдуарда (II Ew 5). Все ссылки на англо-саксонское законодательство приводятся по изданию: Liebermann 1903 и в соответствии с принятыми издателем сокращениями (Ibid. S. xi).

¹⁰⁸ S 362, 364, 365, 366, 374.

наступательных кампаний против скандинавов (Stenton 1955. P. 53; Keynes 2001. P. 56; Roach 2013a. P. 97). Это объяснение не до конца, как кажется, принимает в расчёт укоренившуюся к тому моменту «тройную повинность» держателей «земель по грамоте»¹⁰⁹. Кроме того, эмпирический материал показывает, что грамоты на пожалования в Денло в первой трети X в. всё же изредка сохранялись¹¹⁰, и даже если в общем потоке их ничтожно мало, следует учитывать, что королевских грамот к востоку от англо-скандинавской границы в принципе в разы меньше. Не исключено также, что в это время практика королевских раздач «земель по грамоте» в Денло ещё не была воскрешена после цезуры викингского завоевания, и уэссекский правитель даже, возможно, *de jure* обладая прерогативой превратить любое имение на подвластной ему территории в бокленд, *de facto* по тем или иным причинам испытывал ограничения. Показательно, что S 397 не жалует бокленд «с нуля», а превращает в бокленд 60 гайд, купленные «у язычников» неким Ухтредом по приказу Эдуарда и (западно)мерсийского элдормена Этельреда (ум. 911). П. Сойер предполагал, что подобная же транзакция стояла и за S 479, 484 и 1606 (942 г.) (Sawyer 1975). Аналогично и в S 407 Этельстан передаёт йоркской архиепископии огромную территорию Амаундернесс, предварительно выкупленную им за собственные средства. Джордж Молиньо заключает, что к северу от Темзы уэссекские династы практически не владели землёй ни как частные лица, ни как монархи и не перераспределяли здешние владения в сколько-нибудь крупных масштабах (Molyneux 2015. P. 40–43, 50–53).

Итак, отсутствие грамот Эдуарда 910–924 гг. пока до конца не объяснено. Возможно, свою роль сыграло сочетание нескольких обстоятельств.

«Золотой век» англо-саксонской грамоты. Этельстан выводит использование жалованной грамоты на новый уровень. Во-первых, резко возрастает их общее число: «Электронный Сойер» приписывает этому королю 74 пожалования (к которым можно добавить S 379, см. примеч. 104), из которых примерно половина, вероятно, достоверна¹¹¹.

¹⁰⁹ О ней и военной системе в целом см. с. 110–112.

¹¹⁰ S 224, пожалование «госпожи мерсийцев» Этельфлед в Дербишире (?), сохранилась в архиве Бёртона; S 395 (925 г.), пожалование в Дербишире, сохранилась в архиве Бёртона; S 396 (926 г.), пожалование в Бедфордшире, сохранилась в архиве Абингдона; S 397 (926 г.), пожалование в Дербишире, сохранилась в архиве Бёртона; S 418a (932 г.), пожалование в Эссексе, сохранилась в архиве Баркинга; S 407 (930 вместо 934 г.), пожалование в Ланкашире, сохранилась в архиве Йорка, но содержит следы позднейшей интерполяции; см. подробный комментарий о ней: Woodman 2015. P. 41–44.

¹¹¹ Полный список из 38 предполагаемых экземпляров см.: Snook 2015a. P. 61, но бесспорными остаются 33 грамоты. S 405 (930 г.), видимо, ненадежна в дошедшей фор-

Во-вторых, лишь 7 из них сделаны в пользу церквей и монастырей и ещё 6 – в пользу отдельных церковных лиц, остальные же оформляли светские бокленды. Сам по себе светский патронат не должен нас удивлять: из 10 подлинных грамот Альфреда 6 – светские, из 16 грамот Эдуарда светских 7. Однако меняется состав одариваемых мирян: Альфред жалует бокленд двум *ministri*, Эдуард – только одному, но Этельстан – по меньшей мере 14¹¹². Хотя в литературных переложениях и адаптациях иногда встречаются и иные лексические эквиваленты в обоих направлениях перевода¹¹³, из двуязычных текстов мы можем заключить частое соответствие латинского *minister* древнеанглийскому *þegn* (Loyn 1955), в русской традиции *тэн* (реже – *мен*). В случае с грамотами оно дополнительно подтверждается приписками на оборотных сторонах грамот в пользу *ministri*, в которых получатель часто называется именно *þegn* (примеры: Gallagher, Wiles 2021. P. 258, 261). Не вдаваясь в вопрос, являющийся предметом нашего пристального интереса (Sukhino-Khomenko 2018; 2021; Сухино-Хоменко 2022а. С. 195–202), социальную категорию (или категории?) какого типа на протяжении одного только рассматриваемого периода следует видеть в тэнах в принципе, ограничимся лишь общей констатацией, что королевские тэны-*ministri* являются второй по частоте после церкви категорией получателей боклендов в X–XI вв. (Сухино-Хоменко 2016. С. 279). На их долю приходится примерно треть всех пожалований этого времени. Если отталкиваться от сохранившихся грамот, именно в правление Этельстана королевские тэны-землевладельцы впервые массово выходят на историческую арену, хотя присутствие *ministri* в списках свидетелей фиксируется уже в первой трети VIII в.¹¹⁴, а среди получателей – со второй половины VIII в.¹¹⁵. Этот факт также, по-видимому, нашёл отражение в законодательстве времён Этельстана: королевский тэн (*cyninges þegn*) встречается ещё в законах Инэ (Ine 45) и Уитреда (Wi 20) в конце VII в., а

ме. S 1604 (931 г.) в дошедшем виде не полна, но, вероятно, содержит достоверный материал. S 458 (924×939 гг.) также не полна, но, возможно, подлинная. S 379 (933 г.?) приписана Эдуарду (см. примеч. 104). S 407 (930 вместо 934 г.) была позднее изменена. Остаются сомнения в подлинности S 455 (934×939 гг.).

¹¹² Считая грамоты вероятной подлинности, см. примеч. 77.

¹¹³ Подробное исследование титулатуры в грамотах, включая и *ministri*, см.: Thacker 1981. Оно стало в известном смысле развитием аналогичной методики Г. Чэдвика (Chadwick 1905 [2010]. P. 317–327).

¹¹⁴ S 102 (716×717 гг.) может быть подлинной, S 101 (727×736 гг.) расценивается комментаторами как в целом подлинная.

¹¹⁵ S 99 (743 вместо 737×740 гг.) содержит интерполяции в дошедшем виде, поэтому первым, по-видимому, бесспорным появлением *minister*-землевладельца стоит признать S 1182 (762 г.).

затем в договоре Альфреда с викингским вождём Гутрумом в 880-е гг. (AGu 3), но только постановления т. н. «мирной гильдии» Лондона конца 930-х гг.¹¹⁶ впервые сообщают, что королевский тэн может обладать землёй (VI As 11)¹¹⁷. Землевладение тэнов в дальнейшем всплывает на рубеже 950–960-х гг. в законах Эдгара (II Eg 1:1 и IV Eg 13), и именно здесь в первый раз тэны и бокленды идут «через запятую», причём формулировка допускает прочтение, при котором автор полагал наличие бокленда у тэна чем-то само собою разумеющимся (II Eg 2)¹¹⁸. В начале – первой половине XI в. неизвестный автор частной компиляции *Rectitudines singularum personarum* («Права и обязанности отдельных лиц») полагал, что «закон тэна» обязывал индивида «быть достойным права грамоты [= держать землю]»¹¹⁹. Очевидно, что такая эволюция упоминаний в законодательных памятниках (*возможность* владения землёй » *естественность* владения землёй » *обязательность* владения землёй тэном) проходила рука об руку с широкой раздачей королями боклендов своим *ministri* на протяжении нескольких поколений, отлично прослеживаемой в грамотах и начавшейся при Этельстане. Значение группы *ministri* также нашло своё отражение в их количестве и постоянстве присутствия в списках свидетелей, начиная с 930-х гг. (Keynes 1998 [2002]. Табл. XXXIX, XLIII, LXVI, LI, LVII–LXIV, LXX, LXXV)¹²⁰.

¹¹⁶ В имеющемся виде текст представляет композит из восьми первоначальных глав, видимо, представленных на утверждение королю, и четырёх глав-дополнений, включая интересующий нас одиннадцатый параграф, представляющий собой королевское предписание его «чиновникам» (Keynes 1990. P. 235–237, 240–241; Roach 2013b. P. 474–477).

¹¹⁷ *7 be healfum þara ælc minra þegna, þe gelandod sy 7 þa steore swa healdan nelle, swa ic beboden habbe* («...и половину от этого [60 шиллингов] [заплатит] каждый мой тэн, который будет владеть землёй и не хочет руководить, как я приказал»).

¹¹⁸ *Gif hwa þonne þegna sy þe on his boclande circan hæbbe þe legerstow on sy, gesylle þone briddan dæl his agenra teodunga into his circan* («Если же будет кто из тэнов, кто на своём бокленде имеет церковь и при ней кладбище, пусть третью часть своей собственной десятины отдаст в свою церковь»). Судя по всему, законодатель делает упор не на владении боклендом как таковым, а именно на наличии в его границах церкви.

¹¹⁹ *Degenlagu is, þæt he sy his bocrihtes wyrðe...* (Rect 1). Следует, однако, оговориться, что статус и авторство этого источника – предмет дискуссий, в частности, не исключено влияние архиепископа Вульфстана (занимал разные церковные посты в 996–1023 гг.), идеолога «правильного общества», в котором тэны занимают своё надлежащее место (Sukhino–Khomenko 2021. P. 255–257). В данном случае мы цитируем этот текст не столько как имевший обязательную силу закона для тэна, сколько как отражение представлений (части) образованной элиты о положении тэна.

¹²⁰ Отталкиваясь от работ Г. Чэдвика (Chadwick 1905 [2010]. P. 311–315), ценное исследование роли *ministri* в уитенагемотах (следовательно, в высших эшелонах политической власти) по спискам свидетелей и получателей в грамотах IX в. в первом приближении провела К. Ф. Савело (1969). К сожалению, в силу использования авто-

Помимо количественного роста грамоты Этельстана примечательны своеобразным литературным стилем. По меньшей мере 19 в той или иной степени подлинных грамот 928–935 гг. являются плодом творчества одного лица, получившего в науке обозначение ‘Æthelstan A’¹²¹. Мы можем быть в высокой степени уверены, что перед нами именно один человек, а не команда или какая-то устойчивая традиция: использованные формулы допускают лексико-синтаксическую вариативность при одновременном сохранении одного и того же общего смысла (Snook 2015a. P. 90–98), а два оригинала на отдельных листах¹²² написаны одной рукой (Keynes 2013. P. 77, 169). ‘Æthelstan A’, несомненно, был очень даровитыми латинистом, вероятно, с мерсийским бэкграундом. Его язык невероятно богат и сложен, насыщен вычурными словами, синтаксическим перестановкам, плеоназмами и гиперболами, а главные предложения часто разрываются придаточными. Его центральным (но отнюдь не единственным) чтением и источником вдохновения, подражания и заимствования был, как и в мерсийских грамотах IX в., Альдхельм. Грамоты ‘Æthelstan A’ в своих преамбулах, диспозитивной части и санкциях в полтора–два раза длиннее обычных документов, так что их средняя длина приближается к 280 словам (не считая списка свидетелей, описания границ и даты), около 15 из которых обычно аллитерируются (Snook 2015a. P. 140). Около полутора сотен слов из словаря ‘Æthelstan A’ вошли затем в дипломатическую традицию (Snook 2015a. P. 98), прежде отличавшуюся сравнительными формульной простотой и стабильностью словарного запаса. Любимая тема автора, выражаемая при помощи разного рода «стилистической пиротехники», как её назвал С. Смит, – тема бренности всего земного и, напротив, вечности небесного (Smith 2012. P. 38–46). Помимо сказанного эти 19 грамот также выделяются точными указаниями на дату и место, где было произведено пожалование, что позволяет детально реконструировать королевский маршрут на протяжении нескольких лет (Keynes 2013. P. 35–36). Деятельность этого выдающегося *homme de lettres*, возможно, следует рассматривать в контексте политических успехов Этельстана: после подчинения Нор-

---

ром грамот всех градаций подлинности без какого-либо их различия, количественные выводы статьи сегодня требуют перепроверки, и подобная же ревизия, скорее всего, необходима для цифр, приведённых Чэдвиком.

¹²¹ S 399 (928 г.), 400 (928 г.), 403 (930 г.), 405 (930 г.), 412 (931 г.), 413 (931 г.), 416, 417 (932 г.), 418 (932 г.), 419 (932 г.), 379 (933 г.), 422 (933 г.), 423 (933 г.), 407 (934 г.), 425 (934 г.), 426 (934 г.), 434 (935 г.), 435 (935 г.), 458 (935 г.?) (Keynes 1998 [2002]. Табл. XXVII; Woodman 2013. P. 247–248; Snook 2015a. P. 87–90). S 1604 – также продукт ‘Æthelstan A’, но в дошедшем виде не полна. Возможные версии идентификации ‘Æthelstan A’ см. с. 66.

¹²² S 416 (разобрана и частично переведена: Scott 2012. P. 40; подробный языковой комментарий см. также: Woodman 2013. P. 230–236) и S 425 (934 г.).

тумбрии в 927 г. он мог стремиться закрепить не только своё политическое господство, что отразилось в беспрецедентно пространных списках свидетелей, впервые включивших валлийских и шотландских князей (Keynes 1998 [2002]. Табл. XXXVI; Molyneaux 2015. P. 57), но и культурную гегемонию во всей Британии (Keynes 2013. P. 54; Woodman 2013. P. 219 ff.).

Стиль 'Æthelstan A' уникален, и после его отхода от дел появление в канцелярии 'Æthelstan B' и 'Æthelstan C' (в 938 и 939 гг. соответственно) знаменует начало новой дипломатической серии «стандартных» грамот. В отличие от литературно-идеологических шедевров 'Æthelstan A', эти грамоты пишутся более простым языком, отдельные предпочитаемые идиоматические обороты и формульные приёмы в котором позволяют реконструировать смену авторов. Само определение «стандартности» этих грамот имеет смысл только при сравнении их с другими ограниченными параллельными сериями, появляющимися с 940-х гг. В отличие от канцелярии 928–935 гг., представленной одиночкой-уникумом, над документами этого времени работают группы, что и порождает стилистическое разнообразие.

В 940–956 гг.¹²³ спорадически появляются т. н. аллитерационные грамоты¹²⁴, из которых критики признают подлинными 16 экземпляров¹²⁵, но, увы, ни один не дошёл на отдельном листе. Эту серию в 1893 г. выделил ещё У. Бёрч. Р. Дрёгерайт в 1952 г. объявил их поддельными, однако вскоре Д. Уайтлок подтвердила их подлинность в первом томе первого издания EHD (Keynes 2013. P. 92, n. 257). По тем же причинам, что и в случае с 'Æthelstan A', можно полагать, что аллитерационные грамоты составлял один человек: формулы в S 548 и 544 (обе 949 г.) близки и передают схожий смысл, но при этом демонстрируют вариативность, говорящую о творческом подходе. Как и 'Æthelstan A', их автор пользовался перестановкой и имел склонность к грецизмам, а также, видимо, изобрёл несколько неологизмов. Он был знаком с альдхельмовским стилем, но перефразировал его лично лишь однажды в S 473 (940 г.) (Snook 2015a. P. 140–142). Аллитерация – не единственный отличительный признак этой группы. Границы поместий либо вообще не указываются, либо помещаются в нетипичном месте – после списка

---

¹²³ К ним также относится S 1290 (957 г.), но она не является королевским пожалованием.

¹²⁴ В среднем из 180 латинских слов в каждой грамоте аллитерируют обычно 25, откуда и название, хотя аллитерация – не единственная объединяющая их черта.

¹²⁵ S 472 (940 г.), 473 (940 г.), 479 (942 г.), 484/1606 (942 г.), 520 (946 г.), 544 (949 г.), 548 (949 г.), 549 (949 г.), 550 (949 г.), 552a (950 г.), 556 (951 г.), 557 (951 г.), 566 (955 г.), 569 (955 г.), 572 (954×955 гг.) и 633 (956 г.) (Snook 2015a. P. 140; Keynes 1998 [2002]. Tabl. XXVIII).

свидетелей. Последний пишется не столбцами, а в строчку, что также необычно; английской орфографией и сочетанием с восклицательными конструкциями (*evax, o felix*) выделяется подпись королевы Эадгивы. Отдельные элементы, в «стандартных» грамотах встречающиеся до списка свидетелей, в аллитерационных могут идти после.

В историографии высказывалось обоснованное мнение, что составителем шаблона аллитерационных грамот был вустерский епископ Коэнвальд (занимал пост в 929–958 гг.). Напротив, С. Харт (вероятно, ошибочно) связывал их с гластонеберийским аббатом Дунстаном (ок. 909–988) и потому обозначал всю группу ‘Dunstan A’ (сегодня название не используется) по примеру второй нестандартной серии 951–975/986 гг., впервые выделенной им в 1975 г. и верно атрибутированной как вдохновлённой Дунстаном, откуда и принятое обозначение ‘Dunstan B’ (Keynes 2013. P. 92, n. 258). Из известных 32 образцов 22, вероятно, подлинны¹²⁶, и ещё три содержат зачатки этого стиля¹²⁷. По сравнению с аллитерационными и «стандартными», грамоты ‘Dunstan B’ ещё более упрощаются, опуская преамбулу и начиная текст с датировки, используя постоянные наборы похожих форм для введения описания границ и списков свидетелей, в которых формула *consensi et subscripsi* («согласился и подписал») применяется без исключений. Синтаксическая перестановка Дунстаном и его штатом не используется, переключки с Альдхельмом отсутствуют, хотя тут и там встречаются грецизмы и поэтизмы (Snook 2015a. P. 143–146).

«Стандартные» грамоты этого времени пишутся под руководством ещё одного прелата, Оды (епископ Рамсбери в 927–941 гг., архиепископ Кентербери в 941–958 гг.). Несмотря на вовлечение этих трёх высокопоставленных клириков в процесс написания королевских актов, не стоит предполагать его децентрализацию. Напротив, культурологический анализ Б. Снука показывает, что движение было обратным: Коэнвальд, Дунстан и Ода становились ответственными за ведение королевской документации именно в силу их близости к особе правителя и роли в государственном управлении (Snook 2015a. P. 138, 157–158, 187, 191). Более того, выбор, кому из «канцлеров» поручить оформление пожалования, также зависел и от географии: все имения из грамот ‘Dunstan B’, выпущенные при короле Эадреде (прав. 946–955), лежали на юге и западе, а все имения из аллитерационной серии лежали к северу от

¹²⁶ S 555 (951 г.), 560 (953 г.), 561 (953 г.), 562 (953 г.), 563 (955 г.), 564 (955 г.), 568 (955 г.), 570 (953×955 гг.), 676 (958 г.), 676a (958 г.), 678 (958 г.), 726 (964 г.), 735 (965 г.), 743 (966 г.), 750 (967 г.), 785 (972 г.), 790 (973 г.), 791 (973 г.), 794a (974 г.), 802 (975 г.), 803 (975 г.), 862 (986 г.) (Keynes 1998 [2002]. Tabl. XXIX).

¹²⁷ S 513 (944×946 гг.), 509 (946 г.), 546 (949 г.).

Темзы (за исключением двух пожалований в Уилтшире) и сохранялись не в традиционных уэссекских архивах (Snook 2015a. P. 135, 137). Видимо, по этим же причинам позднее появляются короткие серии юго-западных¹²⁸ и западномерсийских¹²⁹ грамот: эти серии объединяются расположением дарений¹³⁰ и указанием на королевское распоряжение¹³¹ составить их (Keynes 2013. P. 60; 97). Одновременно с ними во второй половине столетия существует и локальная традиция в девон-корнуоллском диоцезе¹³² (Insley 1998), также вобравшая в корнуоллской части какие-то кельтские нормы (Insley 2021). Эти грамоты, видимо, писались в епископском скриптории Кредитона, сохранились за одним исключением в архиве Эксетера и жаловали владения в Девоншире и Корнуолле.

В короткое правление Эдви (прав. 955–959) все нестандартные серии прерываются¹³³, и, как уже говорилось, в 956 г. количество грамот выходит на свой годовой максимум: С. Кейнз полагает 48 грамот этого года с высокой вероятностью подлинными (см. примеч. 50). Как и в случае с провалом на графике в 910–924 гг., подобный пик едва ли полностью случаен, тем более что ему не предшествует постепенный рост, и в следующие года происходит откат к прежним числам (Keynes 1998 [2002]. Tabl. XXVI). Учитывая, что, как и при Этельстане, церковные пожалования в этой массе составляют меньшинство¹³⁴, а тэны (как группа) предстают самыми частыми бенефициарами, можно думать, что такое распределение отражает какую-то целенаправленную политику. В источниках, связанных с монастырской реформой и враждебно настроенных к Эдви, он и его приближённые показаны эксплуатирующими церковные земли в наступившую эпоху беззакония¹³⁵. Райан Лавелл, положив эти пожалования на карту, показал, что заметная их часть лежала к северу от Темзы на территории, в

¹²⁸ S 684 (960 г.), 697 (960 г.), 721 (963 г.) и 736 (965 г.).

¹²⁹ S 667 (958 г.), 677 (958 г.), 723 (963 г.) и 712a (963 г.).

¹³⁰ Корнуолл, Сомерсет, Девоншир, Дорсетшир и Чешир, Херефордшир, Шропшир и Дербишир соответственно.

¹³¹ *Scribere jussi* («повелел написать»). В случае S 684 – епископское.

¹³² Выделен из шерборнской епархии в 909 г., разделён в правление Этельстана на собственно девонский и корнуоллский, затем снова объединён в 1050 г. с новой кафедрой в Эксетере (Insley 1998. P. 175–177).

¹³³ Исключение – аллитерационная S 633.

¹³⁴ S 610, 614, 615, 629, 633, 663. В наших оценках мы позволили себе несколько разойтись с С. Кейнзом и исключили грамоты, «в целом достоверные», «недостоверные в дошедшем виде, но основанные на более раннем материале» и т. п.

¹³⁵ Классическим исследованием как самого правления Эдви, так и политики памяти в его отношении остаётся: Jayakumar 2008. См. также ссылки в работах: Lavelle 2011. P. 24, n. 4; Molyneux 2015. P. 33, n. 87.

957 г. признавшей независимым королём Эдгара, брата Эдви. Любопытно, что, хотя последняя воля их дяди Эадреда, S 1515 (между 951 и 955 гг.), кажется, не очень исполнялась (VACS IX. P. 78–80), завещанные покойным королём в историческом Уэссексе 12 имений¹³⁶ не были переданы Эдви. Между тем можно быть уверенными, что широкой рукой раздаваемые владения не возникли на пустом месте. Так, в своём пожаловании кафедральному приорату Кентербери бабушка короля, Эадгиву, указывает, что после смерти Эадреда некие Леофстан и Леофрик выдвинули притязания на два её кентских имения, заявив юному Эдви, «что они [больше] прав имели на них, чем она»¹³⁷, и король удовлетворил их¹³⁸. Некоторые бокленды фигурируют в прежних пожалованиях. Отстранение Коэнвальда, Оды и Дунстана и других сторонников Эадреда вместе с такой беспрецедентной щедростью заставляют полагать, что Эдви не стремился к преемственности и пытался заручиться поддержкой преданных лично ему семей, причём, судя по большому количеству получателей и не самому крупному размеру среднего и медианного пожалования, ставка была сделана на массовость (Lavelle 2011). После внезапной смерти Эдви его «партия» была потеснена сторонниками нового государя, кто-то из прежних владельцев получил свои земли назад, как свидетельствуют S 673 и 1211 (Molyneux 2015. P. 75). Вульфрик *Cufing*, один из сторонников Эдви, получил от него четыре имения в Беркшире и Гэмпшире и ещё шесть в Гэмпшире – от Эдмунда и Эадреда. Все они после смены монарха были конфискованы и возвращены владельцу (с добавлением ещё семи в Сассексе, Беркшире и Гэмпшире) в 960 г. только после уплаты отступного (S 687).

В шестнадцатилетнее единоличное царствование Эдгара (а также в два предшествующих года его правления в Мерсии) производство жалованных грамот достигло невероятного размаха: «Электронный Сойер» приписывает королю 164 акта, из них 102 Б. Снук полагает подлинными (Snook 2015a. P. 160), С. Кейнз говорит о «почти всех, изданных им в качестве короля мерсийцев [9 экземпляров. – *Авт.*], и примерно 100 из изданных в качестве короля англичан» как о «достаточно достоверных» (Keynes 2008a. P. 62; 2013. P. 58–59). Дипломатическая традиция становится особенно разнообразной, параллельно допуская сосуществование

¹³⁶ Почти все в пользу трёх винчестерских обителей: Олд-Минстера, Нью-Минстера и Наннаминстера.

¹³⁷ *...þæt hy rihtur hiora [= twa forespecenan land æt Culingon 7 æt Osterlande] wæren þonne hire [= Eadgife]* (S 1211, ок. 959 г.).

¹³⁸ При этом имение Эадгиву в Бэсинге (Гэмпшир), завещанное ей Эадредом, не было отнято – оно, согласно нашему поиску, вообще более нигде не всплывает в грамотах, кроме S 505 (945 г.).

сразу нескольких канцелярских «ведомств». Большая часть грамот по-прежнему пишется в рамках «стандарта»; в 958–965 гг. работают юго-западные и западномерсийские писцы; в юго-западной епархии продолжается собственная локальная практика; Эдгар возвращает Дунстана, и до 975 г. его секретариат произведёт 13 грамот, не все из которых, что удивительно, подписаны королём. Самый любопытный канцелярист этого времени проходит под условным обозначением ‘Edgar A’ и оставил пять автографов¹³⁹. Латынь ‘Edgar A’ грамотная, но не переусложнённая, хотя там и здесь проскальзывают грецизмы (Snook 2015a. P. 171–175). Поскольку эта серия в большом количестве отложилась в Абингдоне (7 экземпляров), ещё Р. Дрёгерайт не исключал, что этой личностью мог быть аббат данного монастыря, Этельвольд, и в последние десятилетия шла дискуссия между сторонниками данной идентификации и С. Кейнзом, видящим в ‘Edgar A’ королевского писца, взятого на службу в мерсийский период правления Эдгара (Keynes 2013. P. 59). Очевидно, что перед нами один человек, но, в отличие от ‘Æthelstan A’ и аллитерационных грамот, ‘Edgar A’ гораздо более склонялся к единообразию, стараясь не менять формулировок: на его 19 подлинных грамот приходится девять преамбул и только одна санкция (исключение – S 687), вариативность лексики и упрощение которой были допущены только в S 703. Подобная унификация заставляет подозревать за грамотами ‘Edgar A’ какой-то единый образец. После 963 г. этот автор пропадает (если он действительно был Этельвольдом, причина могла быть в его назначении на епископскую кафедру Винчестера в этом году), но затем отдельные элементы всплывают в грамотах после 966 г. Можно полагать, что либо ‘Edgar A’ был членом какой-то команды, продолжившей работу после ухода его самого, либо он обучил каких-то писцов по своему примеру, либо же он и его секретариат просто передали новому поколению использовавшиеся ими образцы грамот (Keynes 2013. P. 60; Snook 2015a. P. 171).

Внимания заслуживает и соотношение категорий бенефициаров Эдгара: исключая грамоты, в отношении подлинности которых в до-

---

¹³⁹ S 683 (960 г.), 687 (960 г.; сохранилась на отдельном листе), 690 (961 г.; сохранилась на отдельном листе), 696 (961 г.), 698 (961 г.), 700 (962 г.), 703 (962 г.; сохранилась на отдельном листе), 706 (962 г.; сохранилась на отдельном листе), 708 (963 г.), 709 (963 г.), 710 (963 г.), 711 (963 г.), 714 (963 г.), 716 (963 г.), 717 (963 г.; сохранилась на отдельном листе), 718 (963 г.), 719 (963 г.), 720 (963 г.), 722 (963 г.) (Keynes 1998 [2002]. Табл. LII, LIV–LVIIa). Не исключено, что уже S 680 и 681 (обе 959 г.) могли быть написаны или, по крайней мере, использовались им (второе вероятнее).

шедшем виде может оставаться хотя бы малейшая неуверенность¹⁴⁰, на тэнов приходится примерно 41%, а на церковь – чуть менее 21%, но при этом 20 беспорных церковных пожалований соседствуют с 34 в той или иной степени сомнительными и 15 определённо подложными (для тэнов цифры составляют всего 4 и 1 соответственно). Несомненно, такая статистика связана с репутацией Эдгара как покровителя церкви и сторонника «бенедиктинского возрождения», но она также проливает свет и на практику выдвижения владельческих притязаний церковью. Если мы не имеем дело с абберациями в корпусе, то подобные соотношения говорят о предпочтении приписывать королям прямые пожалования вместо попыток «спрятать концы» в некогда светском пожаловании, якобы позже завещанном церкви. Следует, видимо, думать, что в случае тяжбы претензии на непосредственный монарший патронат имели больше шансов на успех. С идеологической точки зрения такой вариант тоже был престижнее. Отметим, что именно церковь выступает самым распространённым бенефициаром в подложных грамотах почти всех англо-саксонских правителей этого времени.

Грамоты в турбулентную эпоху рубежа тысячелетий. Акты Эдуарда Мученика (прав. 975–978) и начала правления Этельреда Нерешительного демонстрируют очевидную дипломатическую преемственность с грамотами Эдгара. Грамоты Этельреда среди прочего повторяют более раннюю формулу освобождения пожалования от повинностей и модель датировки (опущенный индикт, обозначение грамоты словом *carta*, а не *cartula*). В S 844 (983 г.) впервые появляется новый стиль подписи короля и обоих архиепископов, который затем до 990 г. повторяется в 11 грамотах целиком¹⁴¹ и в 6 грамотах частично¹⁴². Остальные элементы явственно взяты из уже устоявшейся традиции. По оценке С. Кейнза, 70% всех грамот 978–990 гг. произведено одним и тем же «ведомством». Некоторые новации (возможно, независимо) синхронны усилению влияния при дворе в 984 г. некой светской партии за счёт интересов церкви (после смерти Этельвольда в 983 г. и удаления от двора королевы-матери, о котором можно судить по отсутствию её в списках свидетелей грамот). Перемены отражаются, во-первых, в распределении пожалований по категориям бенефициаров (12 грамот в пользу

---

¹⁴⁰ Как и в случае с пожалованиями Эдви (ср. примеч. 134), мы исходим из намеренно консервативной оценки, так что беспорными в нашей подборке оказались 96 грамот.

¹⁴¹ S 851 (983 г.), 853 (984 г.), 855 (984 г.), 856 (985 г.), 858 (985 г.), 860 (985 г.), 863 (987 г.), 864 (987 г.), 866 (987 г.), 874 (990 г.).

¹⁴² S 848 (983 г.), 859 (985 г.), 861 (986 г.), 867 (987 г.), 868 (988 г.), 872 (988 г.).

тэнов¹⁴³, 5 в пользу прочих мирян¹⁴⁴ и только 4 в пользу церкви и отдельных прелатов¹⁴⁵)¹⁴⁶, во-вторых, в доминировании группы из пяти конкретных *ministri* в списках свидетелей (четверо являются также и бенефициарами в это время). Кроме того, ряд источников указывает на акты агрессии Этельреда по отношению к церкви, включая отъём её земельного имущества. Вероятно, снова имел место какой-то передел боклендов: помимо прочего, в двух случаях мы можем проследить сначала пожалование Этельредом земель мирянам, но в дальнейшем – возврат этих имений церквям Винчестера и Рочестера (Keynes 1980 [2005]. P. 176–186)¹⁴⁷.

Грамот 991–992 гг. не сохранилось, но с 993 г. возвращается королева-мать; Эльфгар, один из прежней постоянной пятёрки *ministri*, вероятно, впал в опалу и был ослеплён; остальные, видимо, покинули двор по естественным причинам, а их место до 1006 г. занимают две новые партии (Keynes 1980 [2005]. P. 186–193). Отныне и до конца правления Этельреда церковь опять выходит на первое место среди получателей, а грамоты снова становятся литературно-идеологической площадкой, как во времена Этельстана, но для совершенно иного содержания (Keynes 1980 [2005]. P. 95–98). 22 грамоты с 993 г. перед собственно диспозитивной частью обстоятельно излагают события, предшествовавшие пожалованию, в т. ч., зачастую, историю самого поместья. В них можно дополнительно выделить две подсерии: описания преступлений прежнего владельца, приведших к конфискации, и раскаяния Этельреда в его прегрешениях против церкви в юности¹⁴⁸, которые подаются как

¹⁴³ S 852 (984 г.), 855 (984 г.), 856 (985 г.), 858 (985 г.), 861 (986 г.), 862 (986 г.), 863, 864 (987 г.), 870 (988 г.), 871 (988 г.), 872 (988 г.), 874 (990 г.); к ним можно добавить S 868 (988 г.; высказывалось мнение о подложности) и S 875 (вызывает сомнения).

¹⁴⁴ S 857 (985 г.), 859 (985 г.), 860 (985 г.), 865 (987 г.), 867 (987 г.).

¹⁴⁵ S 850 (984 г.), 866 (987 г.), 869 (988 г.), 871 (988 г.). К ним стоит, вероятно, добавить S 942 (990 г.), хотя её аутентичность под вопросом.

¹⁴⁶ Для сравнения, в 979–983 гг. распределение выглядит иначе: 4 грамоты в пользу тэнов (а также одна спорная), 4 грамоты в пользу прочих мирян, 7 грамот в пользу церкви и прелатов (а также одна спорная).

¹⁴⁷ S 861 и 891 (997 г.) и S 864 и 893 (998 г.) соответственно. В первой паре король возвращает имение в 5 гайд в Эббесборне (Уилтшир) в составе двух владений, общей оценкой в 100 гайд, из которых 45 приходятся на Эббесборн. Впрочем, документ ссылается на прежние пожалования королей Эгберта (S 275) и Эадреда (S 540), также якобы дарующие общине 45 гайд в Эббесборне, но, очевидно, поддельные. Во втором случае, напротив, король возвращает 6 сулунгов, отняв в своё время 10, но добавляет к ним свиной выпас.

¹⁴⁸ Конфискации: S 883 (995 г.), 886 (995 г.), 877 (996 г.), 926 (1012 г.), 927 (1012 г.), 934 (1015 г.) – см. также примеч. 206; раскаяния в грехах юности: S 876 (993 г.), 885 (995 г.), 891, 893 (998 г.), 937 (ок. 999 г.) – к ним примыкает S 838, но она датирована 981 г. и по-

причины текущих бед королевства (возобновление набегов викингов, мор среди скота в 986 г.).

Объяснения дискурса покаяния во второй подсерии могут быть разными. Л. Роуч, например, видит в нём буквальное отражение переживаний и мыслей самого короля: «Мы слышим, таким образом, “голос Этельреда”, но, вероятно, на некотором удалении, переданный через его составителя грамот» (Roach 2013c. P. 272). Историк приводит ряд доводов (перечисление проступков от первого лица, пагубной роли конкретных магнатов, личных отношений с советниками, страха небесной кары и т. п.) и аналогичные предположения о едва ли не непосредственном монаршем авторстве некоторых континентальных грамот. На наш взгляд, предложенная аргументация говорит скорее об идейном климате X–XI вв. в Европе и в т. ч. на Британских островах. Едва ли, разумеется, составители, писавшие от королевского имени, были полностью вольны в оформлении и содержании своих текстов. Но что рукой канцеляриста водил именно лично раскаивавшийся государь, само по себе следует из подобного персонализированного стиля и возможной образованности Этельреда не более, чем из велеречивого и заумного языка грамот 928–935 гг. следует «странным образом приятная мысль», что «Этельстан и ‘Æthelstan A’ могли за кружкой-другой мёда сесть и вместе тщательно разработать какую-нибудь новую и ужасающую санкцию» для очередного формуляра (Snook 2015a. P. 191)⁴⁹. В отсутствие каких-либо иных современных событиям текстуальных свидетельств о личных настроениях и характере Этельреда мы никогда не сможем точно определить, голос какого из «двух тел короля» мы слышим. С учётом перформативных качеств любого подобного дипломатического акта, а также факта присутствия при дворе в это время процерковной партии и идеолога Вульфстана (см. примеч. 119), кажется более оправданным видеть в этих текстах настроения более широкого круга, тем более что минимум 16 грамот 990–1005 гг. упоминают внимание короля к советам его аристократов⁵⁰. «Коллективный Этельред» обращался к элите, возможно, усомнившейся в прежних образе и «истории успеха» уэссекской династии, коей, как повторял ‘Edgar A’ и его последователи,

---

тому вызывает сомнения; прочие: 882 (994 г.), 884 (995 г.), 889 (996 г.), 899 (1001 г.), 909 (1004 г.), 911 (1005 г.), 912 (1005 г.), 916 (1007 г.), 918 (1008 г.), 920 (1008 г.), 933 (1014 г.).

⁴⁹ Ср. также: «Вероятно, что он [король] задавал общее направление писцам, составлявшим их [личные пассажи], но трудно представить, как король из раза в раз на протяжении многих лет вмешивался в составление сложных юридических документов его письмоводителями» (Stenton 1955. P. 81).

⁵⁰ S 876, 880, 881 (994 г.), 891, 893, 894 (998 г.), 895 (998 г.), 896 (996 г.), 898 (1001 г.), 899, 909, 911, 913 (1005 г.), 937, 942, 944 (990×992 гг.).

всевышний вручил власть «над всем Альбионом»¹⁵¹. Антицерковное поведение юного Этельреда могло восприниматься как подрыв этой богоизбранности, так что «покаянные грамоты» могли быть попыткой оправдаться (Insley 2001. P. 112–118).

Появление описаний в первой подсерии преступлений светских владельцев, повлекших конфискацию, видимо, также обязано обстоятельствам последних десятилетий, и особенно метаниям самого Этельреда в 980–990-е гг. (Keunes 1980 [2005]. P. 200–202). Как мы видели, с 956 по 993 г. имели место минимум четыре передела «земель по грамоте» и особенная щедрость Эдгара к церкви, что, скорее всего, порождало существование разных грамот на одни и те же земли. Показательно, что, например, в S 876 король предаёт анафеме «новые наследственные грамоты, [которые] коварные захватчики себе изготовили»¹⁵², – похожие аннулирования встречались уже в 980-е (Keunes 2013. P. 103)¹⁵³. Видимо, в этих условиях имело особенный смысл детально прояснить, каким образом жалуемый бокленд попал в королевские руки, чтобы дополнительно подкрепить права бенефициара в случае возможных земельных тяжб, – по этой же причине, можно полагать, некоторые истории поместий описаны по-древнеанглийски¹⁵⁴.

Грамоты последних десятилетий перед Нормандским завоеванием. Грамоты 1016–1066 гг. не формируют какой-то последовательной серии. Их отличают две противоположные по направленности тенденции: снижение общего числа¹⁵⁵ при одновременном повышении разнообразия как сути пожалований, так и обстоятельств их производства. Вторая тенденция начинает проявляться уже во второй половине правления Этельреда. Как и раньше, не все грамоты Этельреда и последую-

¹⁵¹ S 709, 717, 720, 729 (964 г.), 746 (966 г.).

¹⁵² *...perfidi quique novas sibi hereditarias kartas usurpantes ediderunt*. Подобная же отмена прежних грамот, «которые я сам составил в силу юного возраста» (*[schedulas] quas ipse pro juvenili aetate dictavi*) встречается и в восстановлении прав Олд-Минстера на отнятые у него 100 гайд в S 891.

¹⁵³ S 856, 860, 861, 872. Подобный прецедент обнуления силы прежних грамот при производстве новых встречается также в 940-е гг., а первый пример датируется 925 г. (Keunes 2013. P. 63, notes 191–193).

¹⁵⁴ S 886, 877, 911.

¹⁵⁵ «Электронный Сойер» знает 106 экземпляров всех категорий подлинности за 1016–1066 гг., что, например, на 9 экземпляров меньше общего числа грамот Этельреда за 38 лет на троне всех категорий подлинности. Из грамот Кнута (прав. 1016–1035) Ч. Инсли называет подлинными 18, остальные – в той или иной степени содержащими подлинный материал (Insley 2020. P. 7), но к, сожалению, автор не приложил их списка.

щих королей писались исключительно при дворе¹⁵⁶, и с 990-х всё чаще появляются прямые указания на делегирование производства документов тем или иным прелатам (Keуnes 1988. Р. 213–214). Так, грамоты S 931 и 931b (1013 г.), 977 (между 1021 и 1023 гг.) и 983 (между 1016 и 1035 гг.) содержат одну и ту же формулу – о том, что написаны по приказу епископа по королевскому указанию¹⁵⁷, к ним также примыкает древнеанглийская S 1460 (ок. 1010×1023 гг.)¹⁵⁸. Грамота S 880, как сказано в самом тексте, составлена кентерберийским архиепископом Сигериком (занимал кафедру в 990–994 гг.)¹⁵⁹, грамота S 882 – возможно, дорчестерским епископом Эсквигом (занимал кафедру в 975/78–1002 гг.), пожалование S 1034 (1061 г.), согласно фразе сразу перед списком свидетелей, – уэллским епископом Гизо¹⁶⁰, он же приложил руку к S 1042 (1065 г.)¹⁶¹, а мальмсберийский аббат Брихтрик – к S 1038 (1065 г.)¹⁶², хотя статус двух последних не бесспорен (Keуnes 1988. Р. 203–204; 2013. Р. 131–132). Похожая фраза встречается также и в S 876¹⁶³. Любопытна S 917 (1007 г.), сообща-

¹⁵⁶ Например, в 980-е отдельную ограниченную группу, по-видимому, составили грамоты из архива Нью-Минстера: S 842 (982 г.), 845 (983 г.), 865 (987 г.), 869 (988 г.) (Keуnes 1980 [2005]. Р. 84–92). О других сериях см. 101–102. Ещё одна небольшая локальная серия – S 1003 (1044 г.), 1004 (1044 г.), 1005 (1044 г.) и 1019 (1049 г.), – судя по некоторым странностям, могла быть произведена на месте на юго-западе. К ним примыкает S 979 (1023×1032 гг.), также вероятный продукт местного производства (Keуnes 2013. Р. 126, 129).

¹⁵⁷ *Ego N episcopus hanc cartulam dictans rege suisque precipientibus perscribere jussi* («Я, епископ N, составив эту грамоту по велению короля и его людей, распорядился написать [её]»). Эта формула встречается ещё в S 730 (964 г.), 755 (967 г.) (Keуnes 2013. Р. 97–98).

¹⁵⁸ «...тогда король повелел архиепископу Вульфстану составить об этом [покупке земли епископом Этельстаном у некоего Леофрика из Блэкуэлла] грамоту» (*7 se syng het þone arcebisceop Wulfstan þærto þoc settan*), увы, не сохранившуюся.

¹⁵⁹ *...scripta est hec cartula ab venerabili archiepiscopo Sigerico* («...эта грамота написана почтенным архиепископом Сигериком»).

¹⁶⁰ *Ego Giso dei gratia episcopus hanc cartam dictavi* («Я, Гизо, Божьей милостью епископ, составил эту грамоту»).

¹⁶¹ *Scripta est haec karta ab eodem Gisone episcopo jussu meo* («Эта грамота написана по моему распоряжению тем же епископом Гизо»).

¹⁶² *Ego Brihtricus abbas supranominati cenobii, lectis et diligenter perscrutatis ecclesie nostre cartis, hanc schedulam dictavi et propria manu conscripsi et cum titulo venerande crucis confirmavi, coadunavi, conclusi* («Я, аббат вышеупомянутого монастыря Брихтрик, прочитав и тщательно изучив грамоты нашей церкви, составил эту грамоту и собственной рукой подписал и знаком почитаемого креста подтвердил, соединил и заключил»).

¹⁶³ *Ego Uulfgar abbas Abbandunensis coenobii hoc syntagma triumphans dictavi* («Я, Вульфгар, аббат аббингдонского монастыря, торжественно составил это сочинение» – возможно, под сочинением-*syntagma* имеется в виду только длинный нарратив об истории возвращаемых поместий, но следует отметить, что строкой выше в тексте утверждается, что «грамота о его восстановленной вольности была написана по сми-

ющая, что её «наговорил» (т. е. составил) и написал (*dictitavi atque perscripsi*) некий монах Винсиге, а поскольку грамота сохранилась в Бёртоне, возможно, он был выходцем из этой общины (Keуnes 1980 [2005]. Р. 124–125; 2013. Р. 112). Пожалование кентерберийскому архиепископу Люфингу-Эльфстану (занимал кафедру в 1013–1020 гг.) S 950 (1018 г.) было написано его писцом Эдви «Толстым» (Keуnes 2013. Р. 128–129). Как подметили Ф. Хармер и П. Шапле, некоторыми указными грамотами король Эдуард Исповедник разрешал тем или иным прелатам составлять грамоты на пожалования в пользу их общин¹⁶⁴, поэтому можно полагать, что и в перечисленных случаях требовалось подобное же позволение (Keуnes 2013. Р. 124–125). Скорее всего, речь идёт не об упадке централизованного производства грамот, а об усложнении дипломатической практики. Как полагает С. Кейнз, подобное делегирование могло быть как особой королевской милостью, так и следствием нестандартности конкретной ситуации (Keуnes 2013. Р. 100–101): в это время содержание грамот становится особенно разнообразным и может включать подтверждение привилегий (S 884, 899, 904 [1002 г.]), внесение изменений в организацию диоцезов (S 880, 1021), восстановление монастырей в имущественных правах (S 876, 885, 891, 893) или подтверждение основания нового монастыря (S 906) (Keуnes 2013. Р. 120–122, 130). Также заметно, что, как и в случае с Эдгаром, Эдуарду Исповеднику приписано немало подделок (по меньшей мере 37 из 66 его грамот), и почти все выдают себя за пожалования церковным общинам и/или их предстоятелям. Несомненно, такое положение дел обусловлено посмертной славой Эдуарда как особенно набожного монарха и его особой легитимирующей ролью в нормандском властном дискурсе.

Жалованные грамоты и землевладение: бокленд и фолкленд

Едва ли преувеличением будет сказать, что понимание юридической сущности пожалования, оформлявшегося грамотой, т. е. бокленда, «одного из самых устрашающих орудий на верстаке англо-саксониста» (Wormald 2001. Р. 265; ср.: Wormald 2014. Р. 212), а также его отличия от фолкленда (д.-а. *folcland*, букв. «народная земля»; Williams 2014), – это один из центральных вопросов при работе с королевскими жалованными грамотам. Для чего создавались эти тексты? Что именно ими передавалось и на каких условиях? Почему возникла и продолжала существовать практика выдачи жалованных грамот? Значение этих вопро-

---

ренной просьбе вышеупомянутого и набожного аббата Вульфгара» [*humillimo rogatu prefati et devoti abbatis Uulfgari scriptum est hujus renovate libertatis privilegium*]).

¹⁶⁴ См. примеч. 45. К этому списку также стоит отнести S 985 (1017×1020 гг.).

сов выходит далеко за рамки источниковедения: они касаются взаимоотношений монарха и церкви, монарха и светских магнатов, функций бокленда как социального маркера и экономического инструмента. Едва ли удивительно, что поиск ответов на эти вопросы начался вместе с зарождением научной англо-саксонской дипломатики и до сих пор продолжается.

Древнеанглийское слово «фолкленд» появляется лишь восемь раз в пяти источниках (один из них поэтический) второй половины IX – начала X в. (DOE, *s.v.* *folcland*). Во второй половине XIX в. доминировала трактовка Кембла, согласно которой в Англии изначально существовало два типа земельного владения: аллод-*ēdel*, т. е. неотчуждаемая семейная земля, и фолкленд, т. е., исходя из этимологии, общинная земля по типу античного *ager publicus*, из которой можно было делать только временные пожалования (*lænland*)¹⁶⁵. Появление христианства породило третью форму, бокленд, т. е. отчуждаемую землю, передаваемую новому владельцу¹⁶⁶ вместе с грамотой.

В 1893 г. выдающийся российско-британский историк Павел Гаврилович Виноградов (1854–1925)¹⁶⁷ бросил вызов этому мнению, указав, что в законах Эдуарда Старшего, одном из главных источников по теме, никакого аллода-*ēdel* нет¹⁶⁸, а есть только фолкленд и бокленд (I Ew 2–2:1). Виноградов постулировал, таким образом, что фолкленд – это и есть появившаяся в ходе миграции англо-саксов в Британию в V–VI вв. семейная земля, права на которую следуют не из королевского пожалования, а из «народного обычая» (*folk law/right*, д.-а. *folcricht*). Бокленд же возник как способ вывести из-под действия этого ограничивающего обычая землю, вкладываемую в душеспасительных целях в церковь, и обеспечить последней постоянное владение (см.: Lavelle 2007. P. 5–6; Ryan 2013. P. 21–24; Гуревич 1967. С. 62–63).

¹⁶⁵ Поскольку транслитерация «лэнленд», насколько нам известно, не прижилась в русскоязычном употреблении, мы будем использовать перевод: «арендное держание» или «временное держание».

¹⁶⁶ Иногда в современной литературе называемому *landhlāford* (букв. «господин земли», совр. англ. *landlord*), хотя в источниках лексема соседствует с другими синонимами (Abels 1988. P. 46; Lambert 2017. P. 313). В историографии высказывалась и критика подобной терминологизации этой лексемы: Baxter 2009. P. 404–406.

¹⁶⁷ Короткий комментарий о нём см.: Niles 2015. P. 352–353.

¹⁶⁸ Хотя д.-а. *ēdel*, бесспорно, на языковом уровне связано, например, с д.-сканд. *óðal* (о нём см. с. 108; вместе они восходят к прагерм. *ōþala-*; Kroonen 2013. P. 395), действительно использовавшимся в источниках в юридическом смысле в законодательных памятниках, *ēdel* имеет скорее общее значение 'отчий дом' и непропорционально часто представлено в поэзии (DOE, *s.v.* *ēpel*). См. также: Fitzgerald 2019. P. 207–214.

Историка права Фредрика Мэтланда бокленд интересовал в первую очередь в рамках разработки темы «англо-саксонского феодализма»¹⁶⁹. Отказываясь от буквального прочтения латинских формул грамот как внешне передающих земли в полноценную собственность¹⁷⁰, Мэтланд трактовал получаемые вместе с грамотой права как «господство» (*superiority*) над землёй и её свободными жителями. Оно, по мысли историка, выражалось в первую очередь в правах на различные службы и натуральные поставки от свободного населения (например, *foster* из законов Инэ [Ine 70:1]¹⁷¹ или *victus* в грамотах), а также доходы от отправления правосудия. Грамота была в первую очередь церковным инструментом и лишь гораздо позднее стала применяться для оформления чисто светского землевладения (см. с. 76–77), которое историки для краткости и называют боклендом. Ему противостоит фолкленд (или аллод в континентальной терминологии), как его описал Виноградов, и при этом одни и те же владения могут быть боклендом для получателя грамоты и фолклендом для работающих на них крестьян (Maitland 1897 [1921]. P. 226–257).

Дж. Джоллифф в работе 1935 г., в развитие тезиса Виноградова, обратил внимание на данные о судебных тяжбах. По мнению Джоллиффа, во-первых, наличие жалованной грамоты делало собственника более защищённым и, во-вторых, разница между фолклендом и боклендом лежала в сфере юрисдикции: судебные тяжбы по фолкленду разбирались местными судами, тогда как по бокленду – только королем (цит. по: Kennedy 1985. P. 176 ff.). Позднее с этим тезисом спорил Алан Кеннеди, показавший, что материалы конца X – XI в. (более ранних просто недостаточно) не дают оснований говорить о подобном разделении юрисдикций – наоборот, имеются случаи рассмотрения дел о бокленде в судах графств, да и вообще трудно говорить о строгом понятии юрисдикции применительно к раннему Средневековью (Kennedy 1985. P. 179–194; ср.: Lambert 2017. P. 304–306). Также, по мнению Кеннеди, *folcrist* – для англо-саксов настолько общее понятие, что даже бокленд в какой-то степени им должен был обниматься; напротив, термин *bōcrist*, который Джоллифф считал парой к *folcrist*, встречается во всем древнеан-

¹⁶⁹ Комментарии о взглядах Мэтланда на проблему феодализма см.: John 1963. P. 16–18; Brown 2010. P. 138–140. О взглядах Мэтланда на англо-саксонское право, частью которого является институт бокленда, и их формирование см.: Wormald 1996; 1998; Сидорова 1994.

¹⁷⁰ Их обзор, связи с континентальными аналогами и критику см.: Lipoi 2000. P. 153–157.

¹⁷¹ К другим схожим указаниям в раннем законодательстве, не упомянутым Мэтландом, можно добавить Af 2 и As Alm 1. См. также: Faith 2014a.

глийском корпусе лишь однажды и обозначает нечто другое: совокупность прав и обязанностей держателя земли в соответствии с конкретной жалованной грамотой (Kennedy 1985. P. 189–190).

Название книги Мэтланда, «Domesday Book and Beyond», ёмко отражало метод автора, на что, видимо, ему заочно пенял, не называя по имени, молодой Арон Яковлевич Гуревич (1924–2006)¹⁷² (Гуревич 1953. С. 52). Тем не менее, формально «разгромив» зарубежного оппонента, как то предписывал жанр и позднесталинская риторика, советский историк явно солидаризировался с некоторыми высказанными «буржуазным» коллегой идеями, например о переходе налога в ренту, о попадании одних и тех же владений одновременно в категории бокленда и фолкленда¹⁷³, о кратности оценки иных поместий в фискальных единицах (гайдах) числу пять и др.¹⁷⁴ В целом Гуревич пришёл к довольно близкой трактовке бокленда как «передачи королём под власть церкви или дружинника населения любой территории страны, на которой королевская власть могла осуществлять свои налоговые и судебные права» (Там же. С. 60). Из этого автор делал далеко идущий вывод в духе советского марксизма тех лет о складывании в Англии феодальных порядков и крупного вотчинного хозяйства, начавшемся якобы ещё в дописьменный период и катализированном превращением государственного налога в частную ренту. Фолкленд и бокленд таким образом оказывались не просто разными типами собственности, но и отражением классового антагонизма. Однако здесь явно брала верх навязанная схема¹⁷⁵, на что, возможно, историк даже намекал своим читателям между строк, например: «Эти факты [присвоение владельцами боклендов об-

---

¹⁷² О Гуревиче как историке и его месте в рядах советских медиевистов см. очерк: Уваров 2015. По авторскому замечанию, «научная составляющая его первого, “англо-саксонского” периода, мне кажется, незаслуженно обойдена вниманием» (Там же. С. 88), что мы хотели бы частично компенсировать.

¹⁷³ Эта мысль также настойчиво повторена и позже: Гуревич 1967. С. 76.

¹⁷⁴ Судя по всему, Мэтланд действительно выступал для Гуревича авторитетом, потому что именно на него он ссылался в полемике с Евгением Алексеевичем Косминским (1886–1959) «при обсуждении предварительного варианта диссертации в секторе Средних веков Института истории АН СССР» (Уваров 2015. С. 89).

¹⁷⁵ Отражавшаяся в несколько вольном обращении с фактами. Например, параграф IV Eg 1:2, в котором описываются санкции по отношению к держателям-должникам, подаётся как королевское постановление, на основе чего следует длинный пассаж о феодальном гнёте. На самом же деле в указанном источнике приводится аллегорическое сравнение небесной кары (мор) с земными наказаниями, а отнюдь не юридическая новелла (см. примеч. 240, а также: Smith 2012. P. 109–122). В заключении статьи автор находит некие несуществующие «народные выступления в Мерсии в 20-е годы IX века» (?) и участие «народных масс в движении 1051–1052 гг., известном под названием “мятежа эрла Годвина”» (Гуревич 1953. С. 72).

щинных угодий. – *Авт.*] не получили адекватного отражения в источниках. Но...» (Там же. С. 65).

Полтора десятилетия спустя Гуревич, к тому моменту уже перешедший в ряды скандинавистов, вернулся к теме фолькланда. В отдельной статье он провёл любопытное сравнение его с норвежским одалем (*óðal*) и постулировал их принципиальную схожесть и типологическое единство с франкским аллодом. Все три, по Гуревичу, представляют переходный тип земельной собственности на пути разложения родоплеменного строя и перехода к феодальному. «Бокленд, – заключает автор, – был привилегированным земельным владением, а фолькланд – непривилегированным, подчиненным народным обычаям»¹⁷⁶, но «с развитием феодального строя изменялась сущность “народного права”, лежавшего в основе права фолькланда, и на первый план выступали уже не права его владельцев, а их обязанности по отношению к государству» (Гуревич 1967. С. 74, 75).

Если отложить «феодалную риторику» как обязательный атрибут советской исторической парадигмы, некоторые сделанные Гуревичем конкретные наблюдения (например, о конвертации бокленда в фолькланд и наоборот) в целом прошли проверку временем, даже если в силу языкового барьера и не цитируются за пределами русскоязычного научного пространства. Однако при ограничениях в доступе к литературе в условиях «железного занавеса» часть посылок статьи, выдержанных в намеренно оппозиционном духе (в первую очередь по отношению к трактовке Виноградова), при знакомстве с более широким историографическим контекстом несколько теряют свою аргументативную силу. Так, к тому моменту уже вышли работы Эрика Джона (1922–2000). В своей первой монографии (John 1960) он опирался на изыскания Эрнста Леви (1881–1968) о «вульгарном позднеримском праве»¹⁷⁷ и в полемической манере настаивал, что отличительная особенность бокленда – это право свободного отчуждения и передачи по наследству. Оно, как неоднократно отмечалось в историографии и до, и после, среди прочего могло требоваться светским лицам, желавшим одарить церковь землёй на помин души, потому что, как неизбежно следовало из сохранившегося корпуса, примерно до середины VIII в. земли по грамоте государями жаловались только церкви или собиравшимся вложить в

---

¹⁷⁶ Это противопоставление, среди прочего, мыслилось Гуревичем также связанным и с разной подсудностью соответствующих дел, как предполагал Дж. Джоллифф.

¹⁷⁷ О работах Леви и их историографическом контексте см.: Liebs 2008. P. 40–51. О «вульгарном римском праве» на испанском примере на русском языке см. обширное вступление к переводу «Вестготской правды» (Вестготская правда 2012. С. 19–31, 82–92, 96–107, 222–242), а также: Ауров 2010.

неё недвижимое имущество мирянам. Тем самым устраняется мнимое противоречие в концепции Виноградова, о котором писал Гуревич, справедливо отмечавший, что «большинство грамот, оформлявших пожалования королями земель в бокленд, было выдано церкви, а не светским лицам», но и столкнувшийся с вопросом о том, «каким образом духовенство могло приобрести эти земли», и оттого видевший проблему в отсутствовавшем «для церкви смысле превращать её владения в свободно отчуждаемую собственность» (Гуревич 1967. С. 63). Позднее в отдельном эссе Э. Джон, исходя из этимологии слова *folc* (одно из значений: 'войско' [DOE, s.v. *folc* 12]; ср. д.-рус. *плкъ*), изложил свой взгляд на фолкленд как условный тип землевладения, который подразумевал возврат земли, пожалованной воину из фискального фонда (например, на правах временного/арендного держания), в королевские руки после смерти бенефициара (John 1966. P. 64–127). По сути, перед нами та же феодальная система в её, если так можно выразиться, немарксистском изводе.

В 1971 г. положения немецкой историографии в эту дискуссию привнесла кёльнский историк Ханна Фольрат-Райхельт (род. 1939), предложившая трактовку фолкленда с чисто континентальной перспективы. В её интерпретации, фолкленд – это фискальная земля (*Fiskalland*)¹⁷⁸, находившаяся во власти короля как предводителя *folc* и населённая его *Königsfreien*¹⁷⁹, обязанными королю поставками и службами, которые и отличали *Königsfreien* от прочего *gens* (цит. по: Brooks 2000. P. 193). Такое объяснение сильно расходилось с толкованием Мэтланда, потому что возлагало повинности и оброки в пользу короля, от которых грамоты и освобождали владения получателей, не на всё свободное население, а только на определённую его часть. Предшественник налогов, таким образом, оказывался ближе к частной ренте. Насколько можно судить по неповсеместности дальнейших ссылок в историогра-

¹⁷⁸ Ср. согласное мнение Э. Джона (John 1966. P. 64–127) и полностью противоположное А. Я. Гуревича, не находившего «в источниках... никаких указаний на существование земель фиска» (Гуревич 1953. С. 57).

¹⁷⁹ Теорию о таких буквально «королевских свободных» в варварских германских королевствах наподобие позднеримских *laeti* или *limitanei* в конце 1940-х – 1950-е гг. выдвинули немецкий историк Генрих Данненбауэр (1897–1961) и его австрийский коллега Теодор Майер (1883–1972). В отличие от свободных по праву рождения (*Urfreie/Vollfreie*), «королевские свободные» пополнялись из рядов несвободных и получивших свободу в обмен на военную службу и уплату подушного и поземельного налогов. Их имущественные права не были правами аллодистов, почему «королевских свободных» можно было передать вместе с землей церкви или феодалу. Подробнее эта концепция и её критика обобщены в: Kristensen 1975. P. 33–37; 1988.

фии, идеи Фолльрат-Райхельт хорошо известны, но не были широко восприняты в англоязычной англо-саксонистике.

Наработки Э. Джона были использованы американцем Ричардом Абельсом (род. 1951), поколебавшим устоявшееся на тот момент едва ли не викторианское представление об англо-саксонской военной системе как «народном ополчении» во главе с «монаршими дружинами». Разрабатывая чисто военную тематику, Абельс, следуя за Стивенсоном (Stevenson 1914), во-первых, проблематизировал появление так называемой «тройной повинности» (*trinoda necessitas*)¹⁸⁰ в грамотах VIII в., явно имеющей параллели с каролингской (а через неё – и с позднеримской; см. примеч. 209, а также ниже) практикой. Впервые её прообраз встречается в записях постановления синода в Гамли, S 92 (749 г.), в которых мерсийский король Этельбальд освободил церковь «от общественных налогов, всех работ и повинностей» (*publica vectigalia, et... omnia opera oneraque*), оставив за ней, однако, обязанность участвовать в «строительстве мостов» (*instructiones pontium*) и «защите крепостей от врагов» (*defensiones arcium contra hostes*), что «указом короля повелевается делать всему народу» (*omnique populo edicto regis facienda jubentur*). Через полвека, в грамоте S 139 (793×796 гг.) мерсийского короля Оффы, к этим двум обязанностям впервые добавилась третья, а именно участие в военных походах (*[res] expeditionalibus causis*)¹⁸¹. Вместе это трио закрепилось, вошло в уэссекскую дипломатическую традицию в середине IX в. и оставалось стандартной практикой на протяжении всего дальнейшего англо-саксонского периода. Аналогичные три повинности со ссылкой на «обычай других народов и древний обычай»¹⁸² были введены в 864 г. в Западнофранкском королевстве Карлом Лысым (прав. 843–877). Кэрл Гиллмор полагает, что эта практика была заимствована из Британии (Gillmor 1997. P. 39–40). Однако некоторое сомнение вызывает её аргумент, что отсылка к заморским порядкам должна каким-то образом снижать значение упомянутого «древнего обычая». Кроме того, Гиллмор, следуя за Стивенсоном (Stevenson 1914. P. 697), удревяет сложив-

¹⁸⁰ Термин до известной степени анахронистичен, поскольку присутствует лишь в одной подложной грамоте S 230 (680 вместо 685 г., написана в X в.) и был введён в научный лексикон Джоном Селденом (1584–1654), однако прижился в современной историографии.

¹⁸¹ В Кенте военная служба в составе «трёх повинностей» фиксируется уже в грамоте Оффы 792 г. (S 134), но не исключено, что указание на «походы внутри Кента против морских язычников» (*expeditio intra Cantiam contra paganos marinos*), т. е. викингов, могло быть решением *ad hoc*.

¹⁸² *...juxta antiquam et aliarum gentium consuetudinem*. Возможно, под последним имеется в виду указ Карла Великого (прав. 768–814), которым тот в 775 г. освободил епископию Меца от военной и гарнизонной служб и строительства мостов.

шуюся английскую *trinoda necessitas*, хотя в цитируемом ими англосаксонском тексте S 59 (770 г.) по-прежнему пока ещё фигурируют только две повинности – строительство мостов и гарнизонная служба¹⁸³. Мецская привилегия (см. примеч. 182), судя по всему, всё же держит хронологическую «пальму первенства» в соединении всех трёх общественных обязанностей. Как бы то ни было, представленные доводы должны дополнительно стимулировать историков обратиться к англо-франкским контактам (см., например: Story 2003).

В изложении Абельса, во-первых, «тройная повинность» стала ответом на предшествующий кризис военной системы, когда, с одной стороны, полное выведение из-под королевской власти церковных земель подрывало ресурсную базу государей, а с другой – миряне-магнаты, изображая из себя якобы аббатов, тоже стремились обзавестись боклендом как привилегированным типом землевладения в противоположность временным держаниям¹⁸⁴. Возложение военных обязанностей на владельцев бокленда решало эти проблемы¹⁸⁵. Во-вторых, Абельс поместил «тройную повинность» в общий контекст военной организации поздней англосаксонской Англии, завязанной, по его мнению, в первую очередь на институт «феодальной власти» (*lordship*): любой владелец бокленда, светский или церковный, должен был поставлять в королевское войско некоторое количество воинов, рекрутирование которых было его личной обязанностью, а также вносить вклад в строительство, ремонт и оборону мостов и укреплений (Abels 1988. P. 43–57, 116–131)¹⁸⁶. Военная обязанность как неотъемлемая составляю-

¹⁸³ С чем связана неточность Стивенсона, приведшего в статье полную цитату из источника, не ясно.

¹⁸⁴ Это заключение с неожиданной стороны может подтверждать запись постановлений собора в Челси 816 г., запретившего церквям сдавать свои земли на срок, превышающий жизнь одного поколения (S 1254). Возможно, это была реакция на широкий спрос на долгосрочный тип светского землевладения (Burghart, Wareham 2008. P. 92, 96). Как раз примерно этой эпохе принадлежит первое упоминание краткосрочного землевладения мирянами: в S 128 (788 г.) король Оффа жалуется один сулунг в Кенте своему *minister* Осберту и его жене, их сыну или дочери, если таковые появятся – по-видимому, предполагалось, что в противном случае земля вернется королю. Разница между временным держанием и боклендом и превращение первого во второй «по милости господина» (*þurh his hlaforðes miltse*) как метафора между земной и загробной жизнью подчёркивается в английском предисловии к «Монологам» (King Alfred's Version 1969. P. 48, lines 4–10; EHD. P. 918).

¹⁸⁵ Ранее Николас Брукс предлагал иное объяснение появления «тройной повинности» как формализации всегда сохранявшейся за правителями возможности эксплуатировать военные ресурсы королевства (см. обсуждение: Lambert 2017. P. 129).

¹⁸⁶ Из более современной литературы, суммирующей историографию вопроса и учитывающей и обсуждающей как положения Абельса, так и романтизированную

щая владения «землём по грамоте» нашла своё юридическое отражение в начале XI в. в *Rectitudines singularum personarum* и судебнике короля Кнута¹⁸⁷.

Отдельная тема – соотношение «тройной повинности» с налогом обложением. В 1012 г. Этельред Нерешительный ввёл сбор военного сбора (*heregeld*) для оплаты наёмников эрла Торкеля Длинного (Molyneux 2015. P. 197). Эта фискальная новация не получила отражения в жалованных грамотах и лишь пять раз упоминается в указных¹⁸⁸, поэтому в первом приближении можно предполагать две взаимоисключающие трактовки: если *heregeld* понимался как продолжение «тройной повинности», то владельцы боклендов по умолчанию были освобождены от его уплаты; напротив, если *heregeld* – часть военной службы, они должны были нести это налоговое бремя автоматически. Историк Дэвид Пратт приходит к третьему решению, интерпретируя *heregeld* как экстраординарный юридическо-финансовый институт, не вписывающийся в уже имевшиеся структуры (Pratt 2018). На вопрос о том, как именно собирался этот налог, наши источники дают лишь косвенные ответы. За весь период известны шесть грамот, в которых упоминается сбор наличных средств в качестве дани¹⁸⁹. Однако в любом случае, полагает Пратт, поскольку в Книге Страшного суда хозяйские домены (*inland*) «во времена короля Эдуарда (*tempore regis Edwardi*)» оценивались в гайдах, а *heregeld* также собирался из расчёта числа гайд, это бремя

викторианскую историографию, см.: Lavelle 2010. P. 47–107; Molyneux 2015. P. 79–82; Lambert 2017. P. 114–119.

¹⁸⁷ II Сп 79: «Тот, кто, как свидетельствует графство, защищал страну в походах на земле или корабле, пусть держит [свою землю], не подвергаясь тяжбам при жизни, а по смерти пусть имеет право завещать её, кому пожелает» (*And se ðe land gewerod hæbbe on scyppfyrd 7 on landfyrd be scire gewitnyse, hæbbe he unbesaken on dæge 7 æfter dæge to syl-lanne 7 to gyfane ðam ðe him leofost sy*). См. также примеч. 119 и Pratt 2019. P. 145 (комментарии в историографии: Ibid. N. 70).

¹⁸⁸ S 1075 (1051 или конец 1050-х гг.) освобождает Бери-Сент-Эдмундс от уплаты этого сбора, S 987 (1035 г.) освобождает Кентербери, S 1113 (1061×1066 гг.) – Уэлс, S 946 (984×1001 гг.) оценивает повинности обширного поместья Чилкомб в одну гайду (грамота скорее всего поддельная), S 1243 освобождает от уплаты земли Госпатрика (датировка затруднена, 1067–1068 или 1070–1072 гг.).

¹⁸⁹ S 1278 (872 г.), 354 (880×890 гг.), 882 (994 г.), 912 (1005 г.), 943 (1006×1011 гг.), 933 (1014 г.). Алекс Бургхарт и Эндрю Уорхем предполагают, что получение «живых денег» с той же целью могло мотивировать винчестерского епископа Деневульфа (занимал кафедру в 878/79–909 гг.) и кентерберийского архиепископа Плегмунда (занимал кафедру в 890–914/23 гг.) передавать земли их диоцезов в аренду (Burghart, Wareham 2008. P. 94), но доказать это в отсутствие текстуальных свидетельств невозможно. Сам Пратт также не исключает, что подобные же мотивы могли определять «продажу» боклендов Этельредом после 1002 г. (Pratt 2019. P. 144), однако в свете наблюдений Р. Нэйсмита такое толкование небесспорно.

несли на себе и обладатели боклендов тоже – здесь Пратт полемизирует с Розамонд Фэйт и П. Г. Виноградовым (Pratt 2013). Такой подход контрастировал с каролингским прецедентом сбора откупа викингам в 866 и 877 гг., когда расходы легли только на податное население, и где-то накануне описи Книги Страшного суда был заменён на рыцарскую службу (Pratt 2019)¹⁹⁰.

П. Уормальд поставил вопрос о сущности бокленда применительно к древнейшим жалованным грамотам, а также попытался прокомментировать уже упоминавшийся пассаж Беда Достопочтенного в его письме архиепископу Эгберту о мирянах, которые получают земли по королевским грамотам якобы для основания монастыря, а сами ведут там отнюдь не монашеский образ жизни (русский перевод см.: Беда 2001. С. 202–203). По мнению Уормальда, ни одна из трёх основных теорий бокленда (суть бокленда в иммунитете – освобождении от повинностей в пользу короля [здесь Уормальд ссылался на Стентона], в выведении земли из-под власти рода [Виноградов–Джоллифф] или же в свободе завещания владения [Джон]) не согласуется вполне с этим ранним материалом. Уормальд предлагает своё – и достаточно простое – объяснение: суть бокленда именно в том, что получаемая по грамоте земля – *приобретённое*, а не унаследованное владение. Как отмечает учёный, подобная оппозиция свойственна архаическому праву многих народов, включая германские; приобретённость владения означала большую свободу бенефициара им распоряжаться, включая передачу прямым потомкам¹⁹¹. Именно об этом – о том, что земля передаётся, что её нельзя отнять обратно и что бенефициар имеет неограниченное право её отчуждать, – и твердят сами ранние жалованные грамоты (Wormald 2006. P. 153–157)¹⁹². Характерна формулировка S 1622, в которой кентерберийский архиепископ Вульфред (занимал кафедру в 805–

---

¹⁹⁰ Оговоримся, что цели, процесс и обстоятельства написания Книги Страшного суда, несмотря на огромную библиографию, остаются предметом обсуждения (она хорошо суммирована в статье Стивена Бэкстера, см. отсылки: Pratt 2019. P. 136, n. 7), поэтому объяснение Пратта следует принимать в контексте историографической дискуссии как одно из возможных.

¹⁹¹ Этот тезис прекрасно находит своё подтверждение в парах ранних документов: S 1510 (845×853 гг.) и 296 (845 г.), S 1514 (ок. 855 г.) и 315 (855 г.), S 1200 (867×870 гг.) и 293 (843 г.). Во всех этих случаях мы имеем королевскую жалованную грамоту на то или иное имение, которое затем передаётся кому-то из наследников или третьим лицам (Wormald 2001. P. 265–266).

¹⁹² Эту интерпретацию автор повторил записях, которые должны были лечь в основу задуманного им второго тома большой работы об англо-саксонском законодательстве (Wormald 2014. P. 215–217), однако тот так и не был закончен и сегодня доступен (стараниями коллег) в черновом электронном виде.

823 гг.) разграничивает архиепископское имущество и имущество братии, настаивая, что архиепископские владения никогда «не были землями кафедрального приората или чьим-либо боклендом до меня»¹⁹³. Похожую мысль в идеологической плоскости также позднее развил Скотт Смит: риторика вечности владения и обладания скорее адресовалась прошлому, чем будущему, включение подобных утверждений преследовало цель «отсечь» участок земли от его прежней истории и начать её «с чистого листа», а также сделать пожалование и владение им неизблемым (Smith 2012. Р. 28–30). Одновременно Уормальд подверг ревизии отрицание Кеннеди подсудности дел о бокленде королевской власти, в частности потому, что суды графств (и сотен/уапентаков), где, по нашим источникам, и велись подобные тяжбы, были королевскими. Это соображение может быть предметом дискуссии¹⁹⁴, однако сложно противопоставить контраргументы наблюдениям о частых обращениях наследодателей в завещаниях к королям за подтверждением сделанных распоряжений, а также о регулировании отдельных сторон бокленда королевским законодательством (Wormald 2014. Р. 217–220).

Иначе к вопросу о раннем бокленде подошёл Мартин Райан. Во-первых, он указал главную причину, по которой буквальная трактовка фолкленда Виноградовым устарела за прошедшие 120 лет. Как и было принято в его время, Виноградов исходил из картины англо-саксонского переселения как полноценного завоевания и уничтожения догерманских практик с дальнейшей консервацией принесённых норм и обычаев вплоть до появления христианства и письменности, т. е. из представления, от которого ученые в значительной степени уже отказались. Поэтому Райан согласен с мнением Р. Абельса, П. Уормальда и С. Бэкстера о том, что фолкленд – это довольно аморфная категория землевладения, охватывающая все формы за пределами королевских пожалований и временных/арендных держаний, и само это определение имеет смысл только после появления последних двух. Во-вторых, главное предположение Райана, не совпадающее с предшествующей трактовкой Э. Джона, сделано на основании сопоставления формул пожалованных грамот VII–VIII вв. с известными историями поместий. Вопреки формульным утверждениям о свободе отчуждения, право распоряжения землёй оставалось предметом переговоров и компромиссов

---

¹⁹³ *...hit naes nefre Cristes cirican land ne nenges monnes boclond ær min.* К сожалению, текст дошёл только в виде выжимки У. Сомнера, и детали и обстоятельства дела не известны. Подробный анализ источника представлен в: Lowe 1999.

¹⁹⁴ Например, см.: Lambert 2017. Р. 147–149, а также другие замечания о концепции юрисдикции.

(см. раздел о ранних грамотах с. 70–84)¹⁹⁵, что и отражалось в непостоянстве ранних формул (Ryan 2013). Позднейшее восприятие королём Альфредом отчуждать бокленд за пределы семьи при наличии письменного запрета предка-наследодателя или устного свидетельства подобного запрета (Af 41)¹⁹⁶, а также обращение к тому же королю его тёзкой, элдорменом Альфредом, в первых строках своего завещания, S 1508 (между 871 и 899 гг.), видимо, с целью заручиться монаршим одобрением (разрешением?)¹⁹⁷, подтверждает ограниченную свободу передавать бокленд (Wormald 2001. P. 275–276). Видимо, уместно говорить не столько об ограничениях, сколько о недостаточности одной лишь воли наследодателя без подтверждения вышестоящих властей (Keynes 1990. P. 253–255), однако принципиально, что бокленд не был исключением из этих правил¹⁹⁸.

Подобная же частично условная природа бокленда даже в поздний период была постулирована Р. Лавеллом: проанализировав географию пожалований короля Эдвина и сравнив их историю по грамотам других правлений и Книге Страшного суда, Лавелл заключил, что светские бокленды часто так или иначе контролировались государями даже после пожалования (Lavelle 2011). Похожий контроль осуществлялся и за семейным земельным имуществом, тоже, вероятно, составленным из боклендов: лишь около 15% из имений в завещании короля Альфреда к 1066 г. полностью вышли из-под хотя бы опосредованного надзора династии (Wormald 2001. P. 271).

Дополнительно усложнил эту картину Р. Нэйсмит. Как монография С. Кейнза в своё время (невольно) стала развитием краткого замечания Ф. Стентона, так и статья Нэйсмита стала развёрнутой контек-

---

¹⁹⁵ Похожее короткое замечание содержится и у А. Я. Гуревича, однако, напротив, видевого скорее формульное единообразие (Гуревич 1953. С. 56). Позднее он также отмечал несвободу в распоряжении боклендом вопреки фразеологии документов (Гуревич 1967. С. 74–75). О разных типах транзакций, которые могут скрываться за внешней формой королевского пожалования, см.: Гуревич 1953. С. 56–60; Keynes 1980 [2005]. P. 31–33.

¹⁹⁶ Не исключено, что этот запрет предназначался в первую очередь для королевской семьи, поскольку описывает ситуацию, похожую на завещание самого Альфреда (Lavelle 2007. P. 77).

¹⁹⁷ См. схожие случаи подтверждения королём Этельредом завещаний некоего Этельрика, S 1501 (960×994 гг.) в S 939 (995×999 гг.), и Вульфрика Спота, S 1536 (до 1004 г.) в приписке в том же документе и в S 906 (1004 г.).

¹⁹⁸ Уведомления о сделанных распоряжениях или обращения к вышестоящим (королям или иным господам) с просьбами не менять последнюю волю наследодателя встречаются, например, в S 1504 (946×947 гг.), 1494 (962×991 гг.), 1498 (977×982 гг.), 1538 (984×1016, возможно, до 1001 г.), 1505 (после 987 г.), 1497 (990×1001 гг.), 1486 (1000×1002 гг.), 1534 (ок. 1000 г.), 1521 (1035×1044 гг.).

стуализацией сделанного почти мимоходом утверждения самого Кейнза в той же работе: указаний в грамотах на плату за получение бокленда «достаточно, чтобы показать, что практика покупки у короля земли или привилегий была широко распространена, и что решение о том, включать ли [в грамоту] запись об оплате, оставалось вопросом предпочтения» (Keynes 1980. P. 108; см. также: Ibid. P. 33). Нэйсмит собрал корпус из 278 грамот (из них 245 более или менее надёжной подлинности), упоминающих плату за получение земельного пожалования. Проанализировав их по четырём категориям¹⁹⁹, он предостерегает читателя от последовательного разделения современных категорий «дар» и «купля-продажа», потому что практические обстоятельства транзакций с землёй известны лучше их осмысления современниками. Видимо, полагает Нэйсмит, допустимо говорить не о коммерциализации личных отношений, а, напротив, о персонализации коммерческих (Naismith 2012b).

Упомянутые выше Ф. Мэтланд и Х. Фолльрат-Райхельт представляют две разные школы трактовки тех самых поставок и повинностей, права на которые государи отчуждали с передачей бокленда, иногда сопровождавшейся денежными выкупами. Одну школу, описанную в начале текущего раздела, вдохновил сам Мэтланд, вторую, представленную Фолльрат-Райхельт, заложил Г. Чэдвик (Chadwick 1905. P. 367–377). В 1997 г. две позиции смогла примирить Р. Фэйт, допустив сосуществование обоих принципов: доходы королевской власти от *свободного* населения скорее походили на налоги и проистекали из того самого «господства» над землёй и «широкой феодальной власти» (*extensive lordship*) над людьми; одновременно с этим существовали и группы зависимых свободных или *несвободных* земледельцев, оброки и барщина которых вписываются в категорию ренты. Эту точку зрения разделил Крис Уикхем, отметив, однако, необходимость различения сложных бюрократических систем налогообложения и более примитивной дани. Сегодня эти тезисы нуждаются в корректировке в свете работы Д. Пратта, опровергающего её положение об освобождении хозяйского домена от налогов (см. с. 112–113)²⁰⁰.

Важное дополнение представил Том Ламберт. С одной стороны, он высказал мнение, что обнаруженные ещё Мэтландом 16 мерсийских

¹⁹⁹ Плата за смену владельца без смены типа владения; плата за (королевское) пожалование бокленда; плата за подтверждение уже имеющихся собственнических прав; плата за благорасположение дарителя.

²⁰⁰ Эти и другие работы суммируются и обсуждаются в: Lambert 2017. P. 112, п. 1.

грамот VIII–IX вв.²⁰¹, предписывающие вора́м, проживающим на территории бокленда, возмещать убытки потерпевшим, живущим за его пределами, только лишь в размере стоимости украденного, и семь похожих уэссекских грамот IX в., освобождающих от «судебных дел»²⁰², говорят о передаче владельцам боклендов королевского права на получение доходов от судебных штрафов. Редкость подобных упоминаний в общем корпусе списывается Ламбертом на стилистические предпочтения составителей текстов, а один из его главных аргументов – отсутствие уточнений, что помимо «тройной повинности» король удерживает за собой право на штрафы. С другой стороны, он не поддерживает идею Мэтланда о существовании в последние полстолетия до Нормандского завоевания частной юрисдикции, как часто интерпретируют мнемонические формулы из указных грамот: *sacu ond sōcn*, *toll ond teām* и *infangenþeōf*. Эту юридическую привилегию как тождественную экономическим правам владельца бокленда и социальному статусу королевского тэна (в частности, в изложении *Rectitudines signularum personarum*)²⁰³ ранее постулировал Дэвид Рофф. Его положения встретили как жёсткую критику со стороны С. Бэкстера²⁰⁴, так и некоторую поддержку Сьюзен Рейнольдз, с тем лишь отличием, что её нарратив предполагает меньший упор на причинно-следственные связи, построен в значительной степени на грамотах, а не на Книге Страшного суда, как у Роффа, а также опускает уточнение «королевский» к слову «тэн» (Reynolds 1994. P. 323–342). Главный же тезис Ламберта сводится, в принципе, к возражению против нарратива узурпации королевской судебной монополии частными магнатами (ср. пересекающееся мнение: Золотарёв 2005. С. 115; 165–171; Вахтер 2011). Ламберт обосновывает положение, что формула *sacu ond sōcn* соответствовала фискальным правам владельца бокленда, из которых были исключены *toll ond teām* и *infangenþeōf*, а также никогда не входившие в «стандартный пакет» штрафы самих владельцев бокленда и штрафы за урон чести, общинные доходы и, возможно, земельные конфискации. Появление в указ-

²⁰¹ S 58 (767 г.), 106 (764 вместо 767 г.), 154 (799 г.?), 171 (814 г.), 183 (821 г.), 185 (798×821, возможно, 814 г.), 186 (822 г.), 188 (831 г.), 199 (849 г.), 206 (805 г.), 218 (883 г.), 220 (888 г.), 278 (835 г.), 292 (842 г.), 294b (844 г.), 1277 (877 г.). В дошедшем виде S 183, 278 и 294b, несомненно, подделки, но исследователи не исключают подлинную основу в каждом случае. См. также: Stenton 1955. P. 58.

²⁰² S 328 (858 г.), 288 (840 г.), 290 (840 вместо 841 г.), 331 (862 г.), 298 (847 вместо 846 г.), 326 и 329 (860 г.).

²⁰³ О трудностях определения этого статуса в юридической плоскости см.: Sukhino-Khomenko 2021. P. 15–20.

²⁰⁴ Краткое обобщение и библиографию этой дискуссии см.: Sukhino-Khomenko 2018. P. 51–53.

ных грамотах этих терминов объясняется историком как следствие дробления прав владельца бокленда и экспроприации государями части из них (Lambert 2017. P. 129–132, 294–348), что подводит нас к вопросу о роли королевских пожалований во взаимоотношениях между королевской властью и их бенефициарами.

Среди прочих его недавно обсуждали Л. Роуч, К. Уикхем и Дж. Молиню. Авторы пришли к, в целом, взаимодополняющим, но не всегда совпадающим выводам. Все трое согласны, что перед нами сложная картина скорее партнёрских, нежели господских отношений, и все трое постулируют ожидаемую концентрацию земельных ресурсов династии Альфреда в Уэссексе²⁰⁵. Однако далее мнения расходятся. Марксист Уикхем поставил компаративистский вопрос: почему широкие земельные раздачи западнофранкским королём Карлом Лысым подорвали экономические ресурсы Каролингов и привели к формированию территориальных княжеств, а внешне аналогичная политика Эдви в Англии – нет? Ответ он видит в характере английского «правлящего класса»: по Уикхему, уэссекская олигархия вступила в союз с монархией, что вылилось в раздачу ей разбросанных по всей недавно отвоёванной у скандинавов территории поместий с целью превратить «традиционное господство» над племенными областями в контроль и эксплуатацию зависимого населения (Wickham 2009). Такая интерпретация, однако, находится в некотором разладе с эмпирическими данными. Аларик Трусдейл применил метод Кейнза – сравнение подписей в списках свидетелей в грамотах короля Эдмунда (прав. 939–946) – и заключил, что перестановки при дворе в конце правления Этельстана и затем при Эдмунде говорят скорее об обратном, а именно об особом королевском внимании к Мерсии, что вылилось в начавшийся тогда тренд к доминированию «партии» (или нескольких «партий») мерсийских семей, видимо, за счёт уэссекских магнатов (Trousedale 2013; Keynes 1998 [2002]. Tabl. XLII–XLIII). Схожую картину, также в противовес «уэссекскоцентричной» схеме Уикхема, обрисовали Роуч и Молиню. Они видят отношения типа *quid pro quo* между уэссекским политическим центром и локальными элитами, при этом оба подчёркивают весьма узкий круг верхушки аристократии, вступавшей во взаимодействие с уэссекскими государями. Роуч рассмотрел эти отношения «снизу вверх»: исходя из предположения, что пожалования боклендов были не столько уменьшением фиска, сколько перераспределением свободного фонда выморочного и/или конфискованного/купленного имущества²⁰⁶ или конвер-

²⁰⁵ Об этих ресурсах и различных аспектах их эксплуатации см.: Lavelle 2007.

²⁰⁶ Такое же предположение, видимо, независимо сделал позже Ч. Инсли (Insley 2020. P. 9). Ранее схожую идею кратко высказывал С. Кейнз. Он обратил внимание, что

тацией уже имевшегося в руках знати фолкленда²⁰⁷, историк видит в этой знати аналог каролингской *Reichsaristokratie*, заинтересованной в королевской власти и открываемых ею возможностях (Roach 2013a. P. 89–103). Молиню, напротив, выстраивает свой нарратив «сверху вниз»: его интересуют методы осуществления господства династией Альфреда за пределами её южного оплота власти. Одним из таких методов в центральные десятилетия X в. он и полагает выстраивание обоюдовыгодных отношений через перераспределение поместий к северу от Темзы после экспансии в этих регионах (Molyneux 2015. P. 50–85). Интересный частный случай такого «освоения» Денло продемонстрировал в своё время П. Сойер в ходе работы над изданием грамот аббатства Бёртон, интерпретировав пожалования S 397, 479, 484 и 1606 как политику осуществления контроля над важными территориями в Дербишире и долине р. Трент через королевских локальных «прокси» (Sawyer 1975).

* * *

Итак, в результате почти двухсотлетних исследований бокленд предстаёт сложным и многофакторным явлением. Если отойти от теоретических и терминологических разногласий (таких, как споры вокруг понятий «феодализм», «фиск», «собственность», «юрисдикция» и т. д.), то перед нами очерчивается следующая картина.

Очевидно, что владение «землёй по грамоте» изначально возникло как форма поддержки светской властью властей духовных в социуме, не знакомом с подобным явлением и потому не имевшем соответствующего адекватного института. Насколько можно судить, христианские миссионеры конца VI – VII в. попали в общество, где земля держалась и наследовалась по какому-то традиционному «народному праву» (т. е. была фолклендом). Природа фолкленда заключалась, с одной стороны, в ограничениях на свободное отчуждение земли, о которых мы практически не осведомлены, и, с другой – в праве короля (или другого господина) на разного рода доходы и службы от свободного населения, которые он также мог передать кому-то из своих приближённых в качестве «временного пожалования». Что касается бокленда, то, в теории, короли передавали «стандартный пакет» своих экономических прав над той или иной частью подвластной им территории тому

в законах Кнута содержатся два указания на причины, по которым бокленд может быть конфискован королём: при объявлении владельца вне закона и за дезертирство (II Sp 13:1 и 77:1). Кейнс также привёл внушительный список известных случаев конфискации (Keynes 1980 [2005]. P. 201, n. 177). Некоторые примеры конфискаций обсуждаются в: Hough 2014. P. 18–21.

²⁰⁷ См. также: Keynes 1980 [2005]. P. 32.

или иному церковному бенефициару без ограничений по срокам и праву последующего отчуждения, без возможности отмены или оспаривания с чьей-либо стороны. Довольно рано, однако, миряне также начали стремиться обзавестись этими привилегиями на подобных условиях, что дестабилизировало экономическую и военную основу королевской власти. Возможно, под каролингским влиянием мерсийские короли VIII в. обошли эти проблемы, зарезервировав за собой «тройную повинность» (военная служба, ремонт/строительство дорог и укрепления), отныне являвшуюся частью владения «землёй по грамоте». В дальнейшем возник и чисто светский бокленд. В его рамках отношения между сторонами, судя по всему, были реципрокными, даже если и не равноправными. Для мирян, желавших вступить в них, особой мотивацией было стремление к обретению максимально полных владельческих прав на землю, а именно привилегии использования и свободного распоряжения, что постоянно и подчёркивается в формулах. Практическая возможность государя, вопреки этим формулам, отозвать пожалование должна была обеспечивать лояльность бенефициара (Lipoi 2000. P. 153–156).

На практике, ожидаемо, ситуация была сложнее. Бокленд не был свободно обращающимся на «земельном рынке» привилегированным имуществом, ограниченным только «тройной повинностью». Целый ряд прямых и косвенных примеров демонстрируют, что, вопреки утверждениям грамот, бокленд мог конфисковываться, а короли так или иначе сохраняли над ним какой-то контроль (или во всяком случае старались его сохранить). Распоряжение боклендом также не было исключительно делом дателя и (светского) бенефициара, в этом типе транзакции сохранялась известная доля публичности и согласия иных сторон. Не был бокленд и в полном смысле товаром, даже при том, что, как уже говорилось, пожалование могло осуществляться в обмен на денежные выплаты, – внеэкономические, идеологические и политические, мотивы были не менее важны. Поэтому в работе с грамотами и описываемыми ими пожалованиями по-прежнему сохраняет своё значение замечание о «глубоко чуждых обществу раннего Средневековья» явлениях «развитых товарно-денежных отношений, наличии земельного рынка, свободного и ничем не ограниченного отчуждения земли» (Гуревич 1967. С. 61).

Источниковая многогранность жалованных грамот

Ценность королевских грамот как источника, конечно, не исчерпывается исключительно их значением как правоустанавливающих документов на владение землёй (*title to land, title deed*). Уже в силу своего

многосоставного характера и сочетания в одном тексте разных элементов грамоты дают исследователю обильный материал для работы с самыми разными темами (ЕНД. Р. 381–382). Ниже мы перечислим лишь некоторые.

Границы жалуемых владений. В своей массе они описаны по-древнеанглийски и оказываются незаменимым источником для изучения исторической географии и топонимики. Как уже отмечалось выше, ценное подспорье для него предоставляет «Лестерская серия». На этом поприще огромный вклад внесла историк Делла Хук (род. 1939). В 1980–1990-е годы из-под её пера вышли несколько полусправочных изданий по локальной географии Уорикшира, Глостершира, Вустершира, Стаффордшира, Девошнера, Корнуолла (Hooke 1981a; 1983; 1990; 1994; 1999). Эти монографии представляют комментированный список и тексты (часто вместе с картами) описаний границ в грамотах, относящихся к соответствующему графству. Хук также соотносила границы приходов и поместий, дробление последних, возникновение новых поселений и, что особенно важно, роль естественных природных факторов в этих процессах (Hooke 1985; 1988). Другим направлением её работы стала аграрная проблематика в сочетании изучением поселенческих и хозяйственных паттернов (Hooke 1981a. Р. 186–226; 1981b), что подтвердило замечание Стентона о ценности грамот как источника по «древности сельскохозяйственных паттернов, после [X в. – Авт.] прослеживающихся в Южной Англии» (Stenton 1955. Р. 70). Схожими сюжетами занимались и другие ученые, например Дэвид Холл, согласившийся с заключением Хук о распространённости общинных полей в Западном Мидлендсе, но также полагающий их более повсеместными и древним (Hall 2014. Р. 166–174)²⁰⁸. Наконец, уже с самой первой работы Хук уделяет внимание англо-саксонской «лесной тематике» (Hooke 1981a. Р. 147–174): топонимика в описаниях границ позволяет примерно оценить степень лесного покрытия, разные типы флоры, их эксплуатацию в хозяйстве и т. п. В дальнейшем она также не раз обращалась к теме (Hooke 2010. Р. 138–164; 2017).

Археолог Александр Ланглэндс, изучая дорожную систему Уэссекса, поместил *trinoda necessitas* и повинность строительства/ремонта мостов в топографический контекст грамот. Он обратил внимание, что лексический элемент *fyrð-* («войско») представлен лишь в небольшом количестве мерсийских названий дорог, при том, что именно д.-а. *fyrð* используется в грамотах для военной службы. Напротив, в грамотах не

²⁰⁸ См. ссылки на работы других авторов, в частности Маргарет Геллинг: Brooks 2000. Р. 214; см. также: Burghart, Wareham 2008. Р. 91, п. 15.

менее 292 раз зафиксирован топоним *herepæð* («войсковая тропа»), что должно удивлять в свете употребления слова *here* в исключительно негативном контексте: так обозначаются «грабительские банды» в *Ine* 13:1 и отряды викингов в Англо-Саксонской хронике. Эти названия сосредоточены почти исключительно в Уэссексе и в большом количестве появляются в грамотах с 860-х гг., примерно тогда же, когда в уэссекских грамотах начинает регулярно встречаться и «тройная повинность». Сопоставляя расположения *herepæðas* и крепостей-бургов, строившихся Альфредом для защиты от скандинавских набегов, а также семантические отличия *pæð* от прочих терминов для обозначения дорог (*weg* и *stræt*), Ланглэндс заключает, что перед нами один из элементов уэссекской оборонительной системы, предназначенный для быстрой связи между её ключевыми укрепленными точками. В изученных им уэссекских грамотах известны девять мостов, но семь из них явно обслуживают *herepæðas*, а не преграждают реки для препятствия продвижению викингов вглубь страны, как часто интерпретируют обязанность возведения мостов в рамках *trinoda necessitas*. Однозначная связь появления системы уэссекских *herepæðas* с «тройной повинностью», однако, методологически недоказуема в силу отсутствия статистически репрезентативного корпуса подробных описаний границ пожалований до середины IX в. (Langlands 2019. P. 164–184, 201–206)²⁰⁹.

Эрик Лэйси, видимо, первым использовал топонимический материал описаний границ для изучения распространённости соколиной и ястребиной охоты, нанося на ландшафтную карту названия с элементом *hafoc-*. В частности, сопоставляя полученные данные с прочими текстуальными памятниками, он заключает, что охота с хищными птицами не была уделом исключительно высших слоёв. Это следует, по его мысли, например, из расположения таких топонимов на границах жа-

²⁰⁹ При всей оригинальности гипотезы Ланглэндса и обилии собранного материала не можем не указать явно неудачную попытку как-то связать систему *herepæðas* с кодексом Феодосия (Lib. XV, titl. III, 6) *напрямую*, а именно с указом императоров Феодосия Младшего и Гонория префекту претория Аскелепиодоту (15 февраля 423 г.), в котором два самодержца запрещают уклонение от строительства мостов и дорог. Эта попытка построена на очевидно неверном и синтактико-морфологически невозможном переводе выражения *instructio viae publicae et pontium stratarumque opera* («сооружение общественных дорог и строительство мостов и мощёных улиц»; Frier 2016. Vol. 3. P. 2812), в котором Ланглэндс предлагает видеть род. пад. мн. ч. муж. р. от прилагательного (*sic!*) **rus* (?), получая, таким образом, «общественные дороги и мосты на деревенских трактах», якобы противостоящие улицам в городах-*urbes* (Langlands 2019. P. 178–180). Это ошибочное объяснение несколько подрывает авторскую аргументацию, как и рассуждения о соответствии *pæð* и *stræt* в мерсийских топонимах. Однако сам по себе факт возможного влияния позднеримских публичных работ на аналогичные практики в раннесредневековой Европе требует дальнейшего изучения.

луемых владений, а не внутри оных, что теоретически говорит о более широком доступе к ним (Lacey 2018).

Весьма неординарный угол рассмотрения выбрала Кэрол Хау (род. 1958). Один из давно дебатировавшихся вопросов в сфере англосаксонского законодательства – практическое функционирование известных по письменным памятникам юридических норм королевского права. П. Уормальд обращал внимание на три факта: во-первых, имеющиеся рукописи, содержащие законодательные тексты, мало пригодны для повседневного обращения к ним; во-вторых, ни в одной из перечисленных им 178 тяжб (Wormald 1988) нет ссылок на королевское законодательство; в-третьих, в последнем явно присутствует выраженный идеологический компонент²¹⁰. Хау нашла неожиданный контраргумент, связав воедино полное отсутствие упоминаний действующих государей в принятых ими же законах при одновременном частом упоминании короля как такового, указания на незначительные суммы штрафов или довольно абстрактные наказания в виде имущественных конфискаций, а также зафиксированный DOE факт присутствия лексемы *cyning* («король») в качестве первого элемента топонимов вроде «королевский коровий выпас», «королевский лес/ловище» и т. д. Решение Хау, отталкивающееся от современного научного представления о формировании подобных топонимов в результате смены владельца, элегантно: эти названия запечатлели в себе факт тех самых имущественных конфискаций в пользу короны как института, отличного от персоны конкретного государя, документы на которые и не составлялись в силу незначимости в рамках письменной культуры (Hough 2013).

Ч. Инсли, значительную часть своего научного творчества посвятивший истории английского Юго-Запада по материалам эксетерских грамот, также использовал описания границ в своём абрисе корнуоллской документальной культуры. Хотя имеющаяся выборка крайне скромна, всего десять экземпляров (восемь на древнеанглийском, два – большей частью на латыни), за счёт включения корнских слов в неискажённых формах она свидетельствует о корнско-древнеанглийском двуязычии писцов. По обоснованному мнению Инсли (Insley 1998), это дополнительный аргумент в пользу локального производства по крайней мере некоторых грамот в X–XI вв. С другой стороны, использование древнеанглийского в описаниях границ пожалований даже в глубине

---

²¹⁰ Тема многократно затрагивалась в историографии. Контраргументы приводились, например, в: Кеупес 1990. Р. 243–244. Сжатый обзор и собственное оригинальное видение, примиряющее спорящие стороны, см.: Roach 2013a. На русском языке подробный разбор по состоянию на начало 2000-х гг., включая и континентальную историографию, см.: Золотарёв 2005. С. 36–83.

корнскоговорящих территорий подтверждает выдающийся уровень стандартизации англо-саксонской королевской дипломатики (Insley 2021). Потенциал описаний границ для собственно древнеанглийского языкознания в 1990-е гг. активно разрабатывал Питер Китсон, и лингвисты, без сомнения, с нетерпением ждут выхода его заявленного «Guide to Anglo-Saxon Charter Boundaries» под эгидой Английского топонимического общества (*English Place-Name Society*)²¹¹.

Экономика. В свете давней, восходящей ещё к Мэтланду традиции изучения юридического аспекта англо-саксонских жалованных грамот, не удивительно, что последний тесно сопряжён с экономическими сюжетами, что во многом диктуется и самим материалом (ср. с проблемой *heregeld* выше). Так, С. Келли привлекла внимание коллег к любопытной серии из десяти грамот VIII в.²¹², дарующих общинам Минстера-на-Тэнете, Рекальвера, Вустера, Рочестера и лондонского собора св. Павла освобождение от налоговой пошлины (*tributum, vectigal*)²¹³ в Лондоне или право её присвоения. Неожиданно появление и такое же резкое исчезновение этой практики. Сама исследовательница склонна объяснять их политической конъюнктурой во времена «мерсийской гегемонии» (Kelly 1992; VACS IV. P. lxxxv–xc). Эту десятку дополняет уникальная в своём роде S 146 (793×796 гг.), описывающая налоговый потенциал имения, даруемого вустерской епархии (Hough 2014. P. 17). Вполне вероятным кажется её предположение о франкском влиянии: Р. Абельс допускает его проявление и в институте «тройной повинности», появившемся как раз в это же время (Abels 1988. P. 53, 228, п. 60). А. Ланглэндс равным образом видит общие черты между англо-саксонскими и каролингскими общественными повинностями – оба возводят их к кодексу Феодосия (Langlands 2019. P. 178).

Списки свидетелей. Списки свидетелей в жалованных грамотах являются окном в мир англо-саксонской просопографии. Поскольку, согласно современному консенсусу, столбцы имён фиксируют состав королевских собраний, они позволяют реконструировать придворную карьеру поименованного индивида, а его регулярное появление в грамотах, выпущенных в той или иной географической локации, указывает на его укоренённость в той или иной местности (Sawyer 1975. P. 36).

---

²¹¹ См. ссылки на его многочисленные работы: Brooks 2000. P. 215, п. 120.

²¹² S 86 (датирована 716×717 гг., но очень похожа на S 88 и, вероятно, написана тогда же), 88 (733 г., подтверждена в 844–852 гг.), 87 (737×738 гг.), S 103a (716–745 гг.), 1788 (716×745 гг.), 98 (возможно, ок. 743×745 гг.), 91 (748 г.), 143 (761×764 гг.), S 29 (возможно, 763×764 гг.), 1612 (возможно, 762×764 гг.).

²¹³ В силу формульного характера текстов невозможно сказать, идёт ли речь о названиях одной и той же пошлины или разных.

Конечно, в любом исследовании, построенном на подсчёте упоминаний имён и занимаемых мест в списке, неизбежны допущения. Так, мы не можем быть до конца уверенными, что списки всякий раз достоверно отражают весь состав того или иного уитенагемота: они могли ограничиваться такими факторами, как, например, размер листа пергамента или представление о том, что столбец должен перечислять только какой-то один тип свидетелей. Показательно, например, что в S 889 (996 г.) основной список свидетелей завершается словами: «...мы, все магнаты короля, единодушно охотно изъявили согласие этому королевскому пожалованию»²¹⁴. Вероятно, поимённый перечень этих магнатов был опущен, как это было сделано, например, в поздних копиях S 224, 395, 347, 436 (934 г.), 431 (936 г.), 474 (941 г.), 505, одной из версий S 506 (945 г.), 569, 863, 710, 923 (1011 г.) и др.²¹⁵. Кроме того, не всегда очевидно, как следует интерпретировать повторяющиеся имена – как тёзок-современников или же как одного человека. Нестандартные титулы, отличные от обычных *minister* и *dux* (тэн и элдормен), как придворные, так и суверенные, могли определяться предпочтениями составителя текста или конкретными обстоятельствами (Keynes 1980 [2005]. P. 160; 1988. P. 209; Molyneux 2015. P. 60–61). Тем не менее, со всеми оговорками, такой метод нашёл своё применение. Наиболее последовательно во второй половине XX в. его разработал С. Кейнз (Keynes 1980 [2005]. P. 154–231; обобщение: Keynes 1994a. P. 100–104; 1998 [2002]. P. 5–7), и с тех пор он использовался для реконструкции отдельных светских биографий, истории епископских кафедр (см. ссылки в: Brooks 2000. P. 195, 211–212) и политики – придворной (например: Mask 1984; Jayakumar 2008. P. 84–88; Trousdale 2013) и «государственной» (Molyneux 2015. P. 54–61). В

²¹⁴ *Nos uniuersi regis optimates huic regiae donationi unanimum consensum alacriter prebuimus.*

²¹⁵ «...и прочие элдормены и тэны, а именно одиннадцать» (*et ceteri duces et ministri videlicet xi^{cim}*); «...и прочие элдормены, священники и монахи, числом 57» (*et ceteri . duces . presbiteri . et monachi et ministri usque ad . l . vij*); «...со многими другими» (*cum multis aliis*), «...и многие прочие» (*et ceteri multi*), «...и многие другие епископы подписали» (*et plures alii episcopi consignaverunt*), «...и прочие элдормены и тэны [всего 26]» (*et ceteri duces . principes . milites et ministri . xxvj*), «...и прочие элдормены, аббаты и тэны, [всего] 21» (*et ceteri duces . abbates et ministri . viginti et unus*), «...и прочие» (*et ceteri*), «...и шесть прочих аббатов и четверо элдорменов и двадцать три тэна» (*et ceteri abbates sex . duces . iij^{or} . et ministri . viginti et tres*) соответственно. Схожие завершения списков свидетелей словами: «и многие другие», – иногда включая прямое замечание, что не все имена были записаны, встречаются и в древнеанглийских документах: S 939 (995×999 гг.), 985, 1064 (1058×1066 гг.), 1216 (971×980 гг.), 1220 (1013×1020 гг.), 1391 (1043×1044 гг.), 1418 (946×953 гг.), 1454 (990×992 гг.), 1464 (1020×1038), 1466 (1038×1050 гг.), 1473 (1044×1048 гг.), 1426 (1061×1065 гг.).

отечественной историографии независимо схожую методику предложила К. Ф. Савело (1969).

Грамотность и функции письма. Эта проблематика последовательно разрабатывается в историографии с 1990-х гг.²¹⁶. Из общих работ отметим исследование Дональда Буллоу традиций обучения в поздней англо-саксонской Англии (Bullough 1991), дополненное Томасом Туном более широким контекстом предшествующей эпохи (Тооп 1994). Тема грамотности и в целом светской письменной культуры оказалась тесно переплетённой с вопросами о землевладении и административными и юридическими практиками. В сборнике под одной обложкой вышли главы С. Келли и С. Кейнза о грамотности мирян и об использовании письменного слова в государственном управлении (Kelly 1990; Keynes 1990). В конце века Кэтрин Лоу выдвинула тезис, что хирограф²¹⁷ был изобретен, скорее всего, в Англии²¹⁸ и именно потому, что отвечал потребности мирян в отстаивании их имущественных прав (Lowe 1998). Этот вывод перекликается с более ранней работой А. Кеннеди о функционировании грамот в качестве доказательств в тяжбах за бокленд в судах графств (Kennedy 1985; особенно ярко этот аспект демонстрирует «Книжица епископа Этельвольда»)²¹⁹, позже иллюстрированной П. Уормальдом доводами о крайней тенденциозности подобных источников (Wormald 1986). Перу последнего также принадлежит упомянутый выше список всех известных, в т. ч. и по дипломатическому материалу, англо-саксонских тяжб (Wormald 1988). Позднее Инсли обратился от (не)королевского производства актового материала к использованию его мирянами и собрал убедительный корпус косвенных свидетельств в пользу распространённости среди, как минимум, верхушки светской элиты «прагматической грамотности» и понимания ценности документов, в первую очередь именно их правоустанавливающей функции (Insley 2013a; ср.: Godden 2021. P. 586, 589). Данный тезис также подкреплялся опознанием следов светских архивов в составе церковных (Insley 2013b). Эти и другие изыскания заметно подорвали точку зрения Майкла Клэнчи о неглубоком проникновении грамотности в англо-саксонское «традиционное общество» (Clanchy 1979 [2013]. P. 1–3, 12–17; Insley

²¹⁶ Сжатый обзор см.: Godden 2012.

²¹⁷ Практика составления на одном листе пергамента, который потом разрезался, двух или более копий документа для всех заинтересованных сторон; название дано по грецизму *chirographum*, часто писавшемуся по линии разреза листа в целях дальнейшей аутентификации копий.

²¹⁸ О возможных ирландских корнях такой практики см.: Kelly 1990. P. 50, n. 46.

²¹⁹ См. важный для этого сюжета пассаж в русском переводе: Книжица 2008. С. 174–175, гл. 12.

2013а. Р. 338), чей труд ознаменовал в своё время новый этап в английской дипломатике высокого Средневековья (Bates 2005. Р. 2).

Королевские грамоты как источник по истории идей и культуры. Приоритет в этой области, видимо, стоит признать за учёными, занимавшимися континентальными источниками: так, Марк Мерисовски называет подобное направление, заданное в последней четверти XX в. австрийцами Генрихом фон Фихтенау (1912–2000) и Хервигом Вольфрамом (род. 1934), «метадипломатикой» (Merisowski 2000. Р. 19–20). Перформативные качества каролингских жалованных грамот в начале нового века изучал Джеффри Козел. В своей монографии он обращает внимание на то, как королевский документальный акт не только участвовал в публичных церемониях, но и сам был способом создания политических союзов, а не одним лишь отражением уже имевшегося порядка вещей (Kozel 2002). Английский документальный материал как источник по истории идей кратко анализировал в 1994 г. в уже цитированном эссе М. Лупой. Итальянский историк предложил взглянуть на язык англо-саксонских королевских жалованных грамот *en masse* в контексте европейской юридической мысли и пришёл к выводу о выраженной вариативности английских дипломатических латинских формул и их тесной связи с церковным происхождением англо-саксонского акта (английский перевод: Lupo 2000. Р. 145–172).

Как уже указывалось, риторика раскаяния в «грехах юности» в жалованных грамотах короля Этельреда Нерешительного как попытка справиться с обрушившимися в его правление на Англию неурядицами стала объектом изучения Ч. Инсли (Insley 2001. Р. 113–117) и позже детально Л. Роуча (Roach 2013c). В этой же статье и в своей более поздней работе Инсли предложил рассматривать грамоты как средство выражения королевской «идеологической программы», включавшей в себя покровительство церкви и наделение её земельными угодьями. С приходом датской династии в 1016–1042 гг. и, следовательно, забвением прежней «истории успеха» уэссекского правящего дома Инсли связал видимый спад производства грамот в XI в., вызванный также изменениями в типах церковного патроната среди светской элиты (Insley 2001; 2020. Р. 7–15). Интеллектуальные и культурные достижения двора Этельстана, запечатлённые в грамотах ‘Æthelstan A’, очертил Дэвид Вудман (Woodman 2013). Подобные наблюдения, как и применявшаяся филологическая методика, поспособствовали исследованиям Б. Снука и К. МакКанн. Первый вписал королевские жалованные грамоты 871–975 гг. в общий интеллектуальный контекст эпохи и рассматривал их как выражение менявшейся идейной повестки дня, адресованной воспринимавшей государево послание аудитории, как «метод связи с об-

щественностью», если такое сравнение уместно (Spook 2015a)²²⁰. Вторая, напрямую апеллируя к «метадиplomатике», сосредоточилась на королевской титулатуре (в этом пункте её работа частично пересекается с подходами Лупоя и Снука²²¹) и формулах легитимации в рамках понимания и объяснения современниками источников королевской власти (McCaugh 2018. Р. 47–85). С разрывом в восемь лет в Университете Сент-Эндрюс и Университете Торонто были защищены две диссертации о религиозном наполнении санкций в грамотах. Петра Хофманн интересовалась в первую очередь их культурологическим аспектом как пастырского и идеологического инструмента, особенно в части ритуальных формул (отлучение от церкви, анафема, проклятие: Hofmann 2008), в то время как Касандра Кэсл изучала санкции IX–XI в. корпусным методом скорее с филологической перспективы (Castle 2016). В частности, Кэсл заключила, что постепенный выход чисто духовных наказаний из употребления связан не с их неэффективностью, а с постепенной секуляризацией дипломатического жанра²²². Интересным дополнением к этим двум работам стало сравнение Джилл Фитцджеральд преамбул восьми грамот второй половины X – первой половины XI в.²²³ с поэмой «Genesis A»: и там, и здесь фигурирует тема сотворения мира и падения ангелов после их восстания против Бога, – а также с фактом пожалования необжитых земель (Fitzgerald 2019. Р. 46–51). Также любопытный аспект литературного языка грамот, часто наиболее ярко выраженного в преамбулах, обнаружил С. Смит. Используемый в них высокий стиль и обрамление текста в категориях христианской метафизики приводили к внутренним противоречиям в рамках самих текстов: пожалование обеспечивает небесные блага для дателя, а для получателя лишь земное переходящее имущество; имение как нечто брренное одновременно и не имеет значения, и очень ценно для получателя; жалуемое владение на словах вроде бы вечно, но при этом, как следует из грамот Этельреда, постоянно подвержено риску конфискации (Smith 2012. Р. 28–69).

---

²²⁰ Подробный разбор на русском языке этой значимой для англо-саксонской дипломатики монографии см.: Сухино-Хоменко 2022б.

²²¹ Королевская титулатура в политическом контексте также становилась предметом интереса Р. Дрёгерайта, столкнувшегося, однако с серьёзной критикой своих выводов (подробнее см.: Brooks 2000. Р. 191), и Э. Джона (John 1966. Р. 1–63).

²²² К разочарованию заинтересованной публики, ни одна из диссертаций пока не была превращена в монографию, но оба текста доступны в Интернете (см. библиографию в конце статьи).

²²³ S 745 (966 г.), 821 (963×975 гг.), 853 (984 г.), 953 (1018 г.), 954 (1019 г.), 880 (994 г.), 906 (1004 г.), 1021 (1050 г.).

* * *

Таким образом, с развитием англо-саксонской дипломатики менялись и представления об источниковедческой ценности и функционировании жалованных грамот. В первой половине XX в. их, пожалуй, затмевали документы на древнеанглийском языке. Латинские жалованные грамоты в XX в. в основном были интересны историкам как источник о структуре высших слоёв общества, истории епископских кафедр, исторической топографии, общинном праве и повинностях локальных сообществ и, разумеется, о процессе создания привилегированных имений, тогда как «всё прочее, что они могут дать, вторично по отношению к набору хорошо задокументированных фактов» (Stenton 1955. P. 28). Эти сюжеты и сегодня остаются предметом активного изучения, но в начале XXI в. жалованные грамоты (причём как подлинные, так подложные) рассматриваются и как документальное свидетельство о периоде своего производства и дальнейшего использования (Keynes 2008b. P. 50), «уже одним своим существованием внешне выражающие политические идеи посредством своей документальной природы и внутренне своими разными формулами» (McCann 2018. P. 47–48). Они «не просто фиксировали на письме земельные пожалования, но выводят на свет самых разных людей, от короля до виночерпия» (Snook 2015a. P. 189), и «иллюстрируют саму суть обычного порядка англо-саксонской жизни» (Woodman 2015. P. 37). Если в середине 1950-х грамоты 925–975 гг. могли быть охарактеризованы как «монотонная серия», которая «не вызывает желания последовательно их читать» и ценна только своим количеством (Stenton 1955. P. 66–67), то теперь они предстают «золотым веком» англо-саксонской документальной культуры (Keynes 2013. P. 52).

УКАЗНЫЕ ГРАМОТЫ (*WRITS*)

Особую категорию документов – стоящих на стыке акта и распорядительного послания – составляют тексты, в англоязычной историографии называемые *writ*. Как уже говорилось выше, наиболее точным русским обозначением этой разновидности документов будет, на наш взгляд, словосочетание *указные грамоты*.

Устройство, внешний вид, общие характеристики корпуса. По сравнению с многословными латинскими жалованными грамотами, указные отличает краткий и деловой стиль. Их построение до известной степени пересекается с композицией жалованных, но в целом не

повторяет его. В наиболее полном виде оно включает следующие элементы²²⁴:

- начальный протокол: адресант, адресат, приветствие;
- диспозитивная часть: главное содержание сути королевского уведомления, краткое и информативное;
- объяснение или указание на религиозные мотивы;
- запрет и санкция;
- прощание-благопожелание;
- список свидетелей.

Не все они, впрочем, обязательно присутствуют в каждом дошедшем экземпляре. Адресантом в абсолютном большинстве сохранившихся указных грамот старше 1066 г. является король (112 документов), адресатами – прелаты, эрл, шериф (*scīrgerēfa*), тэны того или иного графства и иные лица (формулировки могут варьироваться)²²⁵. В до-нормандский период указные грамоты всегда составлялись по-древнеанглийски, хотя 12 документов дошли до нас в позднейших латинских переводах и ещё 18 – на обоих языках.

В пергаменных подлинниках сохранились всего семь указных грамот старше 1066 г.²²⁶. Физически они представляют собой горизонтальную полоску пергамента (20–93 x 151–265 мм), на которой помещались несколько строк текста (Barraclough 1954. P. 198). На всех семи остались следы сгибов, так что в сложенном виде грамоты занимали 17–42 мм по вертикали и 23–57 мм по горизонтали (Fenton 2020. P. 52, 55, 204) – перед нами следы того, что они отправлялись адресатам в свернутом виде, что хорошо видно на факсимиле (см.: Facsimiles 1957).

Из этих семи грамот на трёх сохранилась двусторонняя восковая печать Эдуарда Исповедника, размещенная на узкой полоске пергамента, отрезанной (но не до конца) внизу грамоты²²⁷. Печать крупная, 75–78 мм в диаметре, её стиль явно восходит к оттоновской иконографии. На аверсе король изображён сидящим на троне, в его руках скипетр с навершием в виде трилистника и держава. На реверсе король также на

²²⁴ О формуляре указных грамот и его возможных истоках см.: Nagler 1952 [1989]. P. 24–28, 61–73; Timofeeva 2017. P. 55–57. Факсимиле, текст и комментированный перевод грамоты S 1088 см.: Кабитова, Сухино-Хоменко 2022. № 6.

²²⁵ Об адресантах указных грамот см.: Nagler 1952 [1989]. P. 45–54; Сухино-Хоменко 2022а. С. 193, 195–197, 202.

²²⁶ S 1071 (1044×1065 гг., ок. 1044 г.?), 1084 (1065×1066 гг.), 1088 (1052×1066 гг.; см. Илл. 8), 1105, 1125 (1049×1066 гг.), 1140 (1062×1066 гг.), 1156 (1062 г.). См. также: Facsimiles 1957. № 1–3, 20, 24–25, 28; Nagler 1952 [1989]. № 11, 24, 33, 55, 81, 96, 115.

²²⁷ S 1088, 1105, 1140 (см.: Facsimiles 1957. № 3, 20, 25; Кабитова-Сухино-Хоменко 2022. № 6). В S 1105 печать оторвалась, но была, как и сама указная грамота, приделана к жалованной, имевшей отношение к тому же пожалованию (см. с. 147).

Илл. 8. Аверс и реверс печати Эдуарда Исповедника. Прорисовка по: MacFarlane, Thompson 1861. P. 119.

престоле, но в руках у него меч и длинный скипетр с навершием в виде птицы. На обеих сторонах по кромке идёт надпись: + SIGILLUM EADVARDI ANGLORVM BASILEI²²⁸ (Loyn 1984. P. 116–117; Keynes 1988. P. 216; Karkov 2004. P. 158–159; Fenton 2020. P. 66–74). Кроме этой узкой полоски обычно была ещё вторая, более узкая, предназначенная для заворачивания самой грамоты. Во всех трёх случаях печать оттиснута одной и той же парой матриц (Facsimiles 1957. P. XIX–XXII). Ещё у двух документов сохранились следы прикрепления печати – отрезанная внизу полоска пергамента или хотя бы её начало (Facsimiles 1957. № 24, 28). Оставшиеся две грамоты (Ibid. № 1–2) не имеют даже такой полоски, однако сохранились явно не целиком. На этом основании, а также потому, что печати имеют и указные грамоты после 1066 г., всеми учёными печать признается обязательным атрибутом указной грамоты (*sealed writ*)²²⁹. Собственно, указные грамоты – это древнейшие дошедшие до нас английские документы, скрепленные печатью (и единственные – старше 1066 г. [BACS XIII. P. 242]).

Абсолютное большинство сохранившихся указных грамот старше 1066 г.²³⁰ – включая все сохранившиеся в пергаменных подлинниках –

²²⁸ «Печать василевса англоу Эдуарда».

²²⁹ Описание способа прикрепления печати и заворачивания грамот см.: Harmer 1952 [1989]. P. 92.

²³⁰ По подсчету Дж. Барраклафа, выполненному на основании данных Ф. Хармер, из 114 указных грамот старше 1066 г., 49 являются более поздними подделками либо их текст подвергся существенной переработке (Barraclough 1954. P. 212–213). По нашей оценке, на основании замечаний самой Хармер и комментариев в «Электронном Сойере», бесспорными являются 46 документов; 9 скорее всего подлинники; 3 подлинники,

изданы Эдуардом Исповедником (прав. 1042–1066). Всего же известно 100 указных грамот этого короля (S 1063–1162). Также от правления Эдуарда до нас дошли аналогичные документы, изданные королевой Эдитой²³¹ и церковными иерархами, епископом Сивардом и аббатом Вульфвольдом²³². Эти грамоты (как и большинство королевских) касаются передачи земель духовным корпорациям. Сохранилась (в неисправной копии XIII в.) указная грамота нортумбрийского эрла (?) Госпатрика, касавшаяся землевладений и освобождений от повинностей на англо-шотландском пограничье (S 1243). Наконец, известна одна указная грамота последнего англо-саксонского короля Гарольда сына Годвине (S 1163 [1066 г.])²³³.

Сложнее вопрос об указных грамотах более ранних королей. На отдельных листах пергамена таковых не сохранилось, однако в списках известны две грамоты Этельреда (прав. 978–1016)²³⁴, восемь – Кнута (прав. 1016–1035)²³⁵ и две – Хардакнута (прав. 1040–1042)²³⁶. Эти 12 документов несопоставимы с сотней грамот Эдуарда Исповедника и, даже если все они подлинные, показывают слабую распространенность указных грамот до 1040-х гг. Четыре из грамот Кнута дошли до нас в виде

но не оригинальные; 5 содержат подлинную основу; ещё 50 в той или иной степени подложны. Некоторые из документов, включенные в издание Хармер (Harmer 1952 [1989]. № 27, 63, 108; S 1386, 1383, 1242) и исходившие не от королей, а от других лиц (архиепископа, епископа, матери короля), вряд ли можно отнести к числу указных грамот – это деловые письма иных разновидностей (ср.: Barraclough 1954. P. 201; автор не относит к числу указных грамот документ S 1427, исходивший от аббата, но он как раз касается передачи земельных владений). К этому списку можно добавить письмо вустерского епископа Освальда королю Эдгару (964 г.) о практике передачи земель в аренду (S 1368, на латыни, подлинность оспаривалась). Ещё один документ, включаемый в корпус указных грамот, но имеющий несколько другое содержание, – послание монаха Эадсиге винчестерскому епископу, известное в двух списках XII в., – с высокой вероятностью является подделкой (Harmer 1952 [1989]. P. 387–395, 401–403, № 113; S 1428).

²³¹ S 1240 (1061×1066 гг.) и 1241 (1066×1076 гг.).

²³² S 1404 (1045×1048 гг.), на латыни, и S 1427 (1061×1082, возможно 1061×1066 гг.).

²³³ Сохранилась в двух картуляриях XIII в.; скорее всего, подлинная.

²³⁴ S 945 (978×1016 гг.) и 946 (984×1001 гг.), обе порождают сомнения в подлинности. Первая вызывает меньше подозрений, но сохранилась только в списке XVII в. (Oxford, Bodleian Library, James 23 [S.C. 3860]), в релевантной части копировавшем некий не сохранившийся «древний свиток церкви св. Павла» (*rotulus antiquus ecclesiae sancti Pauli*). Вторая дошла в Олд-Минстерской рукописи середины XII в. (London, British Library, Add. 15350), но большая часть комментаторов всё же считает её подложной.

²³⁵ S 985, 986 (1020 г.), 987 (1035 г.), 988 (1035 г.), 989 (?), 990 (1017×1035 гг.), 991 (1017×1030 гг.), 992 (1033×1035 гг.). S 989 и 990 почти наверняка поддельные, подлинность S 989, 991 и 992 под вопросом.

²³⁶ S 996 и 997 (1040×1042 гг.).

современных приписок в богослужебных рукописях²³⁷. Как полагал П. Шапле, эти документы могли и не существовать никогда в виде грамот на отдельных листах, а перед нами, таким образом, записи изустно переданных распоряжений, сделанные получателями пожалований в надёжном и сакральном месте (Chaplais 1973a. P. 56–60). Подлинность большинства остальных ранних указных грамот находится под вопросом (Ibid. P. 55–56). И только грамоты Хардакнута, хотя и дошли до нас в латинском переводе в списках XIV в., сомнений в подлинности не вызывают.

Отсутствие в Книге Страшного суда ссылок на указные грамоты (*breve, sigillum*) кого-либо, кроме Эдуарда Исповедника, Вильгельма Завоевателя и Одо из Байё (Heslop 1980. P. 11), само по себе не означает, что таких грамот не было. Как отмечали Г. Лойн и Ричард Шарп, в отличие от жалованной грамоты, указная издавалась не на вечные времена, но излагала волю конкретного короля по отношению к конкретному бенефициару (например, аббату) и перевыпускалась после смерти того или другого (Loyn 1984. P. 117; Sharpe 2003). Поэтому если даже ко времени переписи 1086 г. у кого-то и сохранялись указные грамоты более ранних королей, их шансы оказаться упомянутыми в Книге Страшного суда были минимальны.

Содержание и формуляр. Почти все известные указные грамоты старше 1066 г. соответствуют единому шаблону: король извещает власти на местах о том или ином решении, затрагивающем местное сообщество. Альберт Фентон в своей диссертации выделяет 30 групп указных грамот на основании отобранных им 102 подлинных и спорных документов – как королевских, так и частных (Fenton 2020. P. 202–203). Однако подобная дробность не должна вводить в заблуждение и связана с фрагментарностью выборки, при которой даже незначительно отличающиеся экземпляры имеют самостоятельную ценность²³⁸. В двух третях грамот содержанием было пожалование (или подтверждение чужого пожалования) земель, юридических и фискальных привилегий

---

²³⁷ British Library, Royal I D. ix, 44v (S 985) и London, Lambeth Palace Library, 1370 (S 986, 987, 988). Кроме них ещё три грамоты этого типа дошли подобным же образом (Fenton 2020. P. 74–85).

²³⁸ Например, автор разводит S 945, 986, 992 и 1163, объединённые общим предметом – объявлением королём о пожаловании юридических и фискальных прав, – но выпущенные разными правителями. В противном случае их можно было бы включить в группу аналогичных уведомлений от лица Эдуарда. О вариантах того, что могло быть пожаловано, см. также: Hamer 1952 [1989]. P. 19. Например, есть грамоты, освобождающие от определенных выплат или переводящие некоего человека с его землями из юрисдикции короля в юрисдикцию епископа (в последнем случае грамота не сохранилась, но на неё есть ссылка в Книге Страшного суда), и т. д.

(40 примеров) или только одних привилегий (25 примеров). В этих случаях документ выполнял функцию, аналогичную функции жалованной грамоты (т. н. *charter-writs*). Эти документы воспринимались как доказательство владельческих прав, их хранили и на них ссылались (Charlais 1973a. P. 54); много таких ссылок имеется в Книге Страшного суда (Harmer 1952 [1989]. P. 19, 543–545; Campbell 1987. P. 214). Получателем этих *charter-writs* в подавляющем большинстве выступают прелаты или их религиозные общины, в чьих архивах и сохранилось то или иное пожалование. Ещё одна статистически значимая (7 примеров) тема указных грамот – объявление королём о сделанных церковных назначениях. В отдельную группу можно выделить пять грамот об освобождении от уплаты *heregeld* (см. примеч. 188) (Fenton 2020. P. 3–6).

Приветствие всегда построено по модели *ille illo salutem* («X [шлёт] приветствие Y») и очевидным образом адаптирует известные классические образцы (Fenton 2021. P. 425). По сравнению с ними древнеанглийский вариант добавляет интересную деталь, а именно уточнение образа приветствия при помощи наречия: короли всегда обращаются к своим подданным и чиновникам «дружески» (*frēondlice*). Напротив, «смиренно» (*ēadmōdlice*) к королю пишет архиепископ Вульфстан в S 1386 (1020 г.). Поскольку за пределами указных грамот, как королевских, так и частных, подобное разделение сохраняется (Timofeeva 2019. P. 57–59)²³⁹, «дружеское» обращение следует считать частью формуляра. Далее протоколы королевских указных грамот делятся на две неравные группы по своему синтаксическому построению (Fenton 2021. P. 426–430):

1. «король *N* приветствует епископа *NN* и эрла *NNN* и всех своих тэнов в графстве *X*» (74 шт.); здесь могут быть вариации, как правило, в виде удлинения списка посредством добавления более одного епископа/эрла или иных лиц; сама по себе иерархия имеет прецеденты, начиная с законов Инэ;

2. «король *N* приветствует своих епископов и своих эрлов и всех своих тэнов в графстве *X*» (22 шт.).

Уведомительная формула, предшествующая сути сообщения, также практически без исключений повторена почти во всех дошедших экземплярах и состоит из четырёх слов: *īc cūðe ēow þæt* («я сообщаю вам, что»). Очевидно, что она уже устоялась к началу правления Кнута, поскольку встречается в его т. н. первом письме к англичанами (Sn 1020) и, возможно, также употреблялась во втором (Sn 1027), дошедшем

²³⁹ Впрочем, в завещании S 1521 формула несколько отличается ([*L*]eofgiue gret hyre leuedi godes gretinge, «Леофгифу приветствует свою госпожу Господним приветствием») и не включает наречий.

только в латинском переводе XII в. (Timofeeva 2019. P. 60–62). Сама же диспозитивная часть содержит множество пар слов, часто аллитерирующих, которые определяют пространство, где делается пожалование или даётся привилегия. Они в свою очередь могут быть разделены на:

1. подчеркивающие полноту физического пространства (= везде);
2. описывающие временные рамки («как и предшественники» или «при моей жизни и в будущем») (Fenton 2021. P. 430–434).

Эти дипломатические формы, в которые обрамляется суть сообщения, при ближайшем рассмотрении оказываются необычайно устойчивыми. За весь англо-саксонский период не появилось ни одной новой формулы, и даже после смены языка делопроизводства в канцелярии Вильгельма Завоевателя использовались латинские эквиваленты этих формул. Для тех, кто имел дело с письмом, этот переход обеспечил сохранение документальных норм и шаблонов указных грамот. Для мирян, воспринимавших указы только на слух, переход означал барьер на пути к пониманию (Timofeeva 2019. P. 66–74).

Происхождение и связь с королевской канцелярией. Немало чернил в историографии было пролито по вопросу о происхождении указных грамот. Камнем преткновения является фигурирование в источниках отдельных элементов, являющихся неотъемлемой частью указных грамот, ссылок на них или описания практик функционирования *gewritas* задолго до появления первых физических подлинников.

Слово *(ge)writ* в языке англо-саксонского делопроизводства употребляется не терминологично и означает просто «документ» или «что-то написанное»²⁴⁰, поэтому его наличие в источниках само по себе не показательно. Ряд учёных первой половины XX в. полагали, что указные грамоты издавались с VII в., хотя позитивных доказательств в пользу столь ранней даты всё-таки нет (см. ссылки: Barraclough 1954. P. 199). Наиболее последовательно точку зрения о раннем распространении указной грамоты обосновала Ф. Хармер. В качестве главного аргумента приводилось упоминание «письменного распоряжения твоего господи-

²⁴⁰ Например, в приписке на оборотной стороне S 1508 завещание названо именно таким образом: *Pis is elfredes erfes gewrit* («Это – документ на наследство [элдормена. – Авт.] Альфреда»). В тексте S 1507 завещание короля Альфреда также названо *gewrit*. Один из упомянутых выше королевских сборников законов 960-х гг. открывается словами: «В этом документе излагается, как король Эдгар искал, какое может быть избавление от внезапного мора, обрушившегося с силой на его народ под его [Эдгара] властью и проредившего его» (*Her is geswutelod on þisum gewrite, hu Eadgar cyneg wæs smeagende, hwæt to bote mihte æt þam færcwealme, þe his leodscype swyðe drehte 7 wanode wide gynd his anweald.* – IV Ed Prolog).

на и его печати»²⁴¹ в первой книге альфредовского перевода «Монологов» Августина Блаженного. По мнению Хармер, которая следовала здесь за В. Гэлбрейтом, из этого следует, что во времена Альфреда распорядительные письма с печатями были уже обычной практикой. Аналогичные формулировки встречаются в источниках применительно ко времени правления Этельреда Нерешительного и Эдуарда Исповедника, когда указные грамоты уже, несомненно, существовали. Также Хармер обратила внимание на сходство начального протокола альфредовского предисловия к древнеанглийскому переводу «Обязанностей пастыря» Григория Великого²⁴² и позднейших указных грамот. Из этого исследовательница заключала, что указные грамоты издавались королями как минимум с конца IX в. (Harmer 1952 [1989]. P. 3, 10–13; ср. также: Keynes 2003. P. 189–190). К указанным Хармер свидетельствам можно было бы добавить еще древнеанглийскую грамоту S 1432 (822/823 г.). В одной из четырех её дошедших версий (London, British Library, Add. 46204, XI в.) епископ отправляет не вестника (*ǣrendwreca*), а «письменное распоряжение» (*ǣrendgewrit*). Однако более вероятно позднейшая модернизация текста, поскольку, как замечала А. Робертсон, составитель этой рукописи копировал грамоты менее точно и полно, чем иные переписчики, имевшие дело с теми же документами (Anglo-Saxon Charters 1956 [2011]. P. 263; см. также: Кабитова, Сухино-Хоменко 2022. № 5, примеч. 25).

Эти аргументы подверглись критике со стороны Дж. Барраклафа. По его мнению, слова *gewrit* и *ǣrendgewrit* могли обозначать разные письменные тексты, не обязательно указную грамоту в том виде, как она известна по физическим образцам. Всё выражение не обязательно понимать как «письмо с [подвешенной] печатью»: это могли быть, например, письмо и какой-то верительный знак, удостоверявший полномочия посланника, например перстень-печатка или иная печать-матрица (в последнем значении *insegel* встречается в Фонтхильском письме). Именно так С. Кейнз предлагал интерпретировать три печати-матрицы, датированные правлением Этельреда. Две из них изготовлены из моржовой кости²⁴³, одна – из бронзы²⁴⁴. Все они выполнены в

²⁴¹ ...*ðines hlafordes ǣrendgewrit and hys insegel* (King Alfred's Version 1962. P. 62, lines 22–23; EHD. P. 918).

²⁴² «Король Альфред велит приветствовать епископа Вертферта теплыми и дружескими словами, и я велю сообщить тебе, что...» (*Ælfred kyning hateð gretan Wærferð biscep his wordum luflice ond freondlice, ond ðe cyðan hate ðæt...* – Schreiber 2003. P. 191, lines 1–2). Разбор альфредовских предисловий см.: Irvine 2015; более общий анализ в рамках «альфредовского проекта», а также каролингском контексте: Pratt 2007. P. 115–129.

²⁴³ + SIGILLUM B GODFINI MINISTRI («печать *minister* Б Годвине» – значение литеры «b» не ясно [*beat?*], не исключена ошибка резчика), найдена в Уоллингфорде (Берк-

единой технике, близкой к той, что использовали резчики чеканов на монетных дворах этого времени, а упоминание в одной из них, что владелец является *minister*, заставляет видеть в нём именно королевского посланца (Keynes 1980 [2005]. Р. 137–139; 1990. Р. 246–247). В 2010 г. коллекция пополнилась ещё одним экземпляром в бронзе²⁴⁵. Сходство начального протокола указных грамот и альфредовского предисловия тоже неспецифично – речь идет о начальном протоколе писем вообще. Как показывает О. Тимофеева, аналогичные приветственные формулы типа «*X* таким-то образом приветствует *Y*» с использованием глагола *grētan* фиксируются в эпистолярном жанре с конца X в. (Timofeeva 2019. Р. 57–60). Поэтому выделенное сходство ещё не доказывает существования во времена Альфреда именно указных грамот; более того, есть и вполне конкретные различия (Barraclough 1954. Р. 200–205). Эти соображения были развиты П. Шапле: в случае с Альфредом речь может идти о письме *и* печати, т. е. о том, что, наряду с письмом, был отправлен оттиск печати, не прикрепленный к документу, – практика, известная в ряде стран средневековой Европы для удостоверения тех или иных полномочий. Сходство начального протокола также доказывает лишь общность традиции королевских посланий, но не появление такой специфической разновидности документов, как указные грамоты, уже в IX в. (Charlais 1973a. Р. 51–54).

Дж. Барраклаф вернулся к представлению, господствовавшему до работы Ф. Хармер, что данные об указных грамотах у нас имеются лишь с правления Этельреда, т. е. нет оснований датировать возникновение этого института ранее конца X в. Что же касается двусторонней восковой печати – атрибута древнейших дошедших до нас в подлиннике указных грамот Эдуарда Исповедника, – то Барраклаф (вслед за Г. Бресслау) полагал, что она появилась в правление Кнута. Оснований к тому он видел три (Barraclough 1954. Р. 205–211):

1. сходство ранних английских и датских печатей (происходящих, значит, от общего корня, каковым могла быть печать Кнута, занимавшего оба эти трона);

шир) в 1879 г., имеет размеры 83×45×8 мм; и + SIGILLUM WULFRICI («печать Вульфрика»), найдена в Ситтингбурне (Кент) в 1976 г., имеет размеры 83×38×8 мм (Heslop 1980. Р. 5–6).

²⁴⁴ + SIGILLUM ÆLFRICI A («печать Эльфрика А»), найдена в Уике (Гэмпшир) в 1832 г., около 45 мм в диаметре (Heslop 1980. Р. 4).

²⁴⁵ + SIGILLUM ÆLFRICUS («Печать Эльфрик[а]»), найдена в Гэмпшире любителем с металлодетектором, имеет размеры 55×45×6 мм. Подробнее обо всех четырёх см.: Fen-ton 2020. Р. 130–136; обзор данных об англо-саксонских печатях см. также: Гимон 2014. С. 31–33.

2. сходство печати Эдуарда с печатью императора Конрада II (прав. 1027–1039), использовавшейся в 1027–1029 гг. и могшей послужить образцом для печати Кнута;

3. изображение на печати Эдуарда монарха с обеих сторон (оно было бы логичным как раз во времена Кнута – короля одновременно разных королевств).

Томас А. Хеслоп, впрочем, позже сомневался в существовании печати Кнута (Heslop 1980. P. 3, 10), а Генри Лойн (1922–2000) и С. Кейнз полагали, что печать Эдуарда основывалась на современных ей имперских и/или французских образцах (Loyn 1984. P. 116; Keynes 1988. P. 216), за тем исключением, что была подвисяной, а не оттиснутой. С. Краймз, А. Фентон и Кэтрин Карков возводят двустороннюю печать Эдуарда к двусторонним же папским и византийским имперским буллам (Chrimes 1966. P. 15; Fenton 2020. P. 74), хотя Карков не исключает и происхождения от гипотетической печати Кнута (Karlov 2004. P. 159).

Тем не менее очевидно, что указная грамота, как мы её знаем, появилась не спонтанно на рубеже X–XI вв. Судя по тому, что самые ранние образцы предстают вполне законченными документами, типологически и структурно идентичными более поздним, их должен был предварять какой-то период генезиса, впервые, по-видимому, отразившийся в текстах Альфреда (Loyn 1984. P. 115). Некоторое омоложение этой дипломатической практики П. Шапле и его стремление развести её и королевское администрирование построены на его отторжении идеи королевской канцелярии в принципе. Так, отрицание им работы центрального секретариата в 956 г. строилось, среди прочего, на той посылке, что у монархов не было потребности в большом штате писцов, поскольку «объём королевской переписки вряд ли был масштабным» (Charlais 1985. P. 43). Сегодня это положение требует пересмотра. Во-первых, С. Кейнз, на наш взгляд, всё же смог продемонстрировать существование королевской канцелярии на протяжении X в. даже в отсутствие её описаний в источниках – следовательно, имелся подготовленный аппарат, способный вести делопроизводство. Отдельные его «сотрудники» даже известны поимённо: у нас имеются крупницы указаний на отдельных писцов при королевских дворах (Keynes 1980. P. 134–136). Во-вторых, он же привёл аргументы в пользу существования практики письменного общения короля и локальных сообществ по вопросу об отправлении правосудия уже в 930-е. Среди юридических памятников времён Этельстана два – это письменные распоряжения короля его управляющим (I As и As Alm), один включил, вероятно, аналогичное

предписание (VI As 11), и ещё один (III As)²⁴⁶ – по сути отчёт кентских епископов и знати, направленный королю (Keynes 1990. P. 235–241). Повелевая уладить местную судебную тяжбу, король Этельред отправил «письмо и печать» (*gewrit and his insegl*) кентерберийскому архиепископу Эльфрику (занимал кафедру в 995–1005 гг.), S 1456 (995×1005гг.) – возможно, как и в тексте Альфреда, речь по-прежнему шла о двух разных физических объектах. Чуть раньше, согласно S 1454, тот же монарх отправил с аббатом Эльфхере на суд графства только печать-*insegl*. От правления Кнута известны два его письма подданным 1020 и 1027 гг., которые также использовали в приветствии уведомления, характерные для указных грамот (см. с. 135). Вполне вероятно, что короли отправляли и простые распорядительные послания (Barraclough 1954. P. 213; Kelly 1990. P. 47; Keynes 1990. P. 247–248), однако мы не знаем, был ли их формуляр таким же, как у указных грамот, и были ли они скреплены печатью (Charlais 1973a. P. 54–55; Kennedy 1985. P. 192).

Обоснованным нам представляется считать, что указные грамоты в полноценном виде – короткие уведомления компактного формата, удостоверенные подвисяной печатью, – полностью приняли классический вид действительно где-то к правлению Кнута, но им предшествовала длительная стадия, на которой отдельные элементы (уведомительная и приветственная формулы, верительный знак как физический объект, само обыкновение письменного администрирования) уже существовали и использовались, но ещё не были сведены в единую форму, заместившую все прочие.

По мнению Дж. Барраклафа, очень высокий процент подделок среди дошедших до нас указных грамот «старше 1066 г.» говорит о том, что этот тип документации «получил самостоятельное значение как правоустанавливающий документ уже после Нормандского завоевания – как средство защиты прав и владений перед лицом завоевателей», что хорошо засвидетельствовано Книгой Страшного суда (Barraclough 1954. P. 213). В любом случае очевидно, что указные грамоты, относящиеся к земельным пожалованиям (*charter-writs*), имели наибольшие шансы дойти до нас. В посленормандское время известны указные грамоты, содержащие королевские распоряжения самого разного рода, причём такие документы просуществовали намного дольше, чем *charter-writs* (Sharpe 2003. P. 247–248).

При сказанном, конечно, не стоит преувеличивать степень бюрократизации англо-саксонского «государственного управления» даже

---

²⁴⁶ Следует иметь, правда, в виду, что III As сохранился только в латинском переводе ок. 1107 г.

в поздний период. П. Шапле оправданно приводил ряд соображений в пользу нередкой устной передачи королевских распоряжений даже в первой половине XI в., через наделенных полномочиями послов, и здесь, как ни странно, такую же позицию занял его академический оппонент С. Кейнз (Keynes 1990. P. 244–248). Семь случаев, когда указная грамота сохранилась на страницах богослужебных книг²⁴⁷, теоретически могут быть примерами записи неких изначально устных распоряжений (не обязательно королевских) (Charlais 1973a. P. 55–60)²⁴⁸. По гипотезе Шапле, такая форма записи была удобна для духовных корпораций, но не подходила светским аристократам, и именно поэтому к середине XI в. появилась новая форма фиксации пожалований – указные грамоты (Charlais 1973a. P. 60). Впрочем, А. Фентон, подробно рассмотрев эти семь примеров, обосновал мнение, что они всё-таки могли быть копиями утраченных оригиналов на отдельных листах (Fenton 2020. P. 74–82). Однако и в пользу устного слова как средства локального администрирования и государственной коммуникации говорят некоторые недвусмысленные примеры. Так, грамота S 1462 (1016×1035 гг.) сообщает, что на суд в Херефордшире «прибыл Тофи Гордый по королевскому поручению»²⁴⁹; в рассказе о преступлениях Вульфальда, вставленном в одну из «покаянных» грамот Этельреда (S 877), король четырежды посылал тому приказы (*send se cyng him to*); согласно Англо-Саксонской хронике (рукописи C, D, E), в 1014 г. некие королевские посланцы вместе с этелингом Эдуардом (*Eadward mid his ærendracan*) были отправлены королём из Нормандии в Англию для ведения переговоров о возвращении на престол: «...и велел [король] приветствовать весь свой народ и сказал, что желает ему быть верным господином... и полная дружба была подкреплена с обеих сторон словами и клятвами»²⁵⁰, – судя по отсутствию уточнений, видимо, во всех случаях непосредственно суть послания могла передаваться в устной форме. На это намекает, например, и отсутствие письма-*gewrit* в паре к упоминаемой печати-

²⁴⁷ См. примеч. 237. Об этой практике, распространившейся из Кентербери, см. также: BACS XVII. P. 53–58, 143–147.

²⁴⁸ Критику данного положения см. в: Kennedy 1985. P. 192, п. 67.

²⁴⁹ *7 Tofig þruda com þær on þæs cinges ærende*. В похожих выражениях в рукописи D Англо-Саксонской хроники описана миссия йоркского архиепископа Эалдред (в тот момент – вустерского епископа) на континенте в 1054 г.: *Ðæs ilcan ger(er)es for Aldred biscop to Colne ofer sæ, þæs kynges ærende...* («В тот же год отправился епископ Эалдред за море в Кёльн по королевскому поручению...» – ASC. Vol. 6. P. 74).

²⁵⁰ *...7 het gretan ealne his leodscipe 7 cwæð þæt he heom hold hlaford beon wolde... 7 man þa fullne freondscipe gefæstnode mid worde 7 mid wædde on ægðere healfе* (цит. по рукописи E: ASC. Vol. 7. P. 71). Слова *7 het gretan* явственно пересекаются с приветственной формулой послания Альфреда епископу Верферту.

insege в S 1454: видимо, собственно распоряжение короля было передано на словах, а печать удостоверяла полномочия его представителя (Charlais 1973a. P. 56)²⁵¹ (см. далее: Золотарёв 2005. С. 101).

Причины возникновения. Вопрос, следовательно, надо переформулировать: не «когда появились указные грамоты», а «почему они появились (широко распространились) именно в начале – первой трети XI в.»? Высказывалось мнение об устаревании «обронзовевших» жалованных грамот как документальной формы и их постепенном вытеснении указными (см. ссылки и критику в: Harmer 1952 [1989]. P. 41–45; Kenpedy 1985. P. 190–191), что должно объяснить снижение числа жалованных при одновременном взрыве производства указных. Снабжённая печатью указная грамота якобы воспринималась как более авторитетное обоснование владельческих прав (Charlais 1973a. P. 49–50; см. там же ссылки на предшествующие работы: *Ibid.* N. 51). Такое толкование, на наш взгляд, несколько «срезает углы». Эволюция использовавшихся типов почерка и эксперименты в протоколе жалованных грамот разных серий, особенно включение в них на рубеже тысячелетий развёрнутых нарративов о королевском раскаянии и историй имений, свидетельствуют в пользу определённой адаптивности письменных процедур (Insley 2001. P. 111). Помимо этого, указная и жалованная грамоты – два разных документальных жанра. Указная дополняла жалованную: будучи написанной на древнеанглийском языке и адресованной современникам, она более ясно объявляла о смене владельца и т. п. (Keynes 2014. P. 103). Имеется один пример, когда сохранились, причём в подлиннике, и указная, и жалованная грамоты, относящиеся к одному и тому же пожалованию Эдуарда Исповедника²⁵². При этом в тексте указной грамоты содержится предписание епископу составить жалованную грамоту²⁵³. Печать в какой-то момент оторвалась от указной грамоты, но была, как и сама указная грамота, приделана к жалованной²⁵⁴. Следовательно, эти две разновидности документов не конкурировали, а дополняли друг друга (Keynes 1980 [2005]. P. 140–142; 2013. P. 135–137).

²⁵¹ Правда, С. Кейнз видит здесь возможность, что печать всё-таки скрепляла королевское послание, ссылаясь на то, что выражение *sigillum regis* в одной из указных грамот Эдуарда Исповедника обозначает как раз этот документ, а не печать как таковую (Keynes 1990. P. 246).

²⁵² S 1028 (1059 г.), 1105. См. также: Harmer 1952 [1989]. P. 35–37, 244–245, № 55; Facsimiles 1957. № 20.

²⁵³ Это заключительная фраза указной грамоты: *7 ic wille þ se biscop dihte bōc þær to be minan fullan geleafan* («И я хочу, чтобы епископ составил об этом грамоту с моего полного позволения»).

²⁵⁴ О том, как этот комплекс документов выглядит сейчас, дает представление серия фотографий в: Facsimiles 1991. № 20–21.

Продуктивным кажется помещение появления указных грамот в общеполитический и социальный контекст. Ещё Дж. Барраклаф связывал их зарождение со складыванием единого английского королевства и его более комплексной административной, фискальной и судебной системой²⁵⁵. Появление в монарших руках новых структур управления делало возможным эффективное администрирование, включая и извлечение доходов. Именно в это время законодательные источники начинают более детально перечислять фискальные права короля и землевладельцев, что свидетельствует о более дифференцированном подходе к их осуществлению. По-видимому, нововведения Эдгара и последующих королей делали взимание штрафов более регулярным, что, в сочетании с ростом городов и монетизацией экономики, вело к большей стабильности этой статьи доходов. Участие нового чиновника, шерифа, в отправлении правосудия могло ко времени составления Книги Страшного суда вести к формированию представлений о юрисдикции: тот, кто участвует в правосудии, имеет право на долю от судебных приговоров, и наоборот. Сами землевладельцы могли отныне воспринимать свои фискальные права не единым блоком, а дифференцированно, и создавать временные держания на условиях получения только некоторых форм дохода (Lambert 2017. P. 308–309 ff).

Если в более ранний период государи передавали весь «пакет» владельческих прав одновременно, и эту транзакцию отражала жалованная грамота, то к началу XI в. он мог дробиться. Это прекрасно иллюстрируется характером описания даруемых прав: если в жалованной грамоте список привилегий излагался негативно (т. е. давался список того, что король удерживал – *trinoda necessitas*), то в указной – позитивно (т. е. перечислено то, что король жаловал). Если, например, в указной грамоте значились только *sacu ond sōcn* (обычные фискально-юридические права), то остальные, вероятно, исключались.

Возможно, подобная точность могла требоваться при разграничении сфер интересов, например, с тем же шерифом. Фискальные права могли быть и объектом узурпации: если шериф участвовал в наказании преступника, он, естественно, ожидал вознаграждения – уточнение прав и их фиксация в указных грамотах должны были защищать землевладельцев от таких посягательств. Развивая мнение Р. Шарпа, Т. Ламберт предполагает, что интерес землевладельцев к сохранению

---

²⁵⁵ Барраклаф избегал точных датировок и использовал обтекаемые формулировки («после датских войн», «в дни св. Дунстана»). Новейшая историография относит эти реформы (создание регулярного административно-территориального деления, введение новых должностей, унификация монетного чекана) ко второй половине или даже последней трети X в. (Molyneux 2015. P. 116–194).

указных грамот был обусловлен стремлением обезопасить себя от притязаний других наследников или владельцев. Владетельные лица могли через шерифов и эрлов обращаться к государю с просьбами написать указную грамоту, и, если та содержала не полный набор традиционных фискальных прав, приходилось жертвовать доходами (Lambert 2017. P. 342–348; ср.: Fenton 2020. P. 156–174). Например, в часто цитируемой грамоте S 985 архиепископ Люфинг-Эльфстан в ответ на королевское позволение написать грамоту о «свободах» кафедрального приората Кентербери (*Cristes cyrcean freols*) посетовал, что «он имел много грамот, если бы только они защищали от чего-нибудь» (*he freolsas genoge hæfde gyf hi aht forstodan*). Возможно, не случайно, что следующий архиепископ позаботился о том, чтобы обзавестись указной грамотой (S 986), подтверждавшей его юридические и фискальные права (Pratt 2018. P. 199–201).

Сугубо историко-юридическое объяснение Ламберта, впрочем, нуждается в дополнении, поскольку оно касается в первую очередь *charter-writs*. По мере расширения королевства и усложнения его устройства, можно полагать, имела место также и «рутинизация» королевской власти: в ею же институционализированных и унифицированных судах всё более возрастал спрос на формальным образом выраженное проявление королевской воли. Например, согласно уже упомянутой S 985, Кнут отреагировал на замечание архиепископа, лично возложив в присутствии свидетелей грамоты о «свободах» на алтарь, по видимому, в устной форме торжественно подтвердив их и предав анафеме любого нарушителя²⁵⁶. В условиях невозможности личного посещения монархом каждого собрания каждого графства, не говоря уже о сотнях и уапентаках, указная грамота могла быть своего рода суррогатом королевской харизмы, заменой присутствия государя и донесением его воли (см. обсуждение: Kennedy 1984. P. 190–194; Insley 2001. P. 119–120).

²⁵⁶ *Pa nam ic me sylf þa freolsas 7 geléde hi uppan Cristes agen weofod on þæs arceb gewitnysse. 7 on Þurkilles eorles. 7 on manegra goddra manna þe me mid wæron to ðan ylcan foreweardan þe hit Æþelbyrht cing gefreode. 7 ealle mine foregencgan. þ næfre nan man ne sy swa dyrsti. sy he gehádod. sy he læwode þ ænig þara þinga gelytlie þe on ðam freolse stænt. Gyf hit hwa þænne dó. sy his lif her gescert. 7 his wunung on helle grunde bu tan he hit þe stiðlicor gebéte ær his ænde be þæs arcebisceopes tæcincge* («Тогда я сам взял грамоты о свободах и возложил их на собственный алтарь Христов при свидетельстве архиепископа, эрла Торкеля и многих добрых людей, что были со мной, с теми же условиями, на которых король Этельберт освободил его [= алтарь] и все мои предшественники: чтобы никто никогда не был столь дерзок – будь он клирик, будь он мирянин, – чтобы уменьшить то, что сказано в грамоте о свободах. И если кто это сделает, да будет его жизнь здесь [= земная] укорочена и да будет его пребывание в земле ада, разве что он более глубоко покаяется перед смертью по указанию архиепископа»).

М. Клэнчи относил это явление к правлению Генриха II (Clanchy 1979. P. 66–67), однако, как было показано после выхода первого издания его монографии²⁵⁷, письменное слово в управленческих практиках и «прагматичная грамотность» среди англо-саксов были более распространены, чем считалось в 1970-е.

* * *

Итак, институт указной грамоты, несомненно, существовал в Англии к 1040-м гг., а, возможно, и ранее. Время его зарождения по-прежнему неясно. Мнение о том, что указные грамоты (как они известны по позднейшим, физически сохранившимся образцам) применялись уже в конце IX в., представляется несостоятельным. В то же время вероятно, что эта разновидность документов складывалась постепенно. Зачаточными формами указной грамоты могли быть, например, распорядительное послание на полоске пергамента, но без печати, или же послание, переданное изустно, но с гонцом, имевшим при себе какой-то удостоверительный знак. К сожалению, конкретных данных на этот счёт у нас пока слишком мало, а об указной грамоте как о сложившейся разновидности документов можно говорить лишь применительно к XI в.

Нельзя исключить, что именно к правлению Кнута стала очевидной потребность в новой форме официальной, торжественной записи королевских распоряжений. Одним из решений (со стороны окружения короля) могло быть гипотетическое появление двусторонней печати в 1030-е. Другим (со стороны архиепископа Этельнота – документы S 985–988 относятся к его правлению и касаются владений и привилегий Кентерберийской кафедры) стала запись королевских распоряжений в церковных книгах. Возможно, этот интенсивный поиск был дополнительно подстёгнут обширностью державы самого Кнута и, соответственно, зачастую еще большим расстоянием между королем и теми, кто должен был выполнять его распоряжения; возможно – с «пришлостью» Кнута, которая требовала дополнительных механизмов фиксации его воли, – всё это уже, разумеется, не более чем спекулятивные рассуждения.

---

²⁵⁷ См. выше, с. 138–139.

ОТ «ТЕОРИИ» К «ПРАКТИКЕ»:
КОРОЛЕВСКИЕ ГРАМОТЫ В РЕАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Сведений о практической стороне бытования королевских грамот в нашем распоряжении меньше, чем хотелось бы, но кое-что всё же сказать можно.

Изготовление. Мы располагаем достаточными данными, чтобы постулировать подготовку грамоты как физического объекта до момента самого пожалования. Как правило, весь текст писал один и тот же индивид. Он, видимо, сначала выбирал пергамен подходящего размера, исходя из объёма текста, линовал его, обрезал края и только затем брался за перо (Keynes 1980 [2005]. Р. 155, п. 4). Для раннего периода П. Шапле убедительно показал, что основная часть текста могла писаться на первом этапе и только спустя какое-то время дополняться, например, списком свидетелей или иными элементами²⁵⁸. Вероятная интерпретация такой паузы предполагает задействование грамоты в церемонии наделения землёй, о чём могли, видимо, составляться какие-то черновые записи²⁵⁹, после чего документ возвращался к писцу, который добавлял информацию из них в основной текст, а также – после закрепления этого элемента в формуляре англо-саксонской грамоты – копировал описания границ передаваемого имения, заранее, надо полагать, составленные начерно непосредственно на месте (Keynes 2013. Р. 67). В X в. ситуация усложняется: большинство оригиналов на отдельных листах написаны в один этап (но не всегда, как, например, в случае S 690: один писец выполнил основной текст, второй добавил дату и список свидетелей)²⁶⁰. П. Шапле, Ч. Инсли и С. Келли интерпретировали это обстоятельство как доказательство физического производства грамот по черновым записям уже после церемонии наделения землёй, но С. Кейнз считает, что грамоты могли быстро изготавливаться непосредственно во время королевских собраний (которые продолжались несколько дней) и успевать быть задействованными в ритуале (Keynes 2013. Р. 75–76). Черновые записи при этом всё равно велись, о чём свидетельствуют совпадения в списках свидетелей разных грамот – очевидно, переписчики имели в своём распоряжении идентичный материал (Keynes 1980 [2005]. Р. 87). Иногда происходили какие-то сбои

---

²⁵⁸ Например, S 8, 89, 155, 171.

²⁵⁹ Есть несколько примеров, когда список свидетелей пришивался на отдельной полосе пергамена к основному листу: S 163 (808 г.), 293 (843 г.). Вероятно, это и были те самые черновики, по каким-то причинам не скопированные в основной текст.

²⁶⁰ Другие грамоты на отдельных листах, написанные в два этапа, этого времени включают, например: S 416, 464, 512, 535, 624, 717.

и единоэтапный процесс нарушался: например, в S 416 осталось место для нескольких свидетелей, и второй писец вписал два имени; в S 512 пятый столбец имён *ministri* мог бы вместить ещё шесть имён, а основной текст первоначально содержал пропуск для описания границ, заполненный тем же писцом, но, видимо, позже (Keynes 2013. P. 169–171). Особенно яркий пример сознательных лакун, чуть ли не как в «анкете», в основном тексте представляет S 624, где имя получателя, его должность, название имения и фискальная оценка последнего были вписаны тем же почерком, но позже (Roach 2013a. P. 84; Keynes 2013. P. 173–174).

В отсутствие сохранившихся формуляриков мы не знаем, чем именно руководствовался писец за работой, но целый ряд текстуальных совпадений (причём часто со значительным хронологическим разрывом) говорит о том, что, по крайней мере на протяжении «золотого века» англо-саксонской королевской грамоты, перед глазами переписчика могли быть более ранние образцы пожалований для копирования (Snook 2015a. P. 175–187). Вполне логично потому думать, что непосредственный писец и исходный составитель текста не всегда были одним и тем же лицом.

Что же касается указных грамот, сведений об их физическом производстве меньше. Дж. Барраклаф предполагал, что они писались в пергаменном свитке, а потом отрезались (Barraclough 1954. P. 198), хотя ничуть не менее вероятен, на наш взгляд, и вариант их написания сразу на узких полосках пергамена, при этом обычно они не линовались, потому что из дошедших оригиналов только в S 1140 присутствуют направляющие линии (Fenton 2020. P. 52). Как бы то ни было, на пергамене не оставалось места под восковую печать-оттиск. Судя по всему, использование подвисного способа прикрепления было осознанным и помогало сворачивать и разворачивать грамоту без нарушения целостности печати, что ещё раз говорит о её значимости как самостоятельного аутентифицирующего объекта.

Церемониал и перформативность. Безусловно, наделение землёй было публичным актом²⁶¹, что и удостоверял список свидетелей. Некоторое представление о том, как эта церемония могла совершаться, даёт «Житие св. Эгвина», составленное в начале XI в.: описание первоначального пожалования бокленда для основания Ившемского монастыря мерсийским королём Коэнредом (прав. 704–709) могло быть вдохновлено уитенагемотами рубежа тысячелетий (Roach 2013a. P. 86). Возможно, чем более значимыми становились королевские собрания, тем более нарастала формализованность. Принимались ли решения о

---

²⁶¹ См. об этом на более позднем материале: Касатов 2019.

том или ином пожаловании непосредственно в ходе собрания, или оно лишь оформляло уже имевшиеся договорённости – вопрос открытый. В пользу первого сценария мог бы свидетельствовать эпизод из «Хроники аббатства Рэмси», в котором король Эдгар, вняв увещаниям йоркского архиепископа и одного из элдорменов, тут же повелел составить грамоту (Ibid.). Этот рассказ записан спустя два столетия, хотя похожее указание на просьбу церковного получателя содержится в S 876 (см. примеч. 163). В пользу второго может говорить пара из жалованной грамоты S 1028 и указной S 1105. Сначала король Эдуард Исповедник передал имение аббатству Сен-Дени где-то в середине 1050-х гг. и повелел епископу составить соответствующий документ, но само пожалование было оформлено только несколько лет спустя, при этом, согласно окончанию текста, документ был вручён бывшему королевскому лекарю, в тот момент обретавшемуся монахом в одариваемой обители, т. е. можно предполагать, что его участие было заранее согласовано, поскольку текст написан одним почерком (Facsimiles 1991. №21; Harmer 1952 [1989]. P. 538–539; Keynes 2013. P. 130–131).

Видимо, такое же сочетание обихованных поводов к написанию сопровождало и указные грамоты. Как говорилось выше, Т. Ламберт считает, что какие-то из них писались по запросу самих бенефициаров как своего рода «охранительные грамоты» в столкновениях с шерифами. Но ничто не мешало инициативе исходить и от самого монарха в ходе обычной процедуры пожалования.

По крайней мере для позднего периода есть основания полагать, что текст жалованной грамоты – целиком или только в наиболее значимых фрагментах – зачитывался вслух. В частности, именно этим может объясняться особенное пристрастие к аллитерации и превращение языка изначально простого правоустанавливающего документа в образец учёной литературы. В таком случае тем более логично предполагать использование уже готовой грамоты в церемонии – самый внешний вид грамоты, её парадное письмо и христогограмма должны были служить к внушению ощущения значимости обряда, но и чтец едва ли декламировал десятки сложных выверенных текстов наизусть. Едва ли вся аудитория воспринимала грамоты со слуха, но общий смысл, вероятно, доходил до наиболее образованных членов собрания, а остальные, должно быть, просто находились под впечатлением от действия (Snook 2015a. P. 67–71). Переводилось ли при этом содержание на древнеанглийский язык, не известно, но можно думать, что публика была привычна к диспозитивной части пожалования и, конечно, не испытывала затруднений с древнеанглийскими фрагментами. По аналогии с другими торжественными событиями, монарх, возможно, восседал перед свои-

ми избранными подданными во всём царственном величии. Судя по некоторым формулам, возможно, церемония включала публичную аккламацию присутствовавшими. Исходя из упомянутого выше отчёта папского легата Георгия, по крайней мере на собрании нортумбрийских иерархов и магнатов после оглашения им постановлений присутствовавшие поклялись соблюдать их и собственноручно подписали знаком креста. Однако в имеющихся грамотах на отдельных листах мы едва ли видим автографы. Может быть, участники лишь символически касались пергамента или вовсе чертили крест в воздухе (Keynes 2013. P. 64–66). Для наиболее ранних пожалований вероятно, что церемония включала в себя также возложение грамоты на алтарь, иногда вместе с пригоршней земли (или куском дёрна), иногда же горсть земли (дёрн) или сама грамота клались на евангелие. Подобный ритуал или его элементы упоминаются в ряде королевских и частных грамот²⁶². В X–XI вв. помещение грамоты на алтарь упоминается реже и, видимо, используется в первую очередь для пресечения дальнейших тяжб (как в S 1211 и 985; Smith 2012. P. 34).

Схожее сочетание устных и визуальных перформативных качеств реконструируются и для указных грамот. Ещё С. Кейнз обратил внимание на фрагмент из проповеди аббата Эльфрика (ум. ок. 1010) *De populo Israhel* («О народе Израиль»), в которой гомилист уподобляет христиан, которые не слушают проповедников, чтобы под предлогом незнания уклониться от Страшного суда, тэнам, что игнорируют послание (*gewrit*) короля (Keynes 1980 [2005]. P. 136–138). Имеющийся текст ставит читателя в синтактико-лексический тупик фразой *ne his aseōn* («не взглянет его?»). Возможно, вместо *his* следует читать *hit* (= *gewrit*) («не взглянет на него [= послание]»), либо же могло быть пропущено какое-то местоимение (*āht?*), но сам Кейнз осторожно допускает, что между *his* и *aseōn* могло быть пропущено *insegel*, хотя такая лагуна и странна. В любом случае примечательно, что Эльфрик сообщает о том, как письменные королевские распоряжения (или указные грамоты?) предназначались к устному исполнению и практической демонстрации (Fenton 2021. P. 422–423). Как и в случае с жалованными грамотами, устное исполнение текста указных также напрашивается из устойчивого употребления аллитерирующих пар терминов для описания даруемых привилегий.

²⁶² S 1164 (670×676 гг.), 1804–1806 (675×691 гг.); основанная на достоверном материале S 239 (687 г.); S 14 (ок. 690 г.), 15 (694 г.) и основанные на ней подложная S 156 (799 г.) и спорная S 1610 (687 г.); S 1256 (759 г.), 1258 (798 г.); подложные S 294a–b (814 или 855 вместо 844 г.); S 1434 (824 г.); S 333 (864 г.). См. также: Касатов 2019. С. 124.

Хранение. Получив жалованую грамоту на королевском собрании, бенефициар, очевидно, максимально стремился сберечь документ. О его ценности сообщают редкие, но ценные обмолвки составителей, что та или иная грамота была изготовлена взамен утерянной или испорченной (например, S 361, 367–369, 371 [904 вместо 903 г.], 394, 395). О том, как именно осуществлялось хранение грамот светскими лицами, могут свидетельствовать обрывки информации о королевских архивах с той поправкой, что, видимо, возможности нетитулованных мирян были гораздо скромнее. Ссылки на, возможно, королевские семейные архивы можно найти в S 1436 (825 г.) и 1442 (897 г.): в первом случае условием разрешения земельной тяжбы было требование удалить «из древних грамот, которые находятся в Уинчкомбе» (*de antiquis priuilegiis quae sunt at Wincel cumbe*) названия возвращаемых имений; во втором – мерсийский элдормен Этельвульф постановил вернуть два арендных держания некоего Вульфлафа на срок в три поколения в обмен на одно прижизненное, потому что Этельвульф обратился к «грамотам о наследстве короля Кенвульфа» (*hereditarios libros Cenwulfi regis*) и нашёл в них запрет на такие транзакции. Видимо, вместе с латинскими документами короли могли держать и грамоты на древнеанглийском, как можно предположить из упоминания королём Альфредом наличия в его распоряжении отцовского завещания²⁶³. Судя по ссылкам на помещение документов в королевский реликварий (*hāligdōm, thesauris, gazophilacium, capella cum reliquiis*), светские лица с равной бережностью относились и к предметам культа, и к документам. У королей, по крайней мере, имелся отдельный служащий-коморник, в чьём попечении находились такие собрания, – *cubicularius, scriniarius, būrþegn* (Keynes 1980 [2005]. P. 146–147; Rumble 2013. P. 188–196). В «Книге Или» содержится любопытный пассаж о том, что Этельред Нерешительный разделит занятие этой должности, называемой в этом позднем источнике источником *dignitatas cancelarii*, в течение года между аббатами Или, кентерберийского монастыря св. Августина и Гластонбери (Keynes 1980 [2005]. P. 151–152; BACS IV. P. 215–216).

Существует спорное предположение, что миряне могли даже передавать свои документы на хранение церковным организациям. На это как будто указывает чисто агиографический пассаж из одного из житий св. Дунстана, что «король [Эадред] поручил [аббату Дунстану] на

²⁶³ «Теперь, когда мы услышали о многих спорах из-за наследства, я представил завещание короля Этельвульфа на нашем собрании в *Langandene* и оно было зачитано перед всеми уитанами западных саксов» (*Ɔa gehyrde we nu manegu yrfe geflitu, nu þa lædde ic Apulfes cinges yrfegeƆrit on ure gemot at Langandene 7 hit man aredde beforan eallum West-seaxena witum.* – S 1536).

верное сохранение под защитой его монастыря свои лучшие предметы из личного имущества, а именно многие деревенские [= земельные] грамоты, а также старые сокровища прежних королей и разные ценности собственного приобретения»²⁶⁴. Подобной же практикой С. Кейнз вслед за Ф. Стентоном объясняет присутствие в абингдонском архиве значительного числа королевских пожалований, никогда не принадлежавших этому монастырю. Издавая абингдонский материал, С. Келли отвергла такое толкование (BACS VII. P. I–liii, sxxxviii–cxl). Ч. Инсли всё же допускает, что по меньшей мере некоролевские хирографы могли сознательно отдаваться клирикам, и то же можно предположить и для королевских жалованных грамот, если вспомнить, что в S 367 элдормен Этельфрид указывает на пожар как причину пропажи его документа, и что церкви часто становились объектами нападений викингов (Insley 2013b. P. 357–358; впрочем, автор сам признаёт зыбкость такой аргументации).

Как именно указные грамоты поступали в архивы, доподлинно не известно (если не считать общих соображений, что документы передавались в руки заинтересованных бенефициаров). Как уже предполагалось выше, может быть, значение указной грамоты уступало ценности жалованной, или во всяком случае не было таким же повсеместным, с чем, возможно, связано крайне неравномерное распределение этого типа документации по англо-саксонским архивам (см. также: Сухино-Хоменко 2022a. С. 179, 192, 206–207, 243, Карта 6).

Практическое использование. Даже несмотря на повышенное внимание со стороны получателей, грамоты не только подвергались физическому повреждению, но и иногда становились объектом кражи. Например, в S 835 (979 г.) сообщается, что грамота на жалуемое Олд-Минстеру владение, переданная королю Эдгару неким управляющим Этельбертом, была потеряна или украдена (*territorii carta neglecta uel potius furtim ablata*). Примерно тогда же священники из рочестерской братии украли у своего епископа грамоты (*landbēc*) на имение в Снодланде (Кент) и «за большую цену отдали их Эльфрику сыну Эсквине», чья мать в своё время и вложила эту землю в рочестерскую церковь²⁶⁵. Подробные частности сообщают и несколько ранних текстов. В S 1258 содержится обстоятельный рассказ о конфликте из-за монастыря в Ку-

²⁶⁴ ...*commisit illi rex optima quæque suorum suppellectilium, quamplures scilicet rurales cartulas, etiam veteres præcedentium regum thesauros, necnon et diversas propriæ adeptionis suæ gazas, sub munimine monasterii sui fideliter custodiendum* (цит. по: Rumble 2013. P. 195).

²⁶⁵ ...*ða þa þreostas forstelton þam biscope on Hrofesceastre . 7 gesealdan heo Ælfrice Æscwynne sunu . wið feo dearnunga . 7 heo Æscwyn Ælfrices modor sealde heo ær ðiderin* (S 1457, 980×987 гг.).

кеме (Беркшир), в ходе которого два кентерберийских послушника оказались ворами и отдали грамоты короля Этельбальда уэссекскому королю Кюневульффу (прав. 757–786)²⁶⁶. Ок. 820 г. в Кенте некий *comes* Освульф, «обманом захватив грамоту» (*fraudulenter accipiens librum*) на имение, завещанное его родственником кентерберийскому архиепископу, отдал владение другой общине, история архиепископской тяжбы с которой детально изложена в S 1434²⁶⁷.

Причина подобного поведения, судя по всему, кроется в правоустанавливающем значении королевской грамоты. В спорах о тех или иных участках стороны, видимо, предъявляли документы и прямо с ними в руках шли вдоль описанных на древнеанглийском языке границ. Пример такого «следственного эксперимента» содержится в S 1441 (896 г.): вустерский епископ Верферт пожаловался элдормену Этельреду на незаконное присвоение части своих владений и для установления истины отрядил одного из своих священников обойти вместе со слугой своего оппонента спорные территории и зачитать древние пожалования короля Этельбальда²⁶⁸ (Нooke 1998. Р. 90). Но, судя по неоднократным ссылкам на подделки и незаконное приобретение²⁶⁹ и нескольким известным фактам предъявления грамот в суде (Kennedy 1985. Р. 181–185), наличие документа также было решающим доказательством права на землю в принципе. По меньшей мере два независимых источника эксплицитно подтверждают такой вывод. В знаменитой тяжбе за имение в Фонтхилле суд решил, что ответчик, предъявивший грамоту, «имеет больше прав на то, чтобы дать клятву» (Фонтхильское письмо 2009. С. 223), и очень похоже это же положение сформулировано в «Книжице епископа Этельвольда» (гл. 35): «тот ближе к владению землей, кто имеет грамоту [на неё], чем тот, у кого её нет» (Книжица 2008. С. 187). Разрешение имущественных споров в случае наличия двух грамот на одно и то же имение, стоит полагать, также предполагало принесение судебной клятвы и свидетельские показания. Видимо, проблема стала настолько острой, что для упрощённого разрешения некоторые грамоты после 993 г. стали включать подробные истории имений на древнеанглийском специально для устного исполнения в суде.

²⁶⁶ *...easdem inscripciones Dei heah et Osbertus... maligno acti spiritu furati sunt... et Cenulfo regi Occidentalium Saxonum detulerunt.*

²⁶⁷ Текст, перевод и комментарий см.: Кабитова, Сухино-Хоменко 2022. № 5.

²⁶⁸ Аналогичная история рассказана в S 1460 с тем лишь отличием, что вместо писанной грамоты выигравшая сторона прибегла к устным показаниям свидетелей из начальной сделки.

²⁶⁹ Так, для приобретения имения Дрейтон (Гэмпшир) некий юноша ввёл в заблуждение короля Кнута, убедив юного монарха, что эта земля была королевской, и испросил её для себя (S 956 [1019 г.]). Ср. также примеч. 137.

В случае с группой грамот VIII в., жалующих освобождение от пошлин торговым кораблям, принадлежащим духовным корпорациям, С. Келли задаётся вопросом: не предъявлялись ли грамоты непосредственно сборщикам пошлин, во время торговой поездки, как это было с аналогичными франкскими документами? Хотя данных, позволявших бы об этом уверенно говорить, нет, Келли указывает на то, что копия IX в. одного из этих документов (S 88), судя по линиям стигба, складывалась очень компактно, и это может говорить о её практическом использовании. В другом случае (S 98) мы видим достаточно ранний (IX или X в.) перевод документа на древнеанглийский язык, что опять же могло быть вызвано практическими потребностями. В целом, однако, Келли считает регулярное предъявление грамот на таможне маловероятным (Kelly 1992. P. 24; VACS IV. P. lxxxv–xc).

Как и жалованные, указные грамоты могли становиться правоустанавливающими документами, если их содержанием были имущественные транзакции (*charter-writs*). Но другим их практическим назначением должно было быть подтверждением дарованных королём полномочий избранному индивиду. Так, согласно рукописи Е Англо-Саксонской хроники, в 1051 г. «письмо и печать» имел при себе аббингдонский аббат, встретивший только что вернувшегося с континента и утверждённого папой нового настоятеля кентерберийского диоцеза и потребовавший своего назначения на лондонскую кафедру по королевскому распоряжению (ASC. Vol. 7. P. 80; Fenton 2021. P. 423–424), – архиепископ, кстати, отказал. Упоминание в S 1456 и 1454 «письма и печати» или только «печати, отправленных Этельредом прелатам для разбора судебных дел, также склоняет к мысли, что их физическая демонстрация была сродни предъявлению мандата на право осуществлять те или иные действия от лица государя. Впрочем, едва ли для современников подобное разделение королевской воли, явленной в том или ином документе, было столь же очевидным и естественным.

* * *

В настоящей публикации мы постарались представить обзор некоторых важнейших аспектов дипломатики англо-саксонского королевского акта. Тема обширна и многогранна, и мы не претендуем на полноту этого обзора. Тем не менее мы надеемся, что настоящая работа будет интересна и полезна как тем, кто хотел бы разобраться в сложных вопросах источниковедения англо-саксонского акта, так и тем, кому англо-саксонский материал интересен как объект для сопоставления с аналогичным ранним материалом из других стран (таких, например, как Каролингская империя и её наследники, Скандинавские страны или Древняя Русь).

ПРИЛОЖЕНИЕ. ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ РУССКИЕ ЭКВИВАЛЕНТЫ НЕКОТОРЫХ ОСНОВНЫХ АНГЛИЙСКИХ ПОНЯТИЙ АНГЛО-САКСОНСКОЙ ДИПЛОМАТИКИ

Charter – грамота: как правило, общее обозначение всех англо-саксонских документов на древнеанглийском и латыни (Keynes 2013. P. 18); иногда также используется в более узком значении: грамоты о пожалованиях, т. е. жалованные грамоты (Snook 2015a. P. 1, п. 3); в историографии королевских актов может использоваться синонимично с или вместо *royal diploma* (Stenton 1955. P. v; Hough 2014. P. 14).

(Solemn/royal) diploma – (королевская) жалованная грамота: в большинстве случаев – письменное подтверждение передачи государем бокленда (см. ниже) тому или иному бенефициару (в таком случае также применяются термины *landbook, land-charter*); за редчайшими исключениями составлена на латыни.

Deed – частный акт (пожалования, арендные договоры, завещания, различного рода списки и записи договоров, и пр.); может быть как на древнеанглийском, так и на латыни; в историографии термин используется не повсеместно (Snook 2015a. P. 1, п. 3).

Writ – указная грамота: королевское распорядительное послание с уведомлением (варианты перевода: указ, предписание, приказ).

Charter-writ – указная грамота, содержанием которой является пожалование владений и/или привилегий;

Endorsement – приписка: любой текст (исключая продолжения текстов грамот), написанный на оборотной стороне грамоты на отдельном листе, независимо от количества свободного места на лицевой (Gallagher, Wiles 2021. P. 232).

Boundary clause – описание границ: раздел жалованной грамоты, в котором перечисляются границы пожалования, как правило, на древнеанглийском языке; часто визуально отличается от основного массива текста использованием другого типа почерка.

Draftsman – составитель текста: автор, составивший текст или формуляр жалованной грамоты, иногда, но не всегда тождественный писцу (Keynes 1980. P. 17).

Scribe – писец: индивид, непосредственно своей рукой написавший ту или иную грамоту (не всегда то же, что и составитель текста); иногда над грамотой могли работать несколько писцов.

Trinoda necessitas (также *trimoda necessitas, common burdens*) – «тройная повинность» любого владельца бокленда с конца VIII в.: участие в военных походах, строительстве и ремонте крепостей, мостов и дорог (Stevenson 1914).

Title(-deed) to land – правоустанавливающий документ на владение землей; в большинстве случаев представлен жалованной грамотой.

Bocland (также *bookland*) – бокленд (иногда: бокланд): тип землевладения, при котором земля жалуются бенефициару королём на особых условиях (теоретическая полная свобода распоряжения и отчуждения) и подкрепляется

жалованной грамотой; изначально предполагал полное выведение из-под королевского налогообложения, позже обременён «тройной повинностью» (Williams 2014) и, видимо, *heregeld* (Pratt 2018).

Folcland (также *folkland*) – фолкленд (иногда: фолькленд): тип землевладения, не попадающий в ни в категорию бокленда, ни в категорию арендного держания (Williams 2014).

Lænland (также *loanland*) – арендное или временное держание: тип землевладения, предполагающий возврат земельного участка исконному владельцу (в большинстве случаев церкви, но имеющаяся выборка может быть сильно искажена) по окончании, как правило, срока жизни трёх поколений (т. е. арендатора, его детей и внуков), или арендатора, его жены и детей (Burghart, Wareham 2008. P. 92–98; Williams 2014).

Memorandum – черновая запись: протоколы, наброски, заметки, списки присутствовавших и пр., составлявшиеся, как правило, но не обязательно, в ходе (королевского) собрания или отдельно от него; иногда опознаются в переработанном виде в составе жалованных грамот.

Hide – гайда: условная (фискальная) единица для оценки земельных владений; в Кенте традиционно уступала место сулунгу (д.-а. *sulung*, от *sulh* ‘плуг’; см. мнение о нетождественности сулунга и гайды: Гуревич 1955. С. 27–37; см. также: BACS IV. P. lxxviii–lxxix), в Денло – карукате (лат. *carucata*, от *caruca* ‘тяжёлый плуг’); вероятно, в ранний период считалась номинальным наделом, способным прокормить одну семью в течение года; имения в пожалованных боклендах обычно исчислялись в гайдах (Faith 2014b).

Royal assembly (также *witenagemōt*, *meeting of the witan*; *King’s Council*; историографию и терминологию см.: Roach 2013a. P. 1–6, 20–26) – королевское собрание (также: уитенагемот): собрание высшей светской и духовной знати под эгидой короля и, скорее всего, по его же инициативе для принятия ключевых политических и иных решений; среди прочего включало процедуру и церемонию королевских пожалований боклендов, особенно в поздний период.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Издания источников / Editions of Primary Sources

- Беда Достопочтенный*. Церковная история народа англоv / Пер. В. Эрлихмана. СПб.: Алетейя, 2001. [*Beda Dostopochtennyu*. Tserkovnaya istoriya naroda anglov (Bede’s Ecclesiastical History of the English People) / Transl. V. Erlikhman. St-Petersburg: Aleteya, 2001.]
- Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст. Перевод. Исследование / Под ред. О. В. Аутова, А. В. Марья. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. [*Vestgotskaya pravda (Kniga prigovorov)*. Latinskiy tekst. Perevod. Issledovaniye (The Visigothic Code: The Latin

Text, Translation, and Study) / Ed. O. V. Aurov, A. V. Marey. Moscow: Russkiy Fond Sodeystviya Obrazovaniyu i Nauke, 2012.]

История государства и права средневековой Англии VI–XII вв.: Хрестоматия / Под ред. А. А. Тесля. Хабаровск: Изд-во ДВГУПС, 2006. [Istoriya gosudarstva i prava srednevekovoy Anglii VI–XII vv.: Khrestomatiya (History of State and Law in Medieval England, the 6th–12th Centuries: A Reader) / Ed. A. A. Teslya. Khabarovsk: Izd-vo DVGUPS, 2006.]

Книжица епископа Этельвольда / Пер. с лат., вступ. ст. и примеч. А. Ю. Золотарёва // Средние века. 2008. Т. 63. № 3. С. 159–201. [Knizhitsa yepiskopa Eteľvol'da (*Libellus Æthelwoldi episcopi*) / Transl. from Latin, intr. and comments by A. Yu. Zolotaryov // Sredniye veka. 2008. T. 63. № 3. S. 159–201.]

Фонтхильское письмо (судебная тяжба в англосаксонской Англии) / Пер. с др.-англ., вступ. ст. и примеч. З. Ю. Метлицкой // Cursor Mundi: человек Античности, Средневековья и Возрождения. 2009. № 2. С. 220–225. [Fontkhil'skoye pis'mo (sudebnaya tyazhba v anglosaksonskoy Anglii) (The Fonthill Letter: A Lawsuit in Anglo-Saxon England) / Transl. from Old English, intr. and comments by Z. Yu. Metlitskaya // Cursor Mundi: chelovek Antichnosti, Srednevekov'ya i Vozrozhdeniya. 2009. № 2. S. 220–225.]

Хрестоматия по истории Средних веков. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1961. Т. 1: Раннее Средневековье / Под ред. С. Д. Сказкина. [Khrestomatiya po istorii Srednikh vekov (Reader in Medieval History). Moscow: Izd-vo sotsialno-ekonomicheskoy literatury, 1961. Vol. 1: Early Middle Ages / Ed. S. D. Skazkin.]

The Crawford Collection of Early Charters and Documents Now in the Bodleian Library / Ed. A. S. Napier, W. H. Stevenson. Oxford: Clarendon Press, 1895 [repr. 2012].

Anglo-Saxon Charters / Ed. A.J. Robertson. 2nd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 1956 [repr. 2009].

Anglo-Saxon Wills / Ed. D. Whitelock. Cambridge: Cambridge University Press, 1930 [repr. 2011].

ASC – The Anglo-Saxon Chronicle: A Collaborative Edition. Cambridge, 1996. Vol. 6: MS D: A semi-diplomatic edition with introduction and indices / Ed. by G. P. Cubbin; 2004. Vol. 7: MS. E: A semi-diplomatic edition with introduction and indices / Ed. by S. Irvine.

BACS – Anglo-Saxon Charters (British Academy and Royal Historical Society series) / Ser. ed. N. Vincent. Vol. 1–20. Oxford: Oxford University Press, 1973–.

Bruckner A., Marichal R. Chartae Latinae Antiquiores: Facsimile-Edition of the Latin Charters Prior to the Ninth Century. Olten; Lausanne: Urs Graf-Verlag, 1963–1967. Part 3: British Museum, London; Part 4: Great Britain (without British Museum, London).

- The Codex of Justinian / A New Annotated Translation, with Parallel Latin and Greek Text Based on a Translation by J. F. H. Blume; Gen. ed. B. Frier. 3 Vols. Cambridge: Cambridge University Press, 2016.
- Earle J.* A Hand-Book to the Land-Charters, and Other Saxon Documents. Oxford: Clarendon Press, 1886.
- The Early Charters series – *Finberg H. P. R.* The Early Charters of Devon and Cornwall. Leicester: University College of Leicester, 1953 (2nd ed.: 1963); *idem.* The Early Charters of the West Midlands. Leicester: Leicester University Press, 1961 (2nd ed.: 1972); *idem.* The Early Charters of Wessex. Leicester: Leicester University Press, 1964; *Hart C.* The Early Charters of Essex. 2 vols. Leicester: Leicester University Press, 1957 (2nd ed.: 1971); *idem.* The Early Charters of Eastern England. Leicester: Leicester University Press, 1966; *idem.* The Early Charters of Northern England and the North Midlands. Leicester: Leicester University Press, 1975; *Gelling M.* The Early Charters of the Thames Valley. Leicester: Leicester University Press, 1979.
- EHD – English Historical Documents. Vol. 1: c. 500–1042 / Ed. D. Whitlock. 2nd ed. L.; N. Y.: Eyre Methuen – Oxford University Press, 1979 [repr. 1996; 2007].
- Facsimiles of Ancient Charters in the British Museum / Ed. E. A. Bond. Vols. 4. London: British Museum, 1873–1878 [repr. 2020].
- Facsimiles of Anglo-Saxon Charters / Ed. S. Keynes. Oxford: Oxford University Press, 1991. (BASC; Supplementary vol. 1).
- Facsimiles of Anglo-Saxon Manuscripts Photozincographed by Command of Her Majesty Queen Victoria / Ed. W. B. Sanders. 3 vols. Southampton: Ordnance Survey Office, 1878–1884.
- Facsimiles of English Royal Writs to A.D. 1100 Presented to V. H. Galbraith / Ed. T. A. M. Bishop and P. Chaplais. Oxford, 1957.
- de Gray Birch W.* Cartularium Saxonicum: A Collection of Charters Relating to Anglo-Saxon History. 6 vols. L.: Whiting & Company; Charles J. Clark, 1885–1893 [repr. 1964; 2012].
- de Gray Birch W.* Index Saxonicus: An Index to All the Names of Persons in *Cartularium Saxonicum*, a Collection of Charters Relating to Anglo-Saxon history. L.: Phillimore and Co., 1899.
- Harmer 1952 [1989] – Anglo-Saxon Writs / Ed. and transl. F. E. Harmer. Manchester: Manchester University Press, 1952 [repr. 1989].
- HE – Bede's Ecclesiastical History of the English People / Ed. and transl. B. Colgrave, R. A. B. Mynors. Oxford: Clarendon Press, 1969.
- Kemble J. M.* Codex Diplomaticus Ævi Saxonici. 6 vols. L.: Samuel Bentley, 1839–1848 [repr. 2012].

- King Alfred's Version of St. Augustine's *Soliloquies* / Ed. T. A. Carnicelli. Cambridge: Harvard University Press, 1969.
- Liebermann F.* Die Gesetze der Angelsachsen. Halle: Max Niemeyer, 1903. Bd. 1.
- Regesta Regum Anglo-Normannorum: The Acta of William I (1066–1087)* / Ed. D. Bates. Oxford: Clarendon Press, 1998.
- Schreiber C.* King Alfred's Old English Translation of Pope Gregory the Great's *Regula Pastoralis* and its Cultural Context: A Study and Partial Edition According to All Surviving Manuscripts Based on Cambridge, Corpus Christi College 12. Frankfurt a/M: Peter Lang, 2003.
- Select English Historical Documents of the Ninth and Tenth Centuries / Ed. F. E. Harmer. Cambridge: Cambridge University Press, 1914 [repr. 2011].
- Thorpe B.* Diplomatarium Anglicum Ævi Saxonici: A Collection of English Charters, from the Reign of King Athelberht of Kent to that of William the Conqueror. L.: MacMillan & Co., 1865.
- The Will of Æthelgifu: A Tenth Century Anglo-Saxon Manuscript / Ed. D. Whitelock. Oxford: The Roxburghe Club, 1968.

Литература / Secondary Literature

- Ауров О. В.* Понятие «hereditas» в IV – начале IX вв.: сюжет из истории «вульгаризации» римского права // Вестн. Рос. гос. гуманитар. ун-та. Сер. «Исторические науки». 2010. Т. 10. С. 231–248. [*Aurov O. V.* Ponyatiye «hereditas» v IV – nachale IX vv.: syuzhet iz istorii «vul'garizatsii» rimskogo prava (The Term *hereditas* in the 4th – the Early 9th Centuries: From the History of the 'Vulgarization' of the Roman Law) // Vestnik Ros. gos. gumanit. un-ta. Ser. «Istoricheskiye nauki». 2010. Vol. 10. S. 231–248.]
- Болдырева И. И.* Историко-правовые особенности завещательной практики в раннесредневековой Англии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2014. № 1 (43). С. 148–157. [*Boldyreva I. I.* Istoriko-pravovyye osobennosti zaveshchatel'noy praktiki v rannesrednevekovoy Anglii (Historical and Legal Principles of Testamentary Practice in Early Medieval England) // Problemy istorii, filologii, kul'tury. 2014. № 1 (43). S. 148–157.]
- Виноградов П. Г.* Средневековое поместье в Англии. СПб.: Сенатская типография, 1911. [*Vinogradov P. G.* Srednevekovoye pomest'ye v Anglii (Medieval Manor in England). St-Petersburg: Senatskaya tipografiya, 1911.]
- Винокурова М. В.* Обычаи городов средневековой Англии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. [*Vinokurova M. V.* Obychai gorodov srednevekovoy Anglii (Urban Customs of Medieval England). Moscow; St-Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2021.]
- Гимон Т. В.* Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2012. [*Guimon T. V.* Istoriiopisaniye rannesrednevekovoy Anglii i Drevney Rusi: Sravni-

tel'noye issledovaniye (Historical Writing of Early Medieval England and Rus: A Comparative Study). Moscow: Un-t Dmitriya Pozharskogo, 2012.]

Гимон Т. В. Административная переписка в Англо-Саксонской Англии и Древней Руси // Письмо и повседневность. М., 2014. Вып. 1. С. 9–41. [Guimon T. V. Administrativnaya perepiska v Anglo-Saksonskoy Anglii i Drevney Rusi (Administrative Correspondence in Anglo-Saxon England and Old Rus) // Pis'mo i povsednevnost'. Moscow, 2014. Vyp. 1. S. 9–41.]

Гиппиус А. А. К прагматике и коммуникативной организации берестяных грамот // Янин В. Л., Зализняк А. А., Гиппиус А. А. Новгородские грамоты на бересте (Из раскопок 1997–2000 гг.). М., 2004. Т. 11. С. 183–232. [Gippius A. A. K pragmatike i kommunikativnoy organizatsii berestyanykh gramot (On the Pragmatics and Communicative Structure of Birchbark Documents) // Yanim V. L., Zaliznyak A. A., Gippius A. A. Novgorodskie gramoty na bereste (Iz raskopok 1997–2000 gg.). Moscow, 2004. T. 11. S. 183–232.]

Гуревич А. Я. Роль королевских пожалований в процессе феодального подчинения английского крестьянства // Средние века. 1953. Т. 4. С. 49–73. [Gurevich A. Ya. Rol' korolevskikh pozhalovaniy v protsesse feodal'nogo podchineniya angliyskogo krest'yanstva (The Role of Royal Grants in the Process of the Feudal Submission of the English Peasantry) // Sredniye veka. 1953. T. 4. S. 49–73.]

Гуревич А. Я. Из истории имущественного расслоения общинников в процессе феодального развития Англии // Средние века. 1955. Т. 7. С. 27–46. [Gurevich A. Ya. Iz istorii imushchestvennogo rassloeniya obshchinnikov v protsesse feodal'nogo razvitiya Anglii (From the History of the Property Stratification of Peasants during the Process of the Feudal Development of England) // Sredniye veka. 1955. T. 7. S. 27–46.]

Гуревич А. Я. Англосаксонский фольклэнд и древненорвежский одал (опыт сравнительной характеристики дофеодальных форм землевладения) // Средние века. 1967. Т. 30. С. 61–83. [Gurevich A. Ya. Anglosaksonskiy fol'klend i drevnenorvezhskiy odal' (opyt sravnitel'noy kharakteristiki dofeodal'nykh form zemlevladieniya) (Anglo-Saxon *folcland* and Old Norse *odal*: A Comparative Study of pre-Feudal Forms of Land Ownership) // Sredniye veka. 1967. T. 30. S. 61–83.]

Золотарёв А. Ю. Государство и суд в раннесредневековой Англии (VII–XI вв.): Дис. ... канд. ист. наук / Воронежский гос. ун-т. Воронеж, 2005. [Zolotaryov A. Yu. Gosudarstvo i sud v rannesrednevekovoy Anglii (VII–XI vv.): Dis. ... kand. ist. nauk (State and Court in Early Medieval England, the 7th–11th Centuries: A Candidate Thesis) / Voronezhskiy gos. un-t. Voronezh, 2005.]

Кабитова О. А., Сухино-Хоменко Д. В. «Пожалования во спасение души» и «дружеские приветствия» королей: несколько английских грамот VII–XI вв. (текст, перевод, комментарий) // Graphosphaera: Письмо и письменные практики. М., 2022. Т. 2. № 1. С. 287–325. [Kabitova O. A., Sukhino-Khomenko D. V. «Pozhalovaniya vo spaseniye dushi» i «druzheskiye privetstviya» koroley: neskol'ko angliyskikh gramot VII–XI vv. (tekst, perevod, kommentariy) («Gifts for the Remedy of the Soul» and Kings' «Friendly Greetings»: Some English charters of the 7th–11th centuries (Texts, Translations, Comments)) // Graphosphaera: Writing and Written Practices. Moscow, 2022. T. 2. № 1. S. 287–325.]

(<http://writing.igh.ru/index.php?id=2022-2-1-287-325>)

- Калмыкова Е. В.* Властные институты и должности в средневековой Англии // Властные институты и должности в Европе в Средние века и раннее Новое время / Отв. ред. Т. П. Гусарова. М., 2011. С. 211–253. [*Kalmykova E. V.* Vlastnyye instituty i dolzhnosti v srednevekovoy Anglii (Institutes and Offices of Power in Medieval England) // Vlastnyye instituty i dolzhnosti v Yevrope v Sredniye veka i ranneye Novoye vremya / Ed. T. P. Gusarova. Moscow, 2011. S. 211–253.]
- Касатов А. А.* Сейзина: Право, власть и общество в англо-нормандском королевстве XI–XIII веков. СПб.: Наука, 2019. [*Kasatov A. A.* Seyzina: Pravo, vlast' i obshchestvo v anglo-normandskom korolevstve XI-XIII vekov. St-Petersburg: Nauka, 2019.]
- Каштанов С. М.* Дипломатика как специальная историческая дисциплина // Вопросы истории. 1965. № 1. С. 39–44. [*Kashtanov S. M.* Diplomatika kak spetsial'naya istoricheskaya distsiplina (Diplomatics as a Special Historical Discipline) // Voprosy istorii. 1965. № 1. S. 39–44.]
- Каштанов С. М.* Предмет, задачи и методы дипломатики // Источниковедение: Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 134–170. [*Kashtanov S. M.* Predmet, zadachi i metody diplomatiki (Subject, Tasks, and Methods of Diplomats) // Istochnikovedeniye: Teoreticheskiye i metodicheskiye problemy. Moscow, 1969. S. 134–170.]
- Каштанов С. М.* Русская дипломатика. М.: Высшая школа, 1988. [*Kashtanov S. M.* Russkaya diplomatika (Russian Diplomatic). Moscow: Vysshaya shkola, 1988.]
- Каштанов С. М.* Актовая археография. М.: Наука, 1998. [*Kashtanov S. M.* Aktovaya arkheografiya (Act Archaeography). Moscow: Nauka, 1998.]
- Паламарчук А. А., Терентьева Е. А., Фёдоров С. Е.* Рождение национального историописания в Англии и Франции. СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2021. [*Palamarchuk A. A., Terent'yeva Ye. A., Fëdorov S. Ye.* Rozhdeniye natsional'nogo istoriopolisaniya v Anglii i Frantsii (The Birth of National Historical Writing in England and France). St-Petersburg: Izd-vo Sankt-Peterb. un-ta, 2021.]
- Савело К. Ф.* Социально-политическое значение сословия английских тенов во второй половине IX в. // Вестн. Ленингр. гос. ун-та: История. Язык. Литература. 1969. Т. 2. № 8. С. 71–78. [*Savelo K. F.* Sotsial'no-politicheskoye znacheniye sosloviya angliyskikh tenov vo vtoroy polovine IX v. (Social and Political Significance of the English Thegns in the Second Half of the 9th Century) // Vestn. Leningr. gos. un-ta: Istoriya. Yazyk. Literatura. 1969. T. 2. № 8. S. 71–78.]
- Савело К. Ф.* Раннефеодальная Англия. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977. [*Savelo K. F.* Rannefeodal'naya Angliya (Early Feudal England). Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta, 1977.]
- Сидорова Т. А.* Ф. У. Мейтленд: становление историка // Средние века. 1994. Т. 57. С. 209–222. [*Sidorova T. A.* F. U. Meytlend: stanovleniye istorika (F. W. Maitland: The Formation of a Historian) // Sredniye veka. 1994. T. 57. S. 209–222.]
- Сидорова Т. А.* Сэр Фрэнк Мерри Стэнтон как историк Нормандского завоевания // Juvenis Scientia. 2018. № 7. С. 30–32. [*Sidorova T. A.* Ser Frenk

Merri Stenton kak istorik Normandskogo zavoyevaniya (Sir Frank Merry Stenton as a Historian of the Norman Conquest) // *Juvenis Scientia*. 2018. № 7. S. 30–32.]

Соколова М. Н. Поместье в Англии до Нормандского Завоевания (о некоторых особенностях раннего английского феодализма) // *Средние века*. 1971. Т. 33. С. 81–89. [*Sokolova M. N.* Pomest'ye v Anglii do Normandskogo Zavoyevaniya (o nekotorykh osobennostyakh rannego angliyskogo feodalizma) (Manor in pre-Norman England: on Some Apects of Early English Feudalism) // *Sredniye veka*. 1971. T. 33. S. 81–89.]

Сухино-Хоменко Д. В. К вопросу о хронологическом распределении англо-саксонских грамот XI в. // *Письмо и повседневность*. М., 2015. Вып. 2. С. 78–84. [*Sukhino-Khomenko D. V.* K voprosu o khronologicheskom raspredelenii anglo-saksonskikh gramot XI v. (On the Chronological Distribution of Anglo-Saxon Charters of the 11th century) // *Pis'mo i povsednevnost'*. Moscow, 2015. Vyp. 2. S. 78–84.]

Сухино-Хоменко Д. В. Получатели, топография и динамика производства англо-саксонских королевских грамот 900–1066 г. в свете статистики // *Восточная Европа в древности и средневековье: Письменность как элемент государственной инфраструктуры: XXVIII Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашуто, 20–22 апреля 2016 г.: Мат-лы конф.* 2016. С. 277–286. [*Sukhino-Khomenko D. V.* Poluchateli, topografiya i dinamika proizvodstva anglo-saksonskikh korolevskikh gramot 900–1066 g. v svete statistiki (Beneficiaries, Topography, and Dynamics of the Production of Anglo-Saxon Royal Charters in 900–1066 in the Light of Statistics) // *Vostochnaya Yevropa v drevnosti i srednevekov'ye: Pis'mennost' kak element gosudarstvennoy infrastruktury: XXVIII Chteniya pamyati chl.-korr. AN SSSR V. T. Pashuto, 20–22 aprelya 2016 g.: Mat-ly konf.* Moscow, 2016. S. 277–286.]

Сухино-Хоменко Д. В. Горят ли рукописи? Репрезентативность корпуса королевских жалованных грамот в поздней донормандской Англии (871–1066 гг.): постановка вопроса // *Graphosphaera: Письмо и письменные практики*. М., 2022. Т. 2. № 1. С. 175–286. [*Sukhino-Khomenko D. V.* Goryat li rukopisi? Reprezentativnost' korpusa korolevskikh zhalovannykh gramot v pozdney donormandskoy Anglii (871–1066 gg.): postanovka voprosa (Do Manuscripts Burn? The Rerrepresentativeness of the Corpus of Royal Diplomas in Late pre-Norman England (871–1066): Opening a Discussion) // *Graphosphaera: Writing and Written Practices*. Moscow, 2022. T. 2. № 1. S. 175–286.]

(<http://writing.igh.ru/index.php?id=2022-2-1-175-286>) (a)

Сухино-Хоменко Д. В. Королевская канцелярия в Англии X–XI вв.: литературно-культурологический ответ в споре дипломатистов в монографии Б. Снука «Англосаксонская канцелярия: история, язык и выпуск англосаксонских грамот от Альфреда до Эдгара» // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5: История*. М., 2022. № 2. С. 73–86. [*Sukhino-Khomenko D. V.* Korolevskaya kantselyariya v Anglii X–XI vv.: literaturno-kul'turologicheskiy otvet v spore diplomatistov v monografii B. Snuka «Anglosaksonskaya kantselyariya: istoriya, yazyk i vypusk anglosaksonskikh gramot ot Al'freda do Edgara» (Royal Chancery in

England in the Discussion of Diplomats in Ben Snook's Book *The Anglo-Saxon Chancery: The History, Language and Production of Anglo-Saxon Charters from Alfred to Edgar* // *Sotsial'nyye i gumanitarnyye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 5: Istoriya. Moscow, 2022. № 2. S 73–86.*] (б)

- Уваров П. Ю.* А. Я. Гуревич и советская медиевистика: портрет на фоне корпорации // *Уваров П. Ю.* Между «ежами» и «лисами»: заметки об историках. М., 2015. С. 80–112. [*Uvarov P. Yu.* A. Ya. Gurevich i sovetskaya medievistika: portret na fone korporatsii (A. Ya. Gurevich and Soviet Medieval Studies: A Portrait on the Background of the Corporation) // *Uvarov P. Yu.* Mezhdru «yezhami» i «lisami»: zametki ob istorikakh. Moscow, 2015. S. 80–112.]
- Abels R. P.* Lordship and Military Obligation in Anglo-Saxon England. L.: British Museum Publications, 1988.
- Anlezark D.* Which Books Are “Most Necessary” to Know? The Old English Pastoral Care Preface and King Alfred's Educational Reform // *English Studies.* 2017. Vol. 98. N 8. P. 759–780.
- Barracough G.* The Anglo-Saxon Writ // *History. N.S.* 1954. Vol. 39. P. 193–215.
- Barrow J.* What Happened to Ecclesiastical Charters in England 1066 – c. 1100? // *Myth, Rulership, Church and Charters: Essays in Honour of Nicholas Brooks / Ed. J. Barrow, A. Wareham.* Aldershot, 2008. P. 229–248.
- Bates D.* Charters and Historians of Britain and Ireland: Problems and Possibilities // *Charters and Charter Scholarship in Britain and Ireland / Ed. M. T. Flanagan, J. A. Green.* Basingstoke; N. Y., 2005. P. 1–14.
- Baxter S.* Lordship and Justice in Late Anglo-Saxon England: The Judicial Functions of Soke and Commendation Revisited // *Early Medieval Studies in Memory of Patrick Wormald / Ed. S. Baxter et al.* Farnham: Ashgate, 2009. P. 383–419.
- Birman W.* A Woman of Some Importance: Senator Agnes Robertson 1882–1968 // *Early Days: Journal of the Royal Western Australian Historical Society.* 1996. Vol. 11. N 2. P. 155–165.
- Brooks N. P.* Anglo-Saxon Myths: State and Church 400–1066. L.; Rio Grande: The Hambledon Press, 2000.
- Brown E. A. R.* Reflections on Feudalism: Thomas Madox and the Origins of the Feudal System in England // *Feud, Violence and Practice: Essays in Medieval Studies in Honor of Stephen D. White / Ed. B. S. Tuten, T. L. Billado.* Farnham; Burlington, 2010. P. 135–155.
- Bruckner A.* Zur Diplomatie der älteren angelsächsischen Urkunden // *Archivalische Zeitschrift.* 1965. Bd. 61. S. 11–45.
- Bullough D. A.* The Educational Tradition in England from Alfred to Aelfric: Teaching *Utriusque Linguae* // *Carolingian Renewal: Sources and Heritage.* Manchester; N. Y., 1991. P. 297–234.
- Burghart A., Wareham A.* Was there an Agricultural Revolution in Anglo-Saxon England? // *Myth, Rulership, Church and Charters: Essays in*

- Honour of Nicholas Brooks / Ed. J. Barrow, A. Wareham. Aldershot, 2008. P. 89–99.
- Campbell J.* Some Agents and Agencies of the Late Anglo-Saxon State // Domesday Studies: Papers read at the Novocentenary Conference of the Royal Historical Society and the Institute of British Geographers, Winchester, 1986. Woodbridge, 1987. P. 201–218.
- Carley J.* The Dispersal of Monastic Libraries and the Salvaging of the Spoils // The Cambridge History of Libraries in Britain and Ireland / Ed. E. Leedham-Green, T. Weber. Cambridge, 2006. P. 265–291.
- Castle K. M.* The Development and Decline of Malediction in the Charters of Anglo-Saxon England: Unpublished PhD thesis / University of Toronto. 2016 // https://tspace.library.utoronto.ca/bitstream/1807/76382/3/Castle_Kasandra_M_201611_PhD_thesis.pdf (9.09.2021).
- Chadwick H. M.* Studies on Anglo-Saxon Institutions. Cambridge: Cambridge University Press, 1905 [repr. 2010].
- Chaplais P.* The Origin and Authenticity of the Royal Anglo-Saxon Diploma // Journal of the Society of Archivists. 1965. Vol. 3. N 2. P. 48–61.
- Chaplais P.* The Anglo-Saxon Chancery: From the Diploma to the Writ // Prisca Munimenta: Studies in Archival and Administrative History Presented to Dr A. E. J. Hollaender. L., 1973. P. 43–62. (a)
- Chaplais P.* Who Introduced Charters into England? The Case for Augustine // Prisca Munimenta: Studies in Archival and Administrative History Presented to Dr A. E. J. Hollaender. L., 1973. P. 88–107 (first published in 1969). (b)
- Chaplais P.* Essays in Medieval Diplomacy and Administration. L.: The Hambleton Press, 1981.
- Chaplais P.* The Royal Anglo-Saxon ‘Chancery’ of the Tenth Century Revisited // Studies in Medieval History Presented to R. H. C. Davis / Ed. H. Mayr-Harting, R. I. Moore. L., 1985. P. 41–51.
- Cheney Ch.* The Record of Medieval England // Medieval Texts and Studies. Oxford, 1973. P. 1–15 (first published in 1956).
- Chrimes S. B.* An Introduction to the Administrative History of Mediaeval England. Oxford: Basil Blackwell, 1952 [1966].
- Clanchy M.* From Memory to Written Record. England 1066–1307. L. Edward Arnold: 1979 [3rd ed. 2013].
- Crook J.* Early Historians of Winchester Cathedral // Hampshire Studies: Proceedings of the Hampshire Field Club and Archaeological Society. 2003. Vol. 58. P. 226–241.

- Doane A. N.* Documenting the Demise of Old English: The Legacy of a Royal Writ from Cnut to Henry II // *The Journal of English and Germanic Philology*. 2019. Vol. 118. N 4. P. 439–467.
- Drögereit R.* Gab es eine angelsächsische Königskanzlei? // *Arkiv für Urkundenforschung*. 1935. Bd. 13. S. 335–436.
- Dumville D. N.* Wessex and England from Alfred to Edgar: Six Essays on Political, Cultural, and Ecclesiastical Revival Studies in Anglo-Saxon History. Woodbridge: Boydell Press, 1992.
- Dumville D. N.* English Caroline Script and Monastic History: Studies in Benedictinism, A.D. 950–1030. Woodbridge: Boydell and Brewer, 1993.
- Emms R.* Books and Writing in Seventh-Century Kent // *Writing and Texts in Anglo-Saxon England* / Ed. A. Rumble. Woodbridge, 2006. P. 18–27.
- Faith R.* Feorm // *The Wiley Blackwell Encyclopedia of Anglo-Saxon England* / Ed. M. Lapidge. 2nd ed. Chichester, 2014. P. 186–187. (a)
- Faith R.* Hide // *The Wiley Blackwell Encyclopedia of Anglo-Saxon England* / Ed. M. Lapidge. 2nd ed. Chichester, 2014. P. 243–244. (b)
- Fenton A. G. P.* Writs in England before the Norman Conquest: Unpublished PhD thesis / University of Cambridge. 2020 // <https://repository.cam.ac.uk/handle/1810/313389> (9.09.2021).
- Fenton A. G. P.* Royal Authority, Regional Integrity: The Function and Use of Anglo-Saxon Writ Formulae // *The Languages of Early Medieval Charters: Latin, Germanic Vernaculars, and the Written Word*. Leiden; Boston, 2021. P. 412–435.
- Fitzgerald J.* Rebel Angels: Space and Sovereignty in Anglo-Saxon England. Manchester: Manchester University Press, 2019.
- Foys M., Irvine S.* Record of the Eighteenth Conference of the International Society of Anglo-Saxonists, at the University of Hawai'i at Mānoa, Honolulu, 31 July–4 August 2017 // *Anglo-Saxon England*. 2018. Vol. 47. P. 1–6.
- Gallagher R.* The Vernacular in Anglo-Saxon Charters – Expansion and Innovation in Ninth-Century England // *Historical Research*. 2018. Vol. 91. N 252. P. 205–235.
- Gallagher R., Wiles K.* The Endorsement Practices of Early Medieval England // *The Languages of Early Medieval Charters: Latin, Germanic Vernaculars, and the Written Word* / Ed. R. Gallagher, E. Roberts, F. Tinti. Leiden; Boston: Brill, 2021. P. 230–295.
- Gillmor C.* Charles the Bald and the Small Free Farmers, 862–869 // *Military Aspects of Scandinavian Society in a European Perspective, AD 1–1300: Papers from an International Research Seminar at the Danish National Museum, Copenhagen, 2–4 May 1996* / Ed. A. N. Jørgensen, B. L. Clausen. Copenhagen, 1997. P. 38–47.

- Godden M. R.* Literacy in Anglo-Saxon England // *The Cambridge History of the Book in Britain* / Ed. R. Gameson. N. Y., 2012. P. 580–590.
- Hall D.* *The Open Fields of England*. Oxford: Oxford University Press, 2014.
- Hall H.* *Studies in English Official Historical Documents*. Cambridge: Cambridge University Press, 1908.
- Harmer F. E.* Anglo-Saxon Charters and the Historian // *Bulletin of the John Rylands Library*. 1938. Vol. 22. N 2. P. 339–367.
- Hart C. R., Syme A.* The Earliest Suffolk Charter // *Proceedings of the Suffolk Institute of Archaeology and History*. 1987. Vol. 36 (3). P. 165–181.
- Hayashi H.* *A Study of the Charter-Criticism of the Anglo-Saxon Period, its Theory and Practice: A Preliminary Handbook*. Tokyo: Privately Printed, 1996.
- Heslop T. A.* English Seals from the mid-Ninth Century to 1100 // *Journal of British Archaeological Association*. 1980. Vol. 133. P. 1–16.
- Hiatt A.* Diplomatic Arts: Hickeys against Mabillon in the Republic of Letters // *Journal of the History of Ideas*. 2009. Vol. 70. N 3. P. 351–373.
- Hofmann P.* *Infernal Imagery in Anglo-Saxon Charters: Unpublished PhD thesis* / University of Toronto. 2008 // <http://hdl.handle.net/10023/498> (9.09.2021).
- Hooke D.* Anglo-Saxon Landscapes of the West Midlands: The Charter Evidence. Oxford: British Archaeological Reports, 1981. (a)
- Hooke D.* Open-Field Agriculture – The Evidence from the Pre-Conquest Charters of the West Midlands // *The Origins of Open-Field Agriculture* / Ed. T. Rowley. L.; Totowa, 1981. P. 39–63. (b)
- Hooke D.* *The Landscape of Anglo-Saxon Staffordshire: The Charter Evidence*. Keele: Department of Adult Education, 1983.
- Hooke D.* Village Development in the West Midlands // *Medieval Villages: A Review of Current Work* / Ed. D. Hooke. Oxford, 1985. P. 125–154.
- Hooke D.* Regional Variation in Southern and Central England in the Anglo-Saxon Period and its Relationship to Land Units and Settlements // *Anglo-Saxon Settlements* / Ed. D. Hooke. Oxford, 1988. P. 123–152.
- Hooke D.* Pre-Conquest Woodland: Its Distribution and Usage // *The Agricultural History Review*. 1989. Vol. 37. N 2. P. 113–129.
- Hooke D.* *Worcester Anglo-Saxon Charter-Bounds*. Woodbridge: The Boydell Press, 1990.
- Hooke D.* *Pre-Conquest Charter-Bounds of Devon and Cornwall*. Woodbridge: The Boydell Press, 1994.
- Hooke D.* The Mid-Late Anglo-Saxon Period: Settlement and Land Use // *Landscape and Settlement in Britain AD 400–1066* / Ed. D. Hooke, S. Burnell. Exeter, 1995. P. 95–114.

- Hooke D.* The Landscape of Anglo-Saxon England. L.; Washington: Leicester University Press, 1998.
- Hooke D.* Warwickshire Anglo-Saxon Charter Bounds. Woodbridge: The Boydell Press, 1999.
- Hooke D.* Trees in Anglo-Saxon England: Literature, Lore and Landscape. Woodbridge: The Boydell Press, 2010.
- Hooke D.* Groves in Anglo-Saxon England // Landscape History. 2017. Vol. 38. N 1. P. 5–23.
- Hough C.* Naming and Royal Authority in Anglo-Saxon Law // Kingship, Legislation and Power in Anglo-Saxon England / Ed. G. R. Owen-Crocker, B. W. Schneider. Woodbridge, 2013. P. 201–217.
- Hough C.* Legal and Documentary Writings // “An Ald Reht”: Essays on Anglo-Saxon Law. Newcastle upon Tyne, 2014. P. 2–16 (first published in 2001).
- Insley Ch.* Charters and Episcopal Scriptoria in the Anglo-Saxon South-West // Early Medieval Europe. 1998. Vol. 7. N 2. P. 173–198.
- Insley Ch.* Where Did All the Charters Go? Anglo-Saxon Charters and the New Politics of the Eleventh Century // Anglo-Norman Studies. 2001. Vol. 24. P. 109–127.
- Insley Ch.* Archives and Lay Documentary Practice in the Anglo-Saxon World // Documentary Culture and the Laity in the Early Middle Ages / Ed. W. C. Brown et al. N. Y., 2013. P. 336–362. (a)
- Insley Ch.* Looking for Charters that Aren’t There: Lost Anglo-Saxon Charters and Archival Footprints // Problems and Possibilities of Early Medieval Charters / Ed. J. Jarrett, A. S. McKinley. Turnhout, 2013. P. 171–186. (b)
- Insley Ch.* Why 1016 Matters; or, The Politics of Memory and Identity in Cnut’s Kingdom // Conquests in Eleventh-Century England: 1016, 1066 / Ed. L. Ashe, E. J. Ward. Woodbridge, 2020. P. 3–22.
- Insley Ch.* Languages of Boundaries and Boundaries of Language in Cornish Charters // The Languages of Early Medieval Charters: Latin, Germanic Vernaculars, and the Written Word / Ed. R. Gallagher, E. Roberts, F. Tinti. Leiden; Boston, 2021. P. 342–377.
- Irvine S.* The Alfredian Prefaces and Epilogues // A Companion to Alfred the Great / Ed. N. G. Discenza, P. E. Szarmach. Leiden; Boston, 2015. P. 143–171.
- Jayakumar S.* Eadwig and Edgar: Politics, Propaganda, Faction // Edgar, King of the English 959–975: New Interpretations / Ed. D. G. Scragg. Woodbridge, 2008. P. 83–103.
- Jayatilaka R.* King Alfred and his Circle // The Cambridge History of the Book in Britain / Ed. R. Gameson. N. Y., 2012. P. 670–678.
- John E.* Land Tenure in Early England: A Discussion of Some Problems. Leicester: Leicester University Press, 1960.

- John E.* English Feudalism and the Structure of Anglo-Saxon Society // Bulletin of the John Rylands University Library of Manchester. 1963. Vol. 46. N 1. P. 14–41.
- John E.* Orbis Britanniae. Leicester: Leicester University Press, 1966.
- Karkov C. E.* The Ruler Portraits of Anglo-Saxon England. Woodbridge: The Boydell Press, 2004.
- Kelly S. E.* Anglo-Saxon Lay Society and the Written Word // The Uses of Literacy in Early Medieval Europe. Cambridge, 1990. P. 36–62.
- Kelly S. E.* Trading Privileges from Eighth-Century England // Early Medieval Europe. 1992. Vol. 1. P. 3–28.
- Kelly S. E.* Lyminge Minster and its Early Charters // Anglo-Saxons: Studies Presented to C. R. Hart. Dublin, 2006. P. 98–113.
- Kennedy A. G.* Disputes about *bocland*: The Forum for their Adjudication // Anglo-Saxon England. Cambridge, 1985. Vol. 14. P. 177–178.
- Ker N. R.* Catalogue of Manuscripts Containing Anglo-Saxon. Oxford: Clarendon Press, 1957 [repr. 1990].
- Keynes S.* The Diplomas of King Æthelred ‘the Unready’, 978–1016: A Study in Their Use as Historical Evidence. Cambridge: Cambridge University Press, 1980 [2005].
- Keynes S.* Regenbald the Chancellor (*sic*) // Anglo-Norman Studies. 1988. Vol. 10. P. 185–222.
- Keynes S.* Royal Government and the Written Word // The Uses of Literacy in Mediaeval Europe / Ed. R. McKitterick. Cambridge, 1990. P. 227–256.
- Keynes S.* Anglo-Saxon History after Anglo-Saxon England // Stenton’s *Anglo-Saxon England* Fifty Years on: Papers given at a Colloquium held at Reading 11–12 November 1993 / Ed. D. Matthew, A. Curry, E. Green. Reading, 1994. P. 83–110. (a)
- Keynes S.* The West Saxon Charters of King Æthelwulf and his Sons // The English Historical Review. 1994. Vol. 109. N 434. P. 1109–1149. (b)
- Keynes S.* An Atlas of Attestations in Anglo-Saxon Charters, c. 670–1066. Cambridge: Department of Anglo-Saxon, Norse, and Celtic, 1998 [rev. ed. 2002].
- Keynes S.* Edward, King of the Anglo-Saxons // Edward the Elder, 899–924 / Ed. N. J. Higham, D. Hill. L.; N. Y., 2001. P. 40–66.
- Keynes S.* The Power of the Written Word: Alfredian England, 871–899 // Alfred the Great: Papers from the Eleventh-Centenary Conferences. Aldershot, 2003. P. 175–197.
- Keynes S.* A Conspectus of the Charters of King Edgar, 957–75 // Edgar, King of the English 959–975: New Interpretations / Ed. D. G. Scragg. Woodbridge, 2008. P. 60–80. (a)

- Keynes S.* Anglo-Saxon Charters: Lost and Found // *Myth, Rulership, Church and Charters: Essays in Honour of Nicholas Brooks* / Ed. J. Barrow, A. Wareham. Aldershot, 2008. P. 45–66. (b)
- Keynes S.* Church Councils, Royal Assemblies, and Anglo-Saxon Royal Diplomas // *Kingship, Legislation and Power in Anglo-Saxon England* / Ed. G. R. Owen-Crocker, B. W. Schneider. Woodbridge, 2013. P. 17–182.
- Keynes S.* Alfred the Great and the Kingdom of the Anglo-Saxons // *A Companion to Alfred the Great* / Ed. N. G. Discenza, P. E. Szarmach. Leiden; Boston, 2015. P. 13–46. (a)
- Keynes S.* H. M. Chadwick and Anglo-Saxon England // *H. M. Chadwick and the Study of Anglo-Saxon, Norse and Celtic in Cambridge* / Ed. M. Lapidge. Aberystwyth, 2015. P. 111–141. (b)
- Kleinschmidt H.* William Henry Stevenson and the Continental Diplomatics of his Time // *Rekishi jinrui (History and Anthropology)*. 1998. Vol. 26. P. 240–276 [3–39].
- Kozel G.* *The Politics of Memory and Identity in Carolingian Royal Diplomas*. Turnhout: Brepols, 2012.
- Kristensen A. K. G.* Danelaw Institutions and Danish Society in the Viking Age: *Sochemanni, Liberi Homines and Königsfreie* // *Mediaeval Scandinavia*. 1975. Vol. 8. P. 27–85.
- Kristensen A. K. G.* Free Peasants in the Early Middle Ages: Freeholders, Freedmen or What? // *Mediaeval Scandinavia*. 1988. Vol. 12. P. 76–105.
- Kroonen G. ȝ.* *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*. Leiden; Boston: Brill, 2013.
- Kuhns M.* *Cotton's Library: The Many Perils of Preserving History*. Lakewood: Lyon Hall Press, 2014.
- Lacey E.* The Charter Evidence for Falconry and Falcon-Catching in England and Wales, *c.* 600 – *c.* 1100 // *Raptor and Human – Falconry and Bird Symbolism Throughout the Millennia on a Global Scale* / Ed. K.-H. Gersmann, O. Grimm. Kiel; Hamburg, 2018. P. 1089–1116.
- Lambert T. B.* *Law and Order in Anglo-Saxon England*. Oxford: Oxford University Press, 2017.
- Langlands A.* *The Ancient Ways of Wessex: Travel and Communication in an Early Medieval Landscape*. Oxford: Oxbow Books, 2019.
- The Languages of Early Medieval Charters: Latin, Germanic Vernaculars, and the Written Word* / Ed. R. Gallagher, E. Roberts, F. Tinti. Leiden; Boston: Brill, 2021.
- Lapidge M.* *Anglo-Latin Literature*. L.; Rio Grande: The Hambledon Press, 1996. Vol. 1: 600–899.

- Lapidge M.* Hector Munro Chadwick // H. M. Chadwick and the Study of Anglo-Saxon, Norse and Celtic in Cambridge / Ed. M. Lapidge. Aberystwyth, 2015. P. 59–82.
- Lavelle R.* Royal Estates in Anglo-Saxon Wessex: Land, Politics and Family Strategies. Oxford: BAR Publishing, 2007.
- Lavelle R.* Alfred's Wars: Sources and Interpretations of Anglo-Saxon Warfare in the Viking Age. Woodbridge: The Boydell Press, 2010.
- Lavelle R.* Royal Control and the Disposition of Estates in Tenth-Century England: Reflections on the Charters of King Eadwig (955–959) // The Haskins Society Journal. 2011. Vol. 23. P. 23–50.
- Liebs D.* Roman Vulgar Law in Late Antiquity // Aspects of Law in Late Antiquity: Dedicated to A. M. Honoré on the Occasion of the Sixtieth Year of his Teaching in Oxford. Oxford, 2008. P. 35–53.
- Lowe K. A.* Lay Literacy in Anglo-Saxon England and the Development of Chirograph // Anglo Saxon Manuscripts and their Heritage / Ed. P. Pulsiano, E. Treharne. Aldershot, 1998. P. 161–204.
- Lowe K. A.* William Somner, S 1622, and the Editing of Old English Charters // Neophilologus. 1999. Vol. 83. P. 291–297.
- Loyn H. R.* Gesiths and Thegns in Anglo-Saxon England from the Seventh to the Tenth Century // The English Historical Review. 1955. Vol. 70. N 277. P. 529–549.
- Loyn H. R.* The Governance of Anglo-Saxon England, 500–1087. L.: Edward Arnold, 1984.
- Loyn H. R.* Dorothy Whitelock, 1901–1982 // Interpreters of Early Medieval Britain / Ed. M. Lapidge. Oxford, 2002. P. 427–440.
- Lund N.* Peter Sawyer (1928–2018) // Northern History. 2018. Vol. 55. P. 135–138.
- Lupoi M.* The Origins of the European Legal Order / Transl. A. Belton. N. Y.: Cambridge University Press, 2000 (первая публикация под заголовком «Alle Radici del Mondo Giuridico Europeo» в 1994 г.).
- Maack M. N.* American Bookwomen in Paris during the 1920s // Libraries and Culture. 2005. Vol. 40. N 3. P. 399–415.
- McCann K.* Anglo-Saxon Kingship and Political Power: *Rex Gratia Dei*. Cardiff: University of Wales Press, 2018.
- MacFarlane Ch., Thomson Th.* The Comprehensive History of England: Civil and Military, Religious, Intellectual, and Social, from the Earliest Period to Suppression of the Sepoy Revolt. L.: Blackie and Son, 1861. Vol. 1.
- Mack K.* Changing Thegns: Cnut's Conquest and the English Aristocracy // Albion: A Quarterly Journal Concerned with British Studies. 1984. Vol. 16. N 4. P. 375–387.

- Maddicott J. R.* Genesis: 'The Witan of the English People', 924–1066 // *The Origins of the English Parliament, 924–1327*. N. Y., 2010. P. 1–56.
- Maitland F. W.* Domesday Book and Beyond: Three Essays in the Early History of England. Cambridge: Cambridge University Press, 1897 [1921] [перепечатано в: Frederic William Maitland: *Historian. Selections from his Writings* / Ed. R. L. Schuyler. Berkley: University of California Press, 1960. P. 145–172].
- Meaney A. L.* King Alfred and his Secretariat // *Parergon*. 1975. Vol. 11. P. 16–24.
- Merisowski M.* Towards a Reappraisal of Carolingian Sovereign Charters // *Charters and the Use of the Written Word in Medieval Society* / Ed. K. Heidecker. Turnhout, 2000. P. 15–25.
- Meritt H.* Old English Entries in a Manuscript at Bern // *Journal of English and Germanic Philology*. 1934. Vol. 33. N 3. P. 343–351.
- Molyneaux G.* The Formation of the English Kingdom in the Tenth Century. N. Y.: Oxford University Press, 2015.
- Naismith R.* Money and Power in Anglo-Saxon England: The Southern English Kingdoms, 757–865. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. (a)
- Naismith R.* Payments for Land and Privilege in Anglo-Saxon England // *Anglo-Saxon England*. 2012. Vol. 41. P. 277–342. (b)
- de Navarro J. M.* Hector Munro Chadwick, 1870–1947 // *Interpreters of Early Medieval Britain* / Ed. M. Lapidge. Oxford, 2002. P. 195–221.
- Niles J. D.* The Idea of Anglo-Saxon England 1066–1901: Remembering, Forgetting, Deciphering, and Renewing the Past. Chichester: John Wiley & Sons, 2015.
- Oleson T. J.* The Witenagemot in the Reign of Edward the Confessor: A Study in the Constitutional History of Eleventh-Century England. Toronto: University of Toronto Press, 1955.
- Padel O. J.* Simon Keynes: The Man and the Scholar // *Writing, Kingship and Power in Anglo-Saxon England* / Ed. R. Naismith, D. A. Woodman. N. Y.: Cambridge University Press, 2018. P. 18–21.
- Parsons M. P.* Some Scribal Memoranda for Anglo-Saxon Charters of the 8th and 9th centuries // *Mitteilungen des österreichischen Instituts für Geschichtsforschung*. 1939. Erg. Bd. 14. S. 13–32.
- Pelteret D.* Catalogue of English Post-Conquest Vernacular Documents. Woodbridge: The Boydell Press, 1990.
- Pelteret D. A. E.* Diplomatic Elements in Willibrord's Autobiography // *Peritia: Journal of Medieval Academy of Ireland*. Turnhout, 2011–2012. Vol. 22–23. P. 1–14.
- Political Assemblies in the Earlier Middle Ages* / Ed. P. S. Barnwell, M. Mostert. Turnhout: Brepols, 2003.

- Pratt D.* The Political Thought of King Alfred the Great. N. Y.: Cambridge University Press, 2007.
- Pratt D.* Demesne Exemption from Royal Taxation in Anglo-Saxon and Anglo-Norman England // The English Historical Review. 2013. Vol. 128. N 530. P. 1–34.
- Pratt D.* Charters and Exemption from Geld in Anglo-Saxon England // Writing, Kingship and Power in Anglo-Saxon England / Ed. R. Naismith, D. A. Woodman. N. Y., 2018. P. 181–201.
- Pratt D.* Royal Taxation and Written Record in Eleventh-Century England and Ninth-Century West Francia // Anglo-Norman Studies. 2019. P. 135–154.
- Prisca Munimenta: Studies in Archival and Administrative History presented to Dr A. E. J. Hollaender / Ed. F. Ranger. L.: University of London Press, 1973.
- Reuter T.* Assembly Politics in Western Europe from the Eighth Century to the Twelfth // Medieval Politics and Modern Mentalities / Ed. J. L. Nelson. N. Y.: Cambridge University Press, 2006. P. 193–216.
- Reynolds S.* Fiefs and Vassals: The Medieval Evidence Reinterpreted. Oxford: Clarendon Press, 1994.
- Reynolds S.* Kingdoms and Communities in Western Europe, 900–1300. 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1997.
- Roach L.* Kingship and Consent in Anglo-Saxon England, 871–978: Assemblies and the State in the Early Middle Ages. N. Y.: Cambridge University Press, 2013. (a)
- Roach L.* Law Codes and Legal Norms in Later Anglo-Saxon England // Historical Research. 2013. Vol. 86. N 233. P. 465–486. (b)
- Roach L.* Penitential Discourse in the Diplomas of King Æthelred ‘the Unready’ // The Journal of Ecclesiastical History. 2013. Vol. 64. N 2. P. 258–276. (c)
- Roberts J.* Extending the Frontiers: Scholar Collectors // The Cambridge History of Libraries in Britain and Ireland / Ed. E. Leedham-Green, T. Weber. Cambridge, 2006. P. 292–301.
- Roebuck T.* Edmund Gibson’s 1695 *Britannia* and Late-Seventeenth-Century British Antiquarian Scholarship // Erudition and the Republic of Letters. 2020. Vol. 5. N 4. P. 427–481.
- Rumble A. R.* Anglo-Saxon Royal Archives: Their Nature, Extent, Survival and Loss // Kingship, Legislation and Power in Anglo-Saxon England / Ed. G. R. Owen-Crocker, B. W. Schneider. Woodbridge, 2013. P. 185–199.
- Ryan M. J.* ‘Charters in Plenty, if Only They Were Good for Anything’: The Problem of Bookland and Folkland in Pre-Viking England // Problems

- and Possibilities of Early Medieval Charters / Ed. J. Jarrett, A. S. McKinley. Turnhout, 2013. P. 19–32.
- Sawyer P. H.* Anglo-Saxon Charters: An Annotated List and Bibliography. L.: Offices of the Royal Historical Society, 1968.
- Sawyer P. H.* The Charters of Burton Abbey and the Unification of England // Northern History. 1975. Vol. 10. P. 28–39.
- Scragg D. G.* A Conspectus of Scribal Hands Writing English, 700–1100. Cambridge: D. S. Brewer, 2021.
- Sharpe R.* Pierre Chaplais, 1920–2006 // Biographical Memoirs of Fellows of the British Academy. 2012. Vol. 11. P. 115–150.
- Shaw Ph. A.* Adapting the Roman Alphabet for Writing Old English: Evidence from Coin Epigraphy and Single-Sheet Charters // Early Medieval Europe. 2013. Vol. 21. N 2. P. 115–139.
- Shaw R.* Bede's Sources for his References to 'Hides' in the *Ecclesiastical History* and the *History of the Abbots* // Historical Research. 2016. Vol. 8. P. 412–434.
- Smith S. T.* Land and Book: Literature and Land Tenure in Anglo-Saxon England. Toronto; Buffalo; L.: University of Toronto Press, 2012.
- Snook B.* The Anglo-Saxon Chancery: The History, Language and Production of Anglo-Saxon Charters from Alfred to Edgar. Woodbridge: The Boydell Press, 2015. (a)
- Snook B.* Who Introduced Charters into England? The Case for Theodore and Hadrian // *Textus Roffensis: Law, Language, and Libraries in Early Medieval England* / Ed. B. O'Brien and B. Bombi. Turnhout, 2015. P. 257–289. (b)
- Stenton D. M.* Sir Frank Merry Stenton, 1880–1967 // Interpreters of Early Medieval Britain / Ed. M. Lapidge. Oxford, 2002. P. 247–283.
- Stenton F. M.* The Latin Charters of the Anglo-Saxon Period. Oxford: Clarendon Press, 1955.
- Stevenson W. H.* An Old-English Charter of William the Conqueror in favour of St. Martin's-Le-Grand, London, A.D. 1068 // The English Historical Review. 1896. Vol. 11. P. 731–744.
- Stevenson W. H.* Trinoda Necessitas // The English Historical Review. 1914. Vol. 29. N 116. P. 689–703.
- Story J.* Carolingian Connections: Anglo-Saxon England and Carolingian Francia, c. 750–870. Aldershot; Burlington (Vt.), 2003.
- Sukhino-Khomenko D.* Historiographical Wishful Thinking and Debates on Some Early Medieval Social Phenomena in the North Sea Region // Vox Medii Aevi. 2018. Vol. 2 (3). P. 38–69.
- Sukhino-Khomenko D.* «Thrymsa, a Coin [not] in Circulation in Northern England»: Source Criticism of Archbishop Wulfstan's *Norðleoda laga* and

- its Monetary Systems in the Way of Social History (England, 10–11th centuries) // *Proslogion: Studies in Medieval and Early Modern Social History and Culture*. 2021. Vol. 6 (1). P. 8–42.
- Thacker A. T.* Some Terms for Noblemen in Anglo-Saxon England, c. 650–900 // *Anglo-Saxon Studies in Archaeology and History*. 1981. Vol. 2. P. 201–236.
- Thacker A. T.* England in the seventh century // *The New Cambridge Medieval History*. Cambridge, 2005. Vol. 1: c. 500–c. 700. P. 462–495.
- Thompson S. D.* Anglo-Saxon Royal Diplomas: A Palaeography. Woodbridge: Boydell and Brewer, 2006.
- Timofeeva O.* Chancery Norms Before Chancery English? Templates in Royal Writs from Alfred the Great to William the Conqueror // *Journal of Historical Pragmatics*. 2019. Vol. 20. N 1. P. 51–77.
- Trousdale A. A.* The Charter Evidence for the Reign of King Edmund (939–46) // *Problems and Possibilities of Early Medieval Charters* / Ed. J. Jarrett, A. S. McKinley. Turnhout, 2013. P. 253–274.
- Wickham C.* Problems of Doing Comparative History // *Challenging the Boundaries of Medieval History: The Legacy of Timothy Reuter* / Ed. P. Skinner. Turnhout, 2009. P. 5–27.
- Williams A.* Land Tenure // *The Wiley Blackwell Encyclopedia of Anglo-Saxon England* / Ed. M. Lapidge. 2nd ed. Chichester, 2014. P. 282–283.
- Williams K. J.* Antiquarianism: A Reinterpretation // *Erudition and the Republic of Letters*. 2017. Vol. 2. N 1. P. 56–96.
- Whitelock D.* Florence Elizabeth Harmer, 1890–1967 // *Interpreters of Early Medieval Britain* / Ed. M. Lapidge. Oxford, 2002. P. 369–382.
- Wood I.* The gifts of Wearmouth and Jarrow // *The Languages of Gift in the Early Middle Ages* / Ed. W. Davies and P. Fouracre. Cambridge, 2010. P. 89–115.
- Woodman D. A.* ‘Æthelstan A’ and the Rhetoric of Rule // *Anglo-Saxon England*. 2013. Vol. 42. P. 217–248.
- Woodman D. A.* Charters, Northumbria and the Unification of England in the Tenth and Eleventh Centuries // *Northern History*. 2015. Vol. 52. N 1. P. 35–51.
- Woodman D. A.* Hagiography and charters in early Northumbria // *Writing, Kingship and Power in Anglo-Saxon England*. Cambridge, 2018. P. 52–70.
- Wormald P.* Charters, Law and the Settlement of Disputes in Anglo-Saxon England // *The Settlement of Disputes in Early Medieval Europe* / Ed. W. Davies, P. Fouracre. N. Y., 1986. P. 149–168.
- Wormald P.* A Handlist of Anglo-Saxon Lawsuits // *Anglo-Saxon England*. 1988. Vol. 17. P. 247–281.

- Wormald P.* Maitland and Anglo-Saxon Law: Beyond Domesday Book // Proceedings of the British Academy. 1996. Vol. 89. P. 1–20.
- Wormald P.* Frederic William Maitland and the Earliest English Law // Law and History Review. 1998. Vol. 16. N 1. P. 1–25.
- Wormald P.* *On þa Wæpnedhealf*: Kingship and Royal Property from Æthelwulf to Edward the Elder // Edward the Elder, 899–924 / Ed. N. J. Higham, D. Hill. L.; N. Y., 2001. P. 264–279.
- Wormald P.* Bede and the Conversion of England: The Charter Evidence // *Wormald P.* The Times of Bede / Ed. S. Baxter. Oxford: Blackwell, 2006. P. 135–166 (first published in 1984).
- Wormald P.* Papers Preparatory to The Making of English Law: King Alfred to the Twelfth Century / Ed. S. Baxter, J. Hudson. University of London: Early English Laws, 2014 // <http://https://law.harvard.edu/faculty/cdonahue/courses/lhsemelh/materials/Papers%20Preparatory%20to%20MEL2.pdf> (25.12.2021).

Онлайн-ресурсы / Online resources

- Anglo-Saxon Cluster* // <https://ascluster.org> (3.10.2021; на момент написания статьи ресурс остановлен).
- ASChart* – Anglo-Saxon Charters // <https://aschart.kcl.ac.uk> (3.10.2021).
- Bosworth-Toller's Anglo-Saxon Dictionary online* // <https://bosworthtoller.com/> (8.07.2022).
- DOE* – Dictionary of Old English: A to I online / Ed. A. Cameron, A. C. Amos, A. diPaolo Healey et al. Dictionary Toronto: Dictionary of Old English Project, 2018 // <https://tapor.library.utoronto.ca/doe/> (3.10.2021).
- DEEDS* – *Documents of Early England Data Set* // <https://deeds.library.utoronto.ca> (3.10.2021).
- Electronic Kemble* // <https://dk.usertest.mws3.csx.cam.ac.uk> (3.10.2021; на момент написания статьи ресурс работает нестабильно; прежние адреса: <https://kemble.asnc.cam.ac.uk>; <https://trin.cam.ac.uk/kemble>).
- England c. 450–1066 in a Nutshell* // <https://anglo-saxons.net> (3.10.2021; на момент написания статьи тексты грамот по-прежнему доступны при введении в адресную строку полного URL-адреса: <https://anglo-saxons.net/hwaet/?do=get&type=charter&id=>, где после последнего «=» вводится номер грамоты по списку Сойера).
- LangScope* – The Language of Landscape // <https://langscope.org.uk/index.html> (3.10.2021; на момент написания статьи работает нестабильно, карты не отображаются).
- LASC* – Languages of Anglo-Saxon Charters // <https://ehu.eus/lasc> (3.10.2021).

PASE — Prosopography of Anglo-Saxon England // <https://pase.ac.uk/>
(14.02.2022).

Revisited Sawyer // <https://cam.ac.uk/chartwww> (3.10.2021; на момент написания статьи ресурс не поддерживается).

S – The Electronic Sawyer // <https://esawyer.lib.cam.ac.uk> (3.10.2021; на момент написания статьи не поддерживается машинный поиск по номерам Соьера, Бёрча и Кембла).

Информация об авторах

ДЕНИС ВЛАДИМИРОВИЧ СУХИНО-ХОМЕНКО
аспирант Университета г. Гётеборг
(Швеция) в Институте исторических
исследований

Institutionen för historiska studier,
Box 200, 405 30 Göteborg, Sverige
e-mail:

denis.sukhinokhomenko@gu.se

Information about the authors

DENIS V. SUKHINO-KHOMENKO
PhD-student at the University of
Gothenburg (Sweden), Department
of Historical Studies

Institutionen för historiska studier,
Box 200, 405 30 Göteborg, Sverige
e-mail:

denis.sukhinokhomenko@gu.se

ТИМОФЕЙ ВАЛЕНТИНОВИЧ ГИМОН
доктор исторических наук,
профессор РАН,
ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН

Российская Федерация, 119334,
Москва, Ленинский проспект, 32а
e-mail: guimontv@mail.ru

TIMOFEY V. GUIMON
Dr.Sc. (Hist.), Professor of the Rus-
sian Academy of Sciences, leading
researcher at the Institute of World
History of the Russian Academy of
Sciences,

Russian Federation, 119334, Moscow,
Leninsky Prospekt 32a
e-mail: guimontv@mail.ru